

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская

Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

3-IV

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>В. Полленский.</i>	Куда мы идем.
<i>А. Луначарский.</i>	Начала пролетарской эстетики.
<i>А. Богданов.</i>	Очерки организационной науки. Ст. 3-я.
<i>М. Смит.</i>	Пролетаризация науки.
<i>Ф. Калинин.</i>	О методах работы в Пролеткультах.
<i>М. Смит.</i>	Об изучении трудовых процессов.
<i>М. Ф.</i>	82 показания.
<i>Н. Н.</i>	Кладбище паровозов. Стих.
<i>Хроника.</i>	В Пролеткультах. Пролеткульт красной армии. В провинции.
<i>Библиография.</i>	Самобытник. Под красным знаменем. — К. Молтин. "Рассвет". — Т. Печев. "Вечерние песни". — "Вахля". — В. Попов. Рассказы. — Н. Тихомиров. "Красный мост". — Е. Кунов. "Возникновение религии и вера в бога". — Г. Гортер. "Исторический материализм". — А. Богданов и Н. Степанов. Курс политической экономики. Т. 2-ой. 3-4-ый.

№ 11 — 12.

Декабрь 1919 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА.

П 23

1489

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

в Ленинграде

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 26-30.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 10 утра до 4 ч. дня.

№ 11—12.

Декабрь.

1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Куда мы идем. В. Поллакский. — Начала пролетарской эстетики. А. Луначарский. — Очерки организационной науки. Ст. 3-я. А. Богданов. — Пролетаризация науки. М. Смит. — О методах работы в Пролеткультах. Ф. Калинин. — Изучение трудовых процессов. М. Смит. — Кладбище паровозов. Стих. NN. — 82 показания. М. Ф. — Хронолог. Пролеткульта. В Пролеткультах. С. С. — Пролеткульт — красной армии. Е. О. — О работе Тамбовского Пролеткульта в Красной Армии. В. К. — В провинции. Библиография. Самоубийство. Под Красным Знаменем. В. Поллакский. — К. Дюпюи. Рассвет. В. П. — И. Г. Печасов. Вечерние песни. В. И. — И. — Вахтанг. А. О. — В. Попов. Рассказы. А. О. — Н. Тихомиров. Красный Мест. А. О. — Г. Кудов. Волнирование религии и веры в бога. П. Л. — Г. Гортнер. Исторический и материализм. П. Л. — А. Богданов и М. Сипяков. Курс политической экономии. Т. 2. В. А. — П. Л.

Куда мы идем.

Борьба за новую культуру есть борьба за новый строй и новое содержание жизни.

На заре буржуазного общества эта борьба выросла в универсальную проблему, разрешение которой привело к созданию капиталистического уклада жизни.

Под красным знаменем "свободы, братства и равенства" революционная буржуазия конца 18 и начала 19 веков направила свою активность на освобождение человеческой личности от эксплуатации со стороны определенных групп и учреждений общества, со стороны идеологии в форме правового и морального сознания, в форме философско-религиозных проблем о мироздании, о назначении человека и его отношении к миру.

Но разрешить этих вопросов буржуазия не смогла. И перед нами по-прежнему стоит вопрос гейневского юноши: "... Что есть человек? Откуда пришел он? Куда он пойдет?"¹

1.

При свете либерально-демократических философских и социологических систем государство и его учреждения не более как основание жизни отдельной личности. Задача государства собрать единичные воли граждан и установить порядок, направленный к согласованию и урегулированию этих сталкивающихся человеческих воли. Из этого атомистического взгляда на государство вытекало и естественное право человека на независимость его от всякой эксплуатации со стороны чуждых ему сил. Как перед природой, так и перед законом все люди равны; и каждый член общества имеет естественное право удовлетворить свои отдельные интересы, лишь бы он в этом своем стремлении следовал велениям природы, разума.

Эта теория, конечно, не привела к разрешению проблемы об эмансипации человека. Она просто напорола установила равенство людей в их борьбе

за свою независимость, за свое наслаждение благами жизни, созданными как самой природой, так и отдельными группами общества. Правда, эта теория разбила предрассудки феодального общества, что каждый человек от рождения предопределен к известному положению в обществе: господскому или рабскому, но она не уничтожила фактического неравенства и даже больше, она не установила и равных условий для борьбы.

Когда в буржуазном обществе, как в феодальном, ярко вырисовалось богатство, и бедность, капиталист и пролетарий, правители и управляемые, либерально-демократическая идеология признала это вполне естественным порядком, вытекающим не из злой воли людей, а целиком обусловленным самой природой.

Если на фоне этого неравенства развивается конкуренция членов общества, то ведь эта конкуренция есть простое соревнование, и к тому же она свободна; благодаря ей творятся величайшие ценности, которые являются художественным выражением творческой мощи человека; кроме того, к этим ценностям открыт доступ всем, так как все равны и перед законом и перед моралью.

Свобода либеральной культуры, направленная к обладанию независимой личностью определенным количеством благ, оказалась доступной только незначительному меньшинству и притом насчет громадного большинства трудových народных масс, эксплуатируемых меньшинством.

Свобода оказалась в руках правящих классов, целью жизни которых явилась жажда власти и господства, а от этого стали страдать не только эксплуатируемые массы, но и весь складывающийся культурный уклад жизни.

Человек отождествился с количеством благ; а эти блага в виде торгового, промышленного, а ныне и финансового капитала, приобрели ту силу угнетения, которая раньше, особенно в феодальном обществе, приписывалась силам небесного мира.

Естественное право равенства должно было уступить место историческому праву эксплуатации и угнетения. Собственность стала центром культурного порядка капиталистического общества.

Организация промышленных предприятий, трестов, акционерных обществ, бирж, банков,—все это с величайшей очевидностью говорит о развитии в жизни новых феодального типа прав и привилегий. Право и разум уступают свое место силе и собственности. Классовая борьба, ненависть и предрассудки заполняют все страницы истории капиталистической культуры. Культура либерализма со свойственным ей порядком человеческих отношений поставила между людьми собственность и, благодаря ей, вовлекла их в беспрерывное враждебное отношение друг к другу. Эта вражда и ненависть выступает ярко даже в отношениях самих капиталистов. Взаимоотношения, обусловленные исключительно интересами личной наживы, не считаясь со своими ближними, вносят ненависть, злобу, зависть, ехидство, ложь, обман и многое другое на биржу, в акционерную компанию, в политическую партию, и т. п. Каждый буржуа-предприниматель ходит, по словам псалмопевца, „яко лев, иский кого поглотити“. И горе тому человеку, который подойдет к своему союзу с открытым сердцем и полным доверием.

Жизнь в этом обществе полна отчужденности от всего человеческого. Чувство одиночества, оторванности окрашивает все переживания человека, пока жизнь окончательно не механизмирует его. Искренность и простота отношений исчезает даже среди лучших представителей общества. И неудивительно, что в капиталистическом строе на первый план выступает количественная оценка жизни и людей, разрушая внутреннее, творческое единство человеческого общества.

Деньги... вот идеал человека буржуазного общества. Деньги поддерживают и определенный культурный порядок.

Конечно, материальная обеспеченность освобождает человека от зависимости и дает ему уверенность в жизни, но есть предел, за которым при-

обретение денег теряет личный смысл и не только не побуждает к проявлению своих творческих сил, но и задерживает их развитие и проявление.

В противовес этому количественно-утилитарному отношению к людям и обществу в жизни выступило другое, демократическое начало, духовное, качественное. Оно пыталось внести свои коррективы в культуру чистого либерализма, но социально творческого значения оно не имело. Новое начало по преимуществу нравственное, было сформулировано, например, в философских системах Фихте, Канта, Гегеля, в протестантизме.

Кант, например, пытался устранить противоречие между количественным и качественным началом своей теорией государства, как „объединения множества людей согласно правовым законам“.

В кантовском взгляде на государство свобода является силой закона, обязательной для всех, составляющих государство; это уже не просто свобода стремления к независимости. Но и Кант не разрешил основной проблемы, вставшей перед буржуазным обществом, — а именно, как согласовать естественное право человека с государственным правом, как примирить человека с гражданином, как выйти из затруднительного положения „я хочу“ и „я должен“.

Демократия пришла к выводу, что власть должна находиться в руках большинства народа вне всякой зависимости от имущественного состояния и положения. Это большинство регулирует общественную жизнь и дает ей определенное направление в зависимости от общих интересов большинства.

Если либерализм верил, что совместная жизнь „разумных существ“ неизбежно должна привести „к разумной гармонии“, то демократизм пытался эту „гармонию“ установить волей большинства.

Но демократическое государство сохранило все основные черты государства вообще, так как избранные большинством народа должностные лица и органы их управления при существовании классовой структуры общества всегда превращаются в орудие господства над народом. Это прекрасно выяснил Ф. Энгельс, подводя итоги опыту Парижской Коммуны.

Не следует забывать и того, что демократические разговоры о воле большинства народа пустая болтовня. В современном обществе парламент всегда находится в руках буржуазии и служит превосходным средством закабаления пролетарских масс. И как бы демократия не боролась за приобретение большинства в парламенте и за всевластие парламента над правительством, все остается в рамках буржуазного общества эксплуатации и угнетения.

Маркс великолепно схватил эту суть капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их“, — пишет тов. Н. Ленин в своей брошюре „Государство и революция“.

Демократия со своей теорией государства не могла подняться до понятия „коллективной воли“; так как осуществлять „коллективную волю“ можно только тогда, когда исчезнет государство. Тов. Ленин в своей брошюре подтверждает это местом из письма Энгельса к Бебелю, где ясно сказано, что „пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, не будет государства“.

Это основное положение марксизма формулирует ту непреложную истину, что вопрос о свободе человека не может быть разрешен в капиталистическом обществе никакой формулировкой задач и организационных форм государства.

„Для буржуазии, — писал Ф. Лассаль, государственный уклад жизни нужен только для того, чтобы обеспечить каждой отдельной личности беспрепятственное пользование ее собственными силами. Эта идея может быть вполне нравственной и совершенно нас удовлетворила бы, если бы все люди были бы

одинаково ловки и сильны, одинаково хорошо образованы и обладали в одинаковой степени богатством. Но люди не равны и не могут быть равны во всех этих отношениях, и потому буржуазная государственная мораль и недостаточно широка и при последовательном проведении приводит к полной безнравственности; более сильный и более ловкий в силу этой морали эксплуатирует более слабого и притесняет его, насколько только может.

Рабочие смотрят на значение государства иначе. Целью государственного уклада не может быть охранение личной свободы и собственности отдельных людей, которыми они, по буржуазному представлению, уже, как бы, обладают при создании такого уклада; совсем нет, цель установления государственного уклада заключается именно в том, чтобы, объединив отдельных людей, дать им возможность общими силами подняться на такую ступень общественного строя, которой они не могли бы достичь, действуя каждый в отдельности; государственный уклад должен помочь отдельным людям, соединенным в общество, подняться на такой уровень просвещения, свободы и могущества, о котором они не смели и мечтать, оставаясь отдельными, не соединенными общей государственной идеей личностями¹⁾.

Революционная буржуазия не смогла, конечно, подняться до такой точки зрения.

В своей „Декларации прав человека и гражданина“ она провозгласила равенство, свободу, безопасность и собственность.

„Равенство состоит в том, что закон одинаков для всех, защищает ли он, или наказывает“ (ст. 5-я Конституции 1793 г.).

„Свобода есть принадлежащее человеку право делать все, что не вредит правам другого“... (ст. 6-я Деклар. 1791 г.).

„Безопасность состоит в защите, оказываемой обществом всякому его члену для сохранения его личности, его прав и его собственности“ (ст. 8-ая Конст. 1793 г.).

„Право собственности есть принадлежащее всякому гражданину право по своему усмотрению пользоваться и распоряжаться своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и промысла“ (ст. 16-ая Конст. 1793 г.).

Ни одно из этих прав человека, как писал Маркс, „не выходит за пределы эгоистического человека, человека, как члена гражданского общества, т. е. как индивида, ушедшего в себя, в свои частные интересы и свою частную волю и обособившегося от общегития. Человек не только не рассматривается в них как родовое существо, напротив, сама родовая жизнь, общество рассматривается как внешние рамки для индивидов, как ограничение их первоначальной самостоятельности. Единственной связью, объединяющей их, является естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохрание своей собственности и своей эгоистической личности²⁾“.

Но ведь „человек, как член гражданского общества,—продолжает К. Маркс,—имеет значение истинного человека, человека в отличие от гражданина, ибо он является человеком в своем ближайшем чувственном индивидуальном существовании, тогда как политический человек является лишь абстрактным, искусственным человеком как аллегорической, моральной личностью. Действительный человек признан лишь в образе эгоистической личности, истинный человек—лишь в образе абстрактного гражданина³⁾“.

Таковы итоги буржуазной культуры.

II.

Разрешить основную проблему культуры, освобождение личности от эксплуатации и дать возможность выливаться ее творческому началу, оказалось по силам только социализму.

1) Ф. Лассаль. Программа работников. Падание Брунелевского 1906 г. Стр. 35-37.

2) К. Маркс и Ф. Энгельс. Литературное наследство. Том I, стр. 371. Изд. „Мир“.

3) Там же, стр. 375.

Социализм в основу организации общества выдвинул труд. Труд во всех его разнообразных формах, умственный и физический, становится краеугольным камнем культуры, основным фактором жизни; и с точки зрения всеобщего трудового начала происходит перестройка всех социологических, философских и других теорий, переоценка всего строя и всего содержания жизни.

Прежде всего встал вопрос, кто является носителем новой культуры, — и ответ был ясен. Если в буржуазном строе культура определялась господством социальных групп, организующих производство, то теперь строительство культуры переходит к другой социальной категории, к тем, кто является представителем труда.

Когда мы кладем в основу культуры труд, то под последним мы имеем в виду не тот подневольный труд раба, который царил в жизни на протяжении столетий веков и убивал в широких народных массах творческую активность в жизни. Не этот рабский труд, а труд творчески-производительный, дающий нам радость, — вот основа пролетарской культуры. Радостный не потому только, что он при рациональном распределении гармонически развивает наше тело и сообщает ему жизненную устойчивость и равновесие, и не потому, что произведенные вещи эстетически удовлетворяют нас. Труд, как творческий, свободный процесс, который дает возможность не только творить жизнь, но и улучшать ее — вот основа новой культуры. И в этом труде проявится весь человек: мыслящий, чувствующий и созерцающий.

Если раньше труд требовал огромного количества жертв, то эти жертвы были жертвами антисоциальных условий, труд же новой культуры будет основой творческого созидания. Его задача будет заключаться в том, чтоб непрестанно объективировать и умножать содержание жизни, будь то внутри человека, или вне его, всегда творить новую живую действительность. Этот процесс всегда предполагает наличность и тесную связь объекта, над которым совершается творческий акт и субъекта, как носителя и потребителя творчества. В этом сложном организационном сотрудничестве будет осуществляться тесная связь человека с природой, с себе подобными и, наконец, с самим собой.

Трудовой принцип культуры логически и неизбежно устраняет и старую общественную классификацию людей. Принципы этнические, культурно-психологические, политические отпадут навсегда.

Устраняется также и противоречие либерально-демократической культуры с ее количественным и качественным принципами, так как труд, как мы уже указали, гармонически организует мысль, чувство и волю человека, сближает его с природой и создает условия оценки и реорганизации жизни в процессе ее развития.

Социализм, как социалистическая доктрина, целиком отрицает государство, хотя он, стремясь к организации общественных отношений, вытекающих из жизни труда, и ставит проблему организации общества.

В либерально-демократических системах государство даже в своем идеале не мыслилось иначе, как организация принуждения, а фактически было политической организацией, — целиком обслуживающей капиталистов в их эксплуатации народных масс.

Социализм, создавая новое общество, не видит в определенной организации человеческих индивидуумов и их активно-творческих волея насилия над естественным правом человека.

Выявив теоретическую беспомощность буржуазии примирить „человека“ с „гражданином“, К. Маркс указывал, что эмансипация человеческой личности совершится только тогда, „когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и как индивидуальный человек станет родовым существом в своей эмпирической жизни, в своей индивидуальной работе, в своих индивидуальных отношениях, — только тогда, когда человек познает и организует свои личные силы как общественные

силы и потому больше не станет отделять от себя общественной силы в виде политической силы ¹⁾“.

Новое общество как раз и дает возможность разрешить „проклятую“ дилемму буржуазной культуры: „гражданин и человек“, „долг и собственное хотенье“. Либерально-демократические теории разного вида ставили перед государством проблему охранять независимость отдельной личности, социализм ставить другую задачу: организовать общество так, чтобы оно в целом, как коллективный организм, единый в своем многообразии, было творцом жизни, чтобы для человека создавалась возможность развиваться в положительную сторону, т. е. осуществлять истинное человеческое предназначение, культуру в наивысшей, доступной для человеческого рода форме.

В том государственном аппарате, который базируется на солидарности интересов и общем направлении к прогрессу культуры, стремление к власти и подчинению, стремление к затухиванию и примирению социальных классовых противоречий уступает место коллективному энтузиазму и потребности творческого единения.

Все новые общественные отношения, поскольку они сформируются в новых группах и союзах, создадут индивидуально выраженных людей, жизнь которых ~~пополняется социализированным опытом~~. Рост новых общественных групп и союзов, связанных единством социалистического идеала, будет базой культурного содержания жизни, и вне их не сможет кристаллизироваться индивидуальная личность.

Принцип социалистической политики, разрушая авторитарную организацию демократии, ведет к созданию действительно свободной демократии; а это как раз и способствует росту и развитию отдельных индивидуумов в их великом многообразии.

„Кроме того, — как пишет Д. Койген, — всеобщность и индивидуальность, жизнь космоса и жизнь единичного явления найдут примирение в искусстве, в той стороне культурной действительности, которая стремится проникнуть во все проявления человека, от языка и труда вплоть до его отношений к миру в его целом. Благодаря искусству, вся природа, все телесное приобретает социально-духовную сущность; мир природы принимает художественные формы, и мы вступаем в интимные отношения с природой. Искусство развивает непосредственность и независимость“.

Из сказанного явствует, что человек будущего будет жить чувствами и желаниями положительными, утверждающими и созидющими.

Но социализм, как высшая ступень культурного развития человечества, не может дать нам нового человека „из пены воли“, не знающего своего родства, чуждого всего исторического наследства. Наоборот. Положив в основу всего культурного творчества труд, как побуждение и регулятор жизни, новый человек естественно будет ликующим наследником всего исторического содержания жизни.

Но та гармония и единство, в котором будет жить этот ликующий наследник, не исключает драматизма жизни.

С развитием социалистической жизни, по мере укрепления принципа коллективизма, драматизм бытия буржуазного общества уступит место новым конфликтам и новой борьбе. Но это не будет борьба за управление и за свое отдельное существование. Трагизм личности будет подниматься до трагизма группы, союза и даже всего общественного организма.

Если уже теперь истинно товарищеские отношения членов социалистических организаций окрашиваются глубоким чувством интимности, то в будущем, эта интимность проникнет всю структуру социалистического мира и не даст отдельной личности оторваться от той или иной общественной группы, необходимого органа в жизни общества, связанного с последним единым принципом и единым содержанием.

1) Маркс и Энгельс. Литературное наследство. Стр. 375. Том I.

Да и самый трагизм личности будет обуславливаться не разладом между сознанием и чувством, а теми препятствиями в борьбе с внешними условиями, с которыми человечество будет встречаться в своем утверждении жизни.

Социализм чувства, социализм сознания и социализм действия, это — едино суть.

Однако трагизм жизни в нашем понимании исключает тот пессимизм и оптимизм, которые были присущи нравственно-философским системам буржуазного общества. Последнее было организовано на эксплуатации чужих сил, все было основано на принципе капиталистической полезности в полном значении слова и на борьбе классов; внутренняя раздробленность, безидеальность, угнетение — его принципы. В таком обществе, у творцов различных доктрин, в зависимости от их классового или группового положения в обществе, могли строиться системы, окрашенные в пессимизм и оптимизм, в социалистическом же обществе, при всеобщем экономическом и правовом равенстве, этим настроениям не будет места. Трагизм бытия будет зависеть от тех или иных длительных или скоропроходящих, глубоких или случайных препятствий в организации жизни. Сознание же собственного всемирно-исторического назначения, уверенность в возможности осуществления этой великой роли будут сообщать трагизму социалистической личности героический характер.

В обществе, где труд является результатом грубого воздействия законов политической и физиологической жизни, рост нравственного сознания падает. Борьба за существование убивает все высшие порывы человека. И только новая культура, которая будет служить не отдельной личности, а целому человечеству, может выставить новый принцип нравственности, что человек должен жить не как современный индивидуалист, а как носитель социалистической идеи, как выразитель коллективной воли общества. И новый человек таким может быть. Правда, в социалистическом обществе сузится область нравственных отношений в политической области, но зато она значительно расширяется в сфере освобожденного труда и индивидуальной жизни. Творцу жизни не может быть чуждо сознание ответственности перед обществом, основной принцип морали.

Эту мысль прекрасно выразил в своей знаменитой речи Лассаль. Он сказал: „У низших классов общества, к их огромному счастью, противоречия между личными интересами и культурным развитием всего народа совершенно не имеется.

Мы не хотим сказать этим, чтобы у низших классов совершенно отсутствовало всякое своекорыстное чувство; его еще значительно больше, чем следует, и у них, но оно сохраняется тут, как порок отдельных личностей, а вовсе не составляет характерной и неотъемлемой особенности целого класса...

Раз низшие классы общества желают улучшения своего классового положения, раз они заботятся об интересах всего своего класса, — их личный интерес уже не противоречит историческому процессу и не делает сословие существенно безнравственным: больше того — личный интерес в таком случае по своему направлению вполне совпадает с развитием всего народа, с победой передовых идей, с прогрессом культуры, с наиболее жизненным принципом, состоящим в развитии свободы. Дело низшего класса становится, как мы уже указали, делом всего человечества. ¹⁾“

Если в капиталистическом обществе отношения людей регулировались разного рода правами и менее всего нравственным сознанием, то в будущем эти отношения будут в значительной степени регулироваться нравственным требованием жить ради развития культуры, ради сознания в себе всеобъемлющего, непрерывного и свободного творца жизни, ради превращения

¹⁾ Лассаль, „Программа работников“. Издание Врублевского 1906 г., стр. 84.

жизни в творческий акт и защиты этого акта. Быть героем в личной и общественной жизни станет стремлением каждого. Если раньше человек видел свое счастье в отсутствии личных страданий, то теперь — в торжественном и победном шествии „из мира необходимости в царство свободы,“ из мира буржуазной культуры в мир пролетарской культуры.

И идея нового общества, пролетарской культуры, должна слиться с нашим внутренним „я“. Она должна быть, скажу словами того же Лассалля, „перед вами в мастерской за работой, и в часы отдыха, на прогулке, на собраниях; она не должна покидать вас даже тогда, когда вы ляжете на свое жесткое ложе для отдыха, и тут, пока сон не смежит ваших глаз, идея эта должна наполнять вашу душу и занимать вас... Чем пламеннее отнесетесь вы к своей задаче, тем более вы ускорите наступление господства истинного принципа переживаемого исторического периода, тем совершеннее и быстрее исполните свою миссию!“.

Иначе, — чем энергичнее и самоотверженнее мы возьмемся за строительство своей культуры, особенно в области быта, тем скорее разрешим задачу совершенного социалистического переворота.

Валерьян Полянский.

Начала пролетарской эстетики.

Может ли быть особая классовая эстетика? — Конечно, может.

Разве есть на свете образованный человек, который станет отрицать, что у разных народов разная эстетика. Надо стать на довольно высокую и своеобразную ступень культурного развития, чтобы приобрести способность находить красоту почти во всех произведениях искусства и одинаково восторгаться деревянным идолом какого-нибудь ботокуда, Венерой Милосской и статуей Бурделля.

Трудно сказать, какая точка зрения выше. Точка ли зрения истории искусства, которая умеет видеть во всех эстетиках различных народов и эпох только разновидности единой эстетики, разновидности непримиримые, сами по себе противоречащие друг другу, — или точка зрения человека, преданного своему стилю, определившего свой вкус и поэтому нетерпимо относящегося ко всему чуждому. Но как бы то ни было, ясно, что не только разные народы разно понимают красоту женщины, красоту красок, форм, они разно воплощают свое божество, свои идеалы, но что в разные эпохи они меняют эти свои вкусы и переходят к прямо противоположному.

И если мы присмотримся к тому, почему же меняются вкусы, то мы увидим, что в основе этого лежат перемены в экономической структуре, вообще перемены в степени влияния того или другого общественного класса на культуру.

В некоторых случаях это очень ярко бросается в глаза. Так, например, Гёте с большим остроумием говорит, что народная ярмарка из толпы, одетой в самые разнородные пестрые костюмы, с гулом, разговором, взрывами смеха, писком дудок, ревом скота, выкриками торговцев и т. п. производит самое пьяняще-веселое впечатление на человека из простолюдины. Наоборот, интеллигент, по мнению Гёте, найдет эти краски кричащими, это движение головокружительным и утомительным, этот шум нестерпимым и тяжелым, и кроме головной боли ничего из зрелища не вынесет. Наоборот, какой-нибудь чопорный праздник интеллигентов с их темными костюмами, с их размеренными движениями покажется ражему парню или веселой деревенской девушке нестерпимой скукой. Чернышевский с неменьшим остроумием прибавляет: идеал женской красоты присущ крестьянину с одной стороны, интеллигенту — с другой.

1) Там же. Стр. 39.

Великосветские интеллигентные люди, говорит Чернышевский, страшно любят маленькую ногу и маленькую руку. Между тем, что означают эти черты?—Вырождение, паразитизм, это то самое явление, которое некоторых вшей превращает в мешки, лишённые всяких органов. Начало атрофии тела—вот что такое аристократическая рука и нога. Они должны были бы внушать людям нескрываемое отвращение. Наоборот, крестьянин с чрезвычайной точностью может определить, когда он выбирает себе невесту, степень здоровья девушки, и спрашивает себя, хорошая ли она будет работница, жена и мать. Пишущее подношение, физическая сила, ярко выраженные признаки женственности в самом непосредственном смысле этого слова,—вот что будет прельщать его.

Итак, мы видим на примерах противопоставления различных полюсов общества резко противоположные взгляды в области эстетики.

Обратим теперь внимание на какой-нибудь особенно яркий исторический факт. Разве мы не видим, как порхающие купидоны на раззолоченной фигурной мебели, на гобеленах и изукрашенных потолках времени Рококо оказываются внезапно спугнутыми добродетельными мещанами Греза и еще более сухими, стильными по своему рисунку, сдержанными по окраске патриотами Греции и Рима, которых излюбил революционный живописец Давид.

Каждый класс несет с собой свою эстетику, если у него есть свой образ жизни, свой подход к действительности, свой идеал.

Конечно, неправильно противопоставлять огулом буржуазии пролетариат. Буржуазная эстетика—это эстетика выскочек, купцов, фабрикантов. Рядом с ней существует, конечно, выдержанный и определенный вкус аристократии старого типа, более или менее утонченный, часто развращенный, расхлябанный, но иногда очень благородный и высокий, вкус специалистов интеллигентов, мизерная пошловатость вкуса мещан и т. д., и т. д.

Что касается пролетариата, то он в своих произведениях искусства или в жизненной обстановке, конечно, сравнительно мало выявил свое эстетическое лицо. Для этого его слишком долго держали, так сказать, в подвальном этаже культуры, куда не проникали лучи солнца творчества и откуда, вследствие этого, также не поднималось никакое художественное влияние.

Но то, чего можно было ждать априори, что сказалось в некоторых отдельных произведениях, носящих на себе, несомненно, пролетарский характер, написанных либо интеллигентами, находившимися под сильнейшим влиянием пролетариата, либо рабочими художниками, подтверждается тем более густыми всходами пролетарского искусства и пролетарской эстетики, которые видим мы на весенних еще под тяжелыми грозами расцветающих лугах Российской советской культуры.

Но пролетариат, оказывается, в некотором отношении выявил свое эстетическое лицо через создания некоторых прежних классов и групп. Так, например, буржуазно-инженерный империализм, давший известные поэмы в честь машины и крупной индустрии, в роде Келлермана, приводит нас к пролетарской поэзии в честь машины и производства. Только капиталисты берут машину, как машину, и не умеют рассмотреть ее, как помощника человечества, как великое орудие построения в царстве справедливости.

В остальном какой-нибудь Келлерман и какой-нибудь Гастев ближе друг к другу, чем тот и другой к представителю поэтического в толстовском толковании этого слова, т. е. вкусу к изысканному и старинному, или к мещанину с его мелкотравчатой сентиментальностью, видящему в машине один только ужас, грохот и копошь.

С другой стороны, пролетариат в некоторой степени роднится с анахроничной интеллигенцией в революционные эпохи, а иногда и в эпохи реакции. В первом случае группами, во втором единицами интеллигентские художники резко протестовали против действительности, злобно бичевали господствующий класс и часто красноречиво и пылко звали к восстанию.

Но в этих интеллигентских произведениях всегда звучал известный над-
рыв, известная степень истеричности и оторванного от жизни идеализма.

И тут пролетариат, начиная распевать свои боевые песни, вносит в них
больше чего-то жизненного, уверенного, а в горизонты будущего, когда про-
летарский поэт раскрывает их, он вносит больше шири, спокойствия и под-
линного счастья.

Есть перемены и между теми интеллигентами реалистами, которые
с беспощадной суровостью, а порою со слезами сострадания рисовали быт
бедняков, с пролетарским стремлением рассказать всю правду о себе и своем
гнилом житье под тенью капиталистических заводов.

Но в то время, как интеллигент, то ударяется в объективность натура-
листа, идя по стопам Золя, то нытит над изображаемым им горем—пролета-
риат и сюда вносит одновременно замечательный объективизм и спокойствие, а
вместе с тем своеобразный холодный гнев, сразу характеризующий художника
не только как наблюдателя, но и как бойца.

Быть-может, наиболее оригинальным для пролетария является коллектив-
стическая нота в его произведениях. Я не даром назвал лучших среди интел-
лигентов, типа интеллигента творца, анархо-романтиков. Всегда у интеллигента
есть склонность к индивидуализму, рабочий больше чувствует массу по всем
понятным причинам. Рабочие поэты и будут поэтами масс. Они уже начинают
запевать свой гимн массам, для масс и через массы.

Всю оригинальность этой черты пролетариат сможет выразить тогда,
когда он будет в состоянии сам строить свои дворцы и целые города, запи-
сывать фресками неизмеримость стен, населять их народом статуй, заставляя
эти свои дворцы звучать новой музыкой, устраивать на площадях своих го-
родов гигантские зрелища, в которых зритель и действующее лицо смешаются
в одном празднестве. Тогда черта коллективного творчества, к которому про-
летариат воспитался адом капитализма, вылитая со всей силой, и все основ-
ные черты пролетарского искусства: любовь к науке и технике, широкий
взгляд на будущее, боевой пыл, беспощадная правдивость,—приобретут тогда,
рисуюсь на канве коллективистического восприятия мира и коллективного
творчества, неслыханный размах и едва предчувствуемую глубину.

Такова в общих чертах эстетика пролетариата.

А. Луначарский.

Очерки организационной науки.

Основные организационные механизмы ¹⁾.

1. Механизм формирующий.

1. Конъюгация.

Человек в своей организующей деятельности является только учеником
и подражателем великого всеобщего организатора—природы. Поэтому методы
человеческие не могут выйти за пределы методов природы, и представляют
отношению к ним только частные случаи. Но нам эти частные случаи,
разумеется, более близки и знакомы, и потому изучение организационных
методов приходится вести, исходя именно из них, а от них переходя уже к
более общим, и затем всеобщим путям организации в природе.

Давно замечено и установлено, что во всей своей деятельности—в прак-
тике и мышлении—человек только соединяет и разделяет какие-нибудь нали-
чные элементы. Процесс труда сводится к соединению разных „материалов“,
„орудий“ труда и „рабочей силы“ и к отделению разных частей этих ком-
плексов, в результате чего получается организованное целое—„продукт“.

¹⁾ Это—третий в ряду „Очерков“. См. „Пр. К.“, №№ 7—8 и 9—10.

Соединяются усилие работника, режущий инструмент, кусок дерева, отделяются стружки и кусочки дерева, разединяется с ним инструмент, завершивший свое движение; прилагается новое усилие к инструменту, приводящее к новому его соприкосновению с куском дерева, и т. под.: цепь сочетаний и разединений, иногда сравнительно простых, чаще очень сложных, трудно описываемых словами, — но всегда только это, и никогда ничего такого, что не укладывалось бы в эти понятия. И так же в области мышления. Усилие обобщающее связывает, объединяет элементы или комплексы опыта, усилие различающее обособляет их; ничего иного, выходящего за эти рамки, здесь быть не может. Никакая логика, никакая методология не находила до сих пор ничего третьего.

Но дальнейшее исследование обнаруживает, что эти два акта — соединение и разделение — играют не равную роль в деятельности человека, занимают в ней не одинаковое место: один из них является первичным, другой — производным, один может быть непосредственным, другой всегда бывает только результатом. Предположим, что работнику надо разрезать кусок дерева на две части, или хотя бы разломать его, вообще — разделить, так или иначе. Никакого прямого, непосредственного акта, которым это достигалось бы, не существует: работник непременно должен привести разделяемый предмет в соприкосновение либо с орудием, либо с органами своего тела — акт соединения — и приложить к этой системе определенное усилие — другой акт соединения. Разрыв связи предмета совершится лишь как *последствие* этих сочетаний, как событие *вторичного* характера.

Не иначе обстоит дело и в мышлении. Никакое „различение“, „противопоставление“, „разграничение“ невозможно без предварительного *сопоставления*, т. е. соединения разделяемых комплексов в некотором общем поле — поле „сознания“ или „опыта“. Ребенок долго не умеет отличать, напр., кошку от собаки, или одного постороннего семье мужчину от другого; только когда ему случится увидеть их рядом, или когда образы их станут привычными и прочно зафиксируются в сознании, так что ясное представление об отсутствующем он может сопоставить с восприятием присутствующего, — только тогда он может „различить“ их, т. е. разделить в своем опыте. Самое усилие, направленное к такой цели, возникает лишь в том случае, если два комплекса имеют нечто общее, некоторыми своими элементами сливаются или смешиваются при своей встрече в поле опыта. Следовательно, и здесь разделение вторично, производно, — и здесь оно получается на основе соединения.

Переходя к процессам стихийной природы, исследование находит в них те же два момента и в том же соотношении. Всякое событие, всякое изменение комплексов и их форм возможно представить, как цепь актов соединения того, что было раздельно, и разделения того, что было связано. Так, напр., питание организма есть присоединение элементов среды к его составу, размножение происходит таким способом, что от организма отделяется известная дуплировка его элементов; все химические реакции сводятся к сочетаниям атомных комплексов вещества и их разложениям; даже простое „перемещение“ тел следует понимать, таким образом, что они отделяются от одних комплексов среды, с которыми были пространственно связаны, и вступают в такую связь с другими. При этом для всякого разрыва связи можно установить, как необходимый предшествующий момент, какой-нибудь акт соединительного характера. Напр., свободная клетка обычно размножается делением на основе своего роста, т. е. присоединения веществ извне; размножение химического комплекса происходит вследствие либо соприкосновения его с другим веществом, либо вступления в него извне новых активностей тепловых, электрических, и т. под. Совершенно самостоятельного акта разделения, не вызванного так или иначе актом соединительным, быть не может.

Следовательно, первичный момент, порождающий изменения, возникновение, разрушение, развитие организационных форм, или *основа формирующего тектологического механизма* есть соединение комплексов. Мы будем обозначать

ее термином, взятым из биологии, более глубоким по смыслу и международным по применению—*конъюгация* ¹⁾).

Надо отчетливо представить себе *всеобщность* этого понятия, чтобы тектологически им оперировать. Конъюгация—это и сотрудничество, и всякое иное общение, напр., разговор, и соединение понятий в идеи, и встреча образов или стремлений в поле сознания, и сплавление металлов, и электрический разряд между двумя телами, и обмен предприятий товарами, и обмен лучистой энергии небесных тел; конъюгация связывает наш мозг с отдаленнейшей звездой, когда мы видим ее в телескоп, и с наименьшей бактерией, которую мы находим в поле зрения микроскопа. Конъюгация—усвоение организмом пищи, которая поддерживает его жизнь, и яда, который его разрушит, нежные объятия любящих и бешенные объятия врагов, конгресс работников одного дела и боевая схватка враждебных отрядов...

Научно-организационные понятия так же строго формальны, как и математические, которые, собственно, к ним и принадлежат; „конъюгации“ настолько же, насколько сложение величин, которое есть ее частный случай. Мы с таким же правом и основанием рассматриваем сражающиеся армии, как два конъюгирующихся комплекса, с каким определяем общую численность участвующих в этой битве сложением числа той и другой стороны. Субъективные цели сторон здесь безразличны; важно объективное соотношение: оба комплекса находятся во „взаимодействии“, их элементы-активности перемешиваются, „влияют“ одни на другие, вообще „комбинируются“, переходит из одного комплекса в другой, в виде, напр., захвата пленных и снаряжения, но также в виде обоюдного заимствования опыта, усваивания друг от друга хотя бы приемов борьбы, часто и других практических сведений. Сплочение общин, племен, народов в обширные общества достигалось в истории как путем войн, так и путем мирных сношений, дружественного обмена; разница в количестве растрат энергии, в степени сопутствующей дезорганизации; но она, как увидим, имеется во всех конъюгационных процессах, с „мирной“ или „враждебной“ тенденцией. И самые результаты далеко не предопределяются этой тенденцией, часто вовсе не соответствуют ей; напр., нож и энергия хирурга, конъюгируясь с жизненным комплексом его пациента, могут иногда дезорганизовать его в большей мере, чем нож и энергия преступного убийцы; дружеское сообщение может нанести человеку смертельный удар; и наоборот, злостное насилие не раз порождало самые положительные жизненные изменения.

Итак, результаты конъюгации бывают тектологически различны. Исследуя вопрос о них, в общем виде, по отношению к элементам-активностям, образующим *содержание* комплексов, легко наметить три мыслимых случая.

1) Активности одного комплекса и активности другого соединяются так, что не делаются „сопротивлениями“ одни для других, следовательно, без всяких „потерь“: предельный положительный результат. Наиболее типичные примеры: слияние двух волн равной длины с полным совпадением их подъемов и их долин; слияние двух капель воды в одну, взятое со стороны химических активностей, воплощенных в ее молекулах; одновременные и одинаково направленные усилия двух работников, приложенные в таких условиях,

2) В биологии это слово применяют к акту соединения двух свободно живущих клеток, составляющему прообраз и зародыш полового размножения. При собственно „конъюгации“ две клетки объединяются временно и частично (обмениваются обыкновенно четвертой частью своего ядерного состава); при так назыв. „копуляции“ они сдвигаются целиком. В обоих случаях за этим обычно следует процесс деления клетки; и каждая вновь образующаяся обладает уже комбинированными свойствами, но наследственности от той и другой стороны, благодаря чему размножение оказывается творчеством действительно новых форм, а не просто умножением повторением старых. Именно этот оттенок—скрытое указание на творчество—и делает термин „конъюгации“, в его универсально-расширенном смысле, наиболее подходящим для тектологии: с ее точки зрения всякое образование новых форм основывается на соединении прежних комплексов, и всякое такое соединение ведет к образованию новых форм.

что они нисколько не мешают друг другу, напр., при поднятии бревна за два конца.

Чем совершеннее становятся приемы научного анализа, тем решительнее выясняется, что в своем чистом и законченном виде этот случай является лишь идеальным. В действительности не бывает абсолютно-гармоничного соединения активностей при конъюгации, не бывает того, чтобы никакая их доля не оказалась сопротивлением для другой.* Две волны не совпадают с абсолютной точностью, и направление усилий двух работников никогда не тождественно вполне; „потери“ могут быть практически-ничтожны, так что вполне законно игнорируются, или даже недоступны современным способам исследования, но для строго-научного мышления они всегда существуют. „Материя“ есть наиболее устойчивая форма активностей, какая нам известна; и однако даже слияние двух капель воды не может не сопровождаться разрушением хотя бы нескольких атомов, или, по крайней мере, нарушением их структуры, при котором тоже „теряется“ часть их электро-химической энергии, рассеиваясь вибрациями. Это не мешает тому, что в массе задач практики и теории такая близость к пределу вполне равносильна его достижению.

2) Случай прямо противоположный: активности одного комплекса становятся всецело сопротивлениями для активностей другого, полностью парализуют их или парализуются ими. Типичные иллюстрации: слияние волн равной длины и одинакового направления при разности в пол-волны; противоположно направленные усилия двух работников; соединение зарядов внутренней и наружной обкладки лейденской банки, и т. п.

С первого взгляда кажется, что этот случай должен быть столь же идеальным, „только мыслимым“, как и предыдущий. Но это не так. Весьма вероятно, — пожалуй, даже несомненно, что направление активностей двух комплексов никогда не окажется вполне противоположным, так что равные их количества не могут до конца парализовать, или „нейтрализовать“ друг друга, — что при этом всегда получаются, хотя бы ничтожно малые, действующие остатки; напр., при равных усилиях двух лиц, тянущих друг друга в противоположные стороны, благодаря не точному совпадению линий этих усилий, непременно обнаруживаются некоторые боковые и колебательные перемещения; и даже взаимный разряд обкладок лейденской банки сам по себе никогда не приведет к абсолютно-нейтральному их состоянию; как „затухающее колебание“, он никогда и не может сам по себе закончиться. Но действующий остаток активностей одного направления, в свою очередь, нейтрализуется вполне, если встречает избыток активностей другого, приблизительно противоположного направления. В этом смысле полная нейтрализация вполне возможна, и представляет явление чрезвычайно частое. Усилия одного работника могут быть до конца парализованы более значительными усилиями другого, положительный электрический заряд — более значительным отрицательным, и т. п.

3) Случай наиболее обычный: два комплекса соединяются таким образом, что их элементы-активности частично складываются, частично являются взаимными сопротивлениями, т. е. организационно вычитаются. Так, два работника вступают в сотрудничество, комбинируя более или менее удачно свои усилия, помогая, но в то же время невольно и мешая друг другу; две волны налагаются, отчасти усиливая одна другую, и т. п. Преобладает то или иное соотношение, от чего и зависит общий характер сочетания.

Сам по себе этот случай не требует особых пояснений. Но надо помнить, что „комплекс“ — величина условная, и от исследователя всецело зависит подразделить ее на части, рассматривая их, как особые комплексы. Их можно мысленно выделить и таким образом, что для некоторых из них получится уже не частичная, а полная нейтрализация их активностей. Напр., в ряду мускульных усилий двух сотрудников можно найти, что некоторые из них вполне парализуются неблагоприятно направленными движениями другого

работника. Следовательно, третий случай, при достаточном анализе, заключает в себе и случаи второго рода, как частичные моменты.

2. Интрессия.

Теперь мы рассмотрим, каковы, в общем виде, результаты конъюгации со стороны формы получающихся систем.

Процесс конъюгации сопровождается, очевидно, преобразованием вступивших в нее комплексов, в той или иной степени. Оно может доходить, как это ясно из предыдущего, до „уничтожения“ или, точнее, нейтрализации одного комплекса, или некоторых из них, если конъюгируют несколько. Но и помимо того, преобразование может быть столь глубоким, что наблюдение уже „не узнает“ прежних комплексов, не признает их за те же самые: конъюгация кислорода и водорода с образованием воды, конъюгация двух механических импульсов, дающих движение по равнодействующей, и т. п. — Однако наиболее общим является тот случай, когда и после преобразования мы принимаем, что комплексы „сохраняются“, продолжают существовать, лишь в измененном виде. Крайние случаи — уничтожение или радикальная реорганизация — при достаточном исследовании сводятся к нему: прослеживая элементы прежних комплексов в новых сочетаниях, научное мышление как бы восстанавливает для себя эти прежние комплексы, находит под измененными формами их „неуничтожаемую“ материю или энергию, те активности-сопротивления, из которых они слагались. Если, напр., положительное и отрицательное электричество обкладок лейденской банки взаимно нейтрализовались путем конъюгации — разряда, то это не означает, что те и другие активности перестали существовать для познания; отсутствие их практических проявлений оно объясняет тем, что элементы обоих прежних комплексов, сгруппировавшись попарно, парализуют друг друга; но их можно вновь разделить и привести к прежнему сочетанию, применив соответственное воздействие извне, т.-е. при помощи новой конъюгации с третьим комплексом. Также кислород и водород, „не узнаваемые“, после их соединения, в виде воды, химия продолжает познавателью находить в ее молекулах, как их элементы-атомы, и дает способы опять раз'единить и сгруппировать в прежние системы. Следовательно, с научной точки зрения результатом конъюгации вообще является система из преобразованных конъюгировавшихся комплексов.

Эти комплексы могут либо остаться во взаимной связи, либо вновь раз'единиться в самом ходе изменений, порожденных конъюгацией. Биологическая „конъюгация“ живых самостоятельных клеток, связанная с их размножением, относится как раз ко второму типу: обе клетки, обменявшись частью своих элементов, расходятся вновь, и самостоятельно делаются дальше. Столкновение двух других тел, после которого они продолжают свой путь в новых направлениях и с новыми скоростями, относится сюда же. Процесс раз'единения может распространиться и на части первоначальных комплексов, — напр., когда два стеклянных тела при взаимном ударе разлетаются вдребезги. Раз'единение, кроме того, иногда идет вообще по линиям, настолько далеким от прежней отдельности комплексов, что нельзя сказать, какой из получающихся новых соответствует тому или иному из первоначальных; таковы, напр., обменные химические реакции, как реакция соды (углекислого натра) с серной кислотой, дающая сернокислый натр, углекислоту и воду. — Но ближайшее рассмотрение удобнее всего начать со случая наиболее простого и очень обычного, когда конъюгирующие комплексы, без радикальной их реорганизации, остаются во взаимной связи: объединение животных разного пола в семью, людей в союз, звеньев в цепь, образов сознания в ассоциацию, и т. п.

Что такое эта связь, в которую объединились данные комплексы? Рассматривая всевозможные случаи, легко убедиться, что сущность ее всегда сводится к одному: данные комплексы имеют некоторую часть, некоторую сумму элементов, *общую* между собою. Это их „связка“. Она бывает в разных

случаях весьма различна. Связка двух конъюгировавших амёб или бактерий—это та слившаяся часть их тел, которая одинаково принадлежит обоим; в случае „копуляции“ она захватывает целиком оба тела. Связка двух звеньев цепи—та часть одного звена, которая лежит внутри другого, и обратно, и специально—поверхность их соприкосновения. Связка двух ассоциированных образов сознания—это их „общие черты“; связка организованных в сотрудничество усилий—их общий объект, и т. д.

В области связки происходят все те изменения, которыми определяется организованность или дезорганизованность создающейся системы. У конъюгировавших живых клеток именно там совершаются обменные процессы, повышающие их жизнеспособность, или—в случаях биологически неудачного сочетания—ее понижающие. Для сотрудников именно в общем объекте приложения их усилий происходит или слияние этих усилий в гармоническую комбинацию, образующую из них одно мощное движение,—или их взаимная задержка, практически их сводящая к малой, а то и ничтожной величине. В консонансе и диссонансе совпадающие части звуковых волн являются областью гармонического, устойчивого взаимоусиления тонов или дисгармоничного их „биения“, и пр.

Связка означает „вхождение“ элементов одного комплекса в другой и обратно; поэтому такие системы, которые образованы из комплексов, объединенных связкой, мы будем называть „ингрессионными“ (ingressio, по-латыни, „вхождение“). Нельзя представить себе такого организационного сочетания, которое не было бы основано на ингрессии: это форма *универсальная*. Иногда опыт непосредственно не дает нам связки между комплексами, которые, однако, составляют вместе некоторую систему, объединены взаимной зависимостью; тогда познание вынуждено конструировать ее, вводить ее гипотетически. Напр., если магнитная стрелка поворачивается вслед за перемещениями куска железа вблизи нее, то принимаются „силовые линии“, которые идут из одного тела в другое и обратно, принадлежа одновременно им обоим; для солнца и планет создается теория о каких-то специфических активностях „тиготения“, которые таким же образом служат связкой между ними, и т. под. Эти построения могут быть, разумеется, и неудачными, неверными; но тогда задача познания заключается не в том, чтобы просто отвергнуть их, а в том, чтобы замѣнить их построениями более целесообразными; обойтись без ингрессии оно так же точно не может, как не может обойтись без нее практика в тех случаях, когда надо организовать определенную систему из наличных комплексов.

Познание в этом случае, как и всегда, берет свои методы из практики. Предположим, что технически требуется прочно соединить два куска металла, или дерева, или веревки. Связка создается вхождением элементов одного комплекса в другой. Осуществить такое вхождение непосредственно бывает не всегда легко, а иногда и невозможно. Для двух веревок оно достигается просто, напр., сплетением волокон той и другой, или же „связываньем“ их концов. Эта простота и легкость зависит от большой *относительной подвижности* их частей. Не то с кусками металла: их элементы, в наших обычных условиях, весьма мало подвижны одни по отношению к другим; и если самая форма кусков не является исключительно удобной для их соединения, как, положим, форма винта и гайки, то непосредственно выполнить его нельзя. Но техника знает способы изменения молекулярной подвижности: куски металла можно или совсем расплавить, что позволит слить их в один, или оплавить каждый с одной стороны, что позволит непосредственно спаять их, или, наконец, не доводя до плавления, увеличить все-таки нагреванием эту подвижность до такой степени, которая допускает „сваривание“ при помощи сильного механического воздействия. Кусков дерева, однако, подобными приемами соединить нельзя: они бесповоротно разрушаются при нагревании раньше, чем могли бы приобрести надлежащую пластичность. В таких случаях обычно применяется метод „сводных“ или „посредствующих“

комплексов. Эту роль может сыграть, напр., клей, в жидком виде легко конъюгирующий с поверхностью дерева, и затем твердеющий, не теряя приобретенной связи. — Этим приемам вполне параллельны, с них как бы скопированы познавательные приемы объединения разных комплексов.

Там, где возможно, познание непосредственно сливает общие элементы данных комплексов, что и называется „обобщением“. Если, напр., в одном поле мышления имеются психические образы воды в реке, воды в ручье, воды в одном, в другом сосуде, и т. д., то связка между ними всеми получается как-бы путем наложения их друг на друга, при котором единство создается само собою, в виде массы совпадающих элементов. Это основная, примитивная фаза познания. На более высокой ступени оно сначала разлагает комплексы на их элементы, т. е., разрывая, мысленно, связи этих элементов, придает им относительную подвижность. Напр., образы человека, рыбы, насекомого весьма трудно непосредственно объединять в поле сознания, и если они налагаются друг на друга, то сочетание получается смутное, немедленно распадающееся. Но когда биология разложила эти комплексы, надо заметить, и тут сначала практически, — на их составные части — органы, ткани, клетки, то создалась полная возможность такого сопоставления, — т. е. мысленной конъюгации, — в котором общие элементы прочно объединяются, и получается устойчивая научная ингрессия. Наконец, в решении еще более сложных конъюгационных задач познание прибегает к методу вводных или посредствующих комплексов. Напр., между человеком и обезьяной оно вводит образ их общего предка, между пространственно удаленными, но взаимно-зависимыми телами — эфир с различными натяжениями и колебаниями в нем, и т. под.

Создавать ингрессии практически человек может только в поле своих коллективно-трудовых мускульных усилий, следовательно, в ограниченных рамках. Но эти рамки постоянно расширяются с прогрессом труда. При этом опыт показывает, что посредством вводных звеньев, целесообразно выбранных, одного или нескольких или многих, возможно установить реальную связь между любыми комплексами, как бы ни были они взаимно удалены в поле труда, или взаимно несовместимы по направлению активностей. Можно координировать усилия работников, находящихся на противоположных сторонах земного шара: надо только ввести между ними достаточное число телеграфных станций и проводов; можно устроить переговоры между ожесточенно бьющимися врагами, — надо только найти подходящих посредников; можно добиться взаимного понимания и точного согласования действий между эскимосом и папуасом, между английским рабочим и русским крестьянином, — нужны только знающие и толковые переводчики; можно соединить огонь и воду для приготовления пищи, нежные клетки мозговых центров и стальное орудие — для производства или разрушения, и т. д.

Познание оперирует с комплексами гораздо более пластичными, а его поле, имеющее своей основой то же самое поле физического труда, расширяется гораздо быстрее и легче. Поэтому соответственно быстрее и легче оно разворачивает свою цепь ингрессий. Устанавливая новые и новые связи там, где их раньше не было, переходя в своей объединяющей работе всякие данные границы во все более короткое время, оно уже давно пришло к идее непрерывной связи всего существующего, к идее „мировой ингрессии“.

3. Дезингрессия.

Результатом конъюгации может явиться не только более или менее устойчивая ингрессия. Во многих случаях получается иное — распадение конъюгированной системы, образование новых отдельных, новых „границ“. Рассмотрим один из простейших случаев такого рода.

На укрепленной одним концом шелковой нити висит гиришка; этот сложный комплекс называют „физическим маятником“. Нить натянута: вес гиришки вместе с ничтожным ее собственным весом представляет определенную сумму

активностей, направленных к центру земли. Гирька, однако, висит, а не падает, потому что имеется другая группа активностей—„сцепление“, которая противодействует натяжению, и превосходя его своей величиной, более чем парализует его, не позволяя перейти в реальное падение.

Теперь мы конъюгируем с этой системой новый комплекс: навешиваем еще гирьку. Сумма активностей натяжения, следовательно, возрастает. Если она все-таки остается меньше активностей сцепления во всякой части нити, то маятник продолжает висеть, как прежде. Но, допустим, получилось иное соотношение: в одном пункте, или, точнее, в одном из поперечных сечений нити, в таком месте, где нить, напр., всего тоньше, сумма активностей натяжения оказалась *в точности равна* сумме активностей сцепления. Что тогда там произойдет?

С первого взгляда кажется, что не должно случиться ничего особенного: те и другие активности взаимно парализуются, ни те, ни другие, следовательно, не проявляются в реальных изменениях. Но это не так.

В том месте, где собственные активности комплекса вполне нейтрализованы, исчезает, очевидно, всякое сопротивление активностям *внешним*. А они всегда имеются. Нет и не может быть комплексов изолированных в самих себе: каждый окружен *средою*, иначе организованными комплексами, иными активностями. Они тектологически ему „враждебны“, т. е., разворачиваясь по своим направлениям, они могут нарушать его форму, разрушать его; и этого нет именно постольку, поскольку он представляет сопротивление. А раз только в каком-либо его пункте или области сопротивление исчезло, стало равно нулю—внешние активности вступают туда, и связь комплекса оказывается разорванной. В данном случае это будут, напр., молекулярные удары частиц окружающего воздуха: при спокойном его состоянии они представляют для нормального сцепления нити безконечно-малую величину; но когда сцепление вполне парализовано, то и безконечно-малых воздействий достаточно, чтобы началось развитие эффекта, который раньше был невозможен: частицы воздуха вступают между частицами нити, они раз'единяются, комплекс распался. Через него прошла *тектологическая граница*.

Как видим, она прошла там, где совершилась полная нейтрализация активностей, то, что мы назовем „*полной дезингрессией*“¹⁾.

Встречается еще до сих пор представление о „пустом пространстве“, как об отсутствии всякой среды. Но оно совершенно ошибочно, противоречит всему смыслу современной науки. В каждом пункте этой „пустоты“—между звездного эфира—всякое помещенное там тело испытывает действие сил электрических, магнитных, тяготения,—тех же, которые в иных, более сложных комбинациях характеризуют и всякую до сих пор нам известную „материальную“ среду. Если сопротивление эфирной среды наименьшее, то это означает, что она складается из комплексов наименее организованных. Сопротивление, однако, существует; хотя для движущегося, напр., тела оно при обычных скоростях бесконечно мало, но с их возрастанием и оно увеличивается; а когда скорость приближается к скорости света, оно растет до безконечно-большой величины, т. е. становится практически непреодолимым. Следовательно, среда всегда налицо; а потому полная дезингрессия всегда обуславливает внедрение элементов активностей среды по линиям уничтоженных сопротивлений,—образование тектологической границы.

Яркая иллюстрация тектологической границы, а также ее изменений—линия фронта. Она проходит там, где враждебные усилия двух армий взаимно

¹⁾ Название это означает факт, противоположный ингрессии. В ингрессии активности, раньше не связанные, соединяются, образуя „связку“ конъюгирующих комплексов; в дезингрессии они взаимно парализуются, что ведет к образованию „границы“, т. е. отдельности. Пока они парализуются не вполне, границы еще нет: это только *частичная дезингрессия*; она всегда примешана ко всякой ингрессии, потому что, как мы видели, не бывает конъюгации комплексов без некоторой растраты их активностей в виде взаимных сопротивлений.

уравновешиваются, и до тех пор, пока они уравновешиваются. Когда равновесие нарушается, как это бывает при наступлении одной стороны, линии фронта исчезает: идут конъюгационные процессы — бои, схватки, в которых элементы обеих сторон перемешиваются в разнообразных сочетаниях и взаимодействиях. Затем боевые активности могут вновь прийти к равновесию на новой линии фронта; или же конъюгация развертывается дальше и дальше, и завершается образованием связки, воплощающейся в мирном договоре, в отношениях господства — подчинения, и т. п. Другая иллюстрация — граница между „северной“ и „южной“ половиной магнита; она также обусловлена взаимной нейтрализацией противоположных активностей, и также может перемещаться, когда изменяется их соотношение, напр., благодаря приближению других магнитных масс или электрических токов. Еще пример — узловые точки стоячих волн в вибрирующем теле: это пункты, где взаимно парализуются противоположные колебательные движения. Всюду организационные границы имеют одну и ту же основу: полные дезингрессии.

Разрыв тектологической границы между двумя комплексами есть вообще начало их конъюгации, момент, с которого они перестают быть тем, чем они были, — тектологическими отдельностями, и образуют какую-то новую систему, с дальнейшими преобразованиями, возникновением связей, дезингрессий частичных или полных, — словом, это организационный кризис данных комплексов. Образование тектологической границы, создавая из данной системы новые отдельности, также делает ее, в организационном смысле, не тем, чем она была; это также ее кризис, только другого типа. Все кризисы, наблюдаемые в жизни и природе, все „перевороты“, „революции“, „катастрофы“ и пр., принадлежат к этим двум типам. Напр., революции в обществе обычно представляют разрыв социальной границы между разными классами; кипение воды — разрыв физической границы между жидкостью и атмосферой; размножение живой клетки — образование жизненной границы между ее частями, приобретающими самостоятельность; смерть — разрыв жизненной связи организма путем парализования в некоторых пунктах его активностей другими, противоположно направленными, и т. д.

Ради краткости, кризисы первого типа мы обозначим, как „кризисы С“, второго — как „кризисы D“¹⁾. На основании предыдущего очевидно, что из них первичными являются кризисы С: всякое разделение обусловливается предшествующими конъюгациями. Так, распадение клетки-матери на дочерние клетки есть результат ее роста, ее питания, т. е. конъюгационного включения в нее элементов из внешней среды; смерть — результат вступления в организм внешних активностей, быстрого и необычного — при насильственной смерти или острой инфекции, постепенного и последовательного — при смерти от старости или от болезней обмена веществ, и т. п.

Конъюгация, ингрессия, связка, дезингрессия, граница, кризисы С и кризисы D — все это основные понятия для формирующего тектологического механизма; они послужат нам для исследования различнейших случаев образования организационных форм, комплексов, систем. Но затем выступает вопрос о судьбах возникающих формирований — об их сохранении, закреплении, распространении, или их упадке, гибели. Это — вопрос о регулирующем тектологическом механизме.

II. Механизм регулирующий.

1. Консервативный подбор.

Все, что возникает, имеет свою судьбу. Ее первое, простейшее выражение сводится к дилемме: сохранение или уничтожение. То и другое совершается закономерно, так что нередко удается даже предвидеть судьбу форм.

1) Т. е. „конъюгационные“, соединительные, и „дисъюнктивные“, разделятельные.

Закономерное сохранение или уничтожение—это и есть первая схема универсального регулирующего механизма. Обозначать его всего лучше тем именем, которое он давно получил в биологии — „отбор“ или „подбор“. Определение же „естественный“ мы отбросим, так как для тектологии различие „естественных“ и „искусственных“ процессов не является принципиальным.

Понятие подбора, проложившее себе дорогу раньше всего в биологии, тем не менее, как мы сказали, универсально: организационная наука должна применять его ко всем и всяким комплексам, их системам, связям, границам. Чтобы иллюстрировать эту всеобщность, возьмем ряд примеров самого различного характера.

В стране происходит изменение климата: он становится холоднее. Из животных и растений, там обитающих, одни в состоянии перенести эту перемену обстановки, и выживают; другие погибают. В результате — организация жизни на данной территории регулирована соответственно новым условиям.

Вместо перемены климата подставим вселение человека, раньше там не жившего. Он истребляет одни организмы, отнимает средства питания у других, поддерживает третьих непосредственно, четвертым помогает косвенно, уничтожая их врагов, и т. д. Тектологически, случай вполне однородный с предыдущим: организация жизни регулируется сообразно обстановке. Воздействие человека, планомерное или бессознательное, для каждой жизненной формы такая же внешняя активность, полезная или безвредная или разрушительная, как изменение температуры или влажности.

Город подвергается пожару. Погибают по преимуществу здания деревянные, сохраняются каменные. Тот же город оказывается в области землетрясения: многоэтажные и кирпичные постройки рассыпаются, одноэтажные и деревянные выдерживают.

В рукав платья идущего человека засунут ячменный колос остями вниз. Колос получает толчки по всевозможным направлениям; но все перемещения книзу уничтожаются сопротивлением остей, а кверху происходят свободно: колос поднимается по рукаву.

Здесь подбору подвергается ряд комплексов-событий, следующих друг за другом во времени, тогда как в предыдущих примерах дело шло о комплексах-телах, существующих одновременно. Тектологической схемы это несколько не меняет.

Если встряхивать в стороны коробку, в которой лежат, положим, неправильные куски колотого сахара, то куски эти постепенно укладываются так, чтобы центр тяжести всей массы занимал наиболее низкое положение, какое возможно. При разнообразных толчках те движения кусков, которые повышают центр тяжести, уничтожаются в большей мере, чем те, которые понижают, потому что первые встречают сопротивление не только со стороны столь же частых случайных толчков противоположного направления, но и со стороны постоянно действующего земного тяготения — веса кусков.

Если человек попадает в тяжелую обстановку, то из числа новых переживаний преимущественно удерживаются и закрепляются в его психике, а из прежних преимущественно всплывают в его сознании те, которые имеют мрачный, тигостный характер, соответствующий новой обстановке; аналогично и в противоположном случае: подбор психических комплексов со стороны внешней среды.

В обществе, в отдельном его классе, во всяком коллективе, из числа вновь возникающих человеческих группировок, отклонений, идей, удерживаются и сохраняются те, которые соответствуют постоянным и общим условиям его жизни, распадаются и исчезают те, которые в противоречии с ними: подбор социальных комплексов.

Сопоставляя эти различные иллюстрации, легко видеть, что тектологическая схема подбора отличается от „естественного подбора“ биологов одним необходимым упрощением или сокращением. Биологический подбор предпо-

лагает размножение, вместе с наследственностью; обще-организационная схема включать этого не может, потому что размножение — специальная черта живых организмов. Тектология берет из частных наук исходные пункты для своих построений, но всегда при этом вынуждена изменять заимствованные понятия, приспособляя их к универсальности своих задач. Так это было и в предыдущем с понятием „конъюгации“.

Универсальность же схемы подбора такова, что она очевидным образом применима ко всякому комплексу и ко всякой его части во всякий момент, — ибо это в сущности просто определенная точка зрения, с которой можно подходить к любому факту. Человек живет, т.-е. сохраняется в своей данной среде, следовательно, между ним и ею существует закономерное соответствие, достаточное для этого; он умирает — следовательно, такого соответствия уже нет; та или иная клетка его тела живет, пока приспособлена к своей среде, т.-е. в первую очередь к самому организму в его целом, а через него и к внешнему миру, — гибнет, когда это соотношение в достаточной мере нарушилось; и так же любой элемент клетки, любая из ее частичных связей, и т. д.

Человечество в своей практике постоянно, на каждом шагу применяет ту же точку зрения реально, т.-е. действует методом подбора. Даже в специально-биологическом смысле люди полусознательно выполняли „искусственный подбор“ домашних животных и культурных растений, вырабатывая наиболее подходящие для себя формы тех и других, и делали это еще за тысячелетия до того, как был открыт „естественный подбор“: еще одна иллюстрация неизбежного тождества организационных методов человека и природы. А в обще-организационном смысле все производство, вся социальная борьба, вся работа мышления ведутся непрерывно и неуклонно путем подбора: систематическое поддержание комплексов, соответствующих жизненным целям людей, уничтожение противоречащих этим целям.

Так, люди во всех странах истребляют хищников и иных „вредителей“, разводят домашних животных и охраняют полезных диких животных; истребляют растения ядовитые и „сорные“, т.-е. бесполезные сами по себе, но конкурирующие с полезными, — культивируют растения полезные, удовлетворяющие человеческим потребностям. То же и по отношению к природе неорганической: люди разрушают или устраняют одни комплексы, сохраняют другие: взрывают скалы, срывают иногда целые горы, осушают болота, озера, охраняют, где надо, от размывания берега, специально их укрепляя, и т. под. Добывая минералы и металлы, человек разрушает одни механические и химические связи горных пород, сохраняет другие, уже существовавшие или конъюгационно создаваемые его же усилиями. Это относится и вообще к производству всякого продукта: оно необходимо включает в себе момент подбора, который регулирует весь ход измененный материала на пути к окончательному результату; изменение, соответствующее задаче, сохраняется, не соответствующее устраняется новым воздействием.

Борьба классов и групп общества всегда направлена к уничтожению одних социальных форм и отношений, поддержанию и закреплению других, соответственно интересам ведущего борьбу коллектива. И не меньшую роль играет подбор в процессе мышления, где две его стороны выражаются понятиями „утверждения“ и „отрицания“. Размышление, обдумывание, решение вопросов заключается именно в том, что из множества комбинаций, вступающих в поле мышления, одни принимаются, как „удачные“ или „истинные“, другие отвергаются, как „ошибочные“ или „ложные“.

Чем сложнее и труднее для людей задача, чем менее подготовлено предыдущим опытом ее планомерное решение, тем в большей мере среди методов его достижения выступает на первый план механизм подбора. Яркие иллюстрации дает вся история научных открытий и изобретений: долгие „поиски“, заключающиеся в том, что конъюгационно образуется масса комбинаций, которые отвергаются и устраняются одна за другою, пока не получится одна, вполне соответствующая задаче.

В знаменитом открытии „606“ Эрлихом—Гата механизм подбора является и принципом решения, и методом искания. Первый состоял в том, чтобы найти деятель, в данном случае—химическое вещество, который был бы губителен для бледной спирохеты, сифилигического микроба, в значительно большей степени, чем для клеток человеческого организма. Тогда, вводя в кровь хорошо соразмеренное количество этого яда, можно произвести подбор, при котором спирохеты погибнут, а клетки организма—выживут, и причина болезни будет уничтожена. Эрлих и Гата искали такого вещества, испытывая различные органические соединения мышьяка и отвергая одно за другим, как не подходящие, пока шестьсот шестая попытка не дала удовлетворительного результата, а девятьсот восемнадцатая—в некоторых отношениях еще лучшего.

Для тектологических исследований механизм подбора надо отчетливо представлять и в его целом, и в его частях. Он разлагается на три элемента:

1) *Объект* подбора,—то, что ему подвергается, как живые организмы в схеме Дарвина, здания и постройки в примере с землетрясением, перемещения предметов в примерах с колосом и коробкой сахара, связи и соотношения вещей в техническом трудовом подборе, связи и соотношения людей в подборе социальной борьбы, и т. д.;

2) *деятель* или *фактор* подбора,—то, что действует на объект, сохраняя или разрушая его, как жизненная обстановка в схеме Дарвина, механические сопротивления ткани в примере с колосом, аналогичные сопротивления плюс земное тяготение в примере с коробкой, деятельность людей при производственном подборе, и пр.;

3) *основа* или *базис* подбора,—та сторона объекта, от которой зависит его сохранение или устранение, т. е.: полезные приспособления или черты неприспособленности в „естественном“ подборе, направление перемещений в примерах с колосом и коробкой, соответствие потребностям человека при техническом подборе, соответствие структуре общества—в социальном подборе, и т. д.

Первая схема подбора, в которой дело идет только о сохранении организационных форм или их не—сохранении, может быть обозначена поэтому термином—*консервативный подбор*.

2. Подвижное равновесие.

Тектология имеет дело только с активностями, а активности характеризуются только тем, что они производят изменения. С этой точки зрения не может быть речи о простом и чистом „сохранении“ форм, таком, которое было бы настоящим отсутствием изменений. Сохранение является всегда лишь результатом того, что каждое из возникающих изменений уравнивается тут же другим, ему противоположным,—оно есть *подвижное равновесие* изменений.

Организм в своей жизнедеятельности постоянно затрачивает, *теряет*, отдавая окружающей среде, свои активности, в виде вещества своих тканей и энергии своих органов. Это не мешает ему оставаться, приблизительно, практически, „тем же самым“, т. е. сохраняться. Взамен затраченного, он столь же непрерывно берет, *усваивает* из окружающей среды элементы ее активностей, в виде пищи, в виде энергии получаемых впечатлений, и т. под. В течение недель и месяцев совершенно обновляется состав главных, наиболее пластичных тканей нашего организма, в течение нескольких лет—даже состав его скелета. Он сохраняется так же и в том же смысле, как сохраняется форма водопада при постоянно меняющемся материале его воды. Это и есть подвижное равновесие обмена веществ и энергии между живым или не живым комплексом и его средою.

Оно бесконечно распространено в природе; оно одно дает возможность находить в ней какие бы то ни было устойчивые комплексы, без чего было бы немислимо вообще познание. И по мере развития науки все чаще и чаще

обнаруживалось, что там, где наивному восприятию представлялась одна устойчивость, неизменность, в действительности царит одно движение, что два потока противоположных изменений создают статическую иллюзию. Температура тела сохраняется одинаковой лишь тогда, когда оно отдает среде столько же тепловых колебаний, сколько получает от нее, безразличное электрическое состояние окружающих нас предметов — лишь при таком же обмене электрической энергии. Море живет в круговороте воды, которую отдает атмосфере в виде паров, получает из нее же в виде осадков, а также в виде впадающих рек и ручьев, несущих ему водные осадки с суши; атмосфера имеет такой же круговорот своих газов, в котором поддерживается ее химический состав, и т. д.

Всякая химическая устойчивость, по мере углубления научных исследований, все более сводится к равновесию противоположных, обменных реакций; и есть все основания полагать, что то же окажется в дальнейшем с устойчивостью электронно-энергетического состава атомов.

Прежде подвижное равновесие считалось специальной особенностью живых тел. Биологи дали двум его сторонам, двум образующим его потокам, названия *ассимиляции* — *дезассимиляции*, т. е., буквально, „уподобления — разуподобления“. Первое означает усвоение элементов из внешней среды, при котором они, входя в состав данного комплекса, образуют в нем группировки, „подобные“ другим его группировкам, уподобляются им; второе — разусвоение элементов, их потерю в окружающую среду, при чем они вступают в новые сочетания, несходные с прежними, не подобные им. У нас те термины будут относиться, конечно, ко всяким организованным комплексам, ко всем возможным тектологическим формам.

Подвижное равновесие никогда не является абсолютно-точным: не может быть полного, безусловного равенства противоположных изменений; оно всегда только приблизительное, практическое; другими словами, подвижное равновесие или сохранение формы констатируется в том случае, если разность ассимиляции — дезассимиляции практически достаточно мала, чтобы можно было пренебречь ею, и считать комплекс „тем же самым“, сохраняющимся, в пределах времени, относящегося к данной задаче. Так, если дело идет о человеке, как рабочей силе, то его принимать за сохраняющуюся, постоянную величину для хозяйственных расчетов большей частью возможно в пределах недель, месяцев, иногда нескольких лет, — но не более; а для точных физиологических исследований это совсем иначе, и в тех же рамках обнаруживаются вполне уловимые, важные при научных расчетах изменения в ту или другую сторону.

Тектология всякое сохранение форм должна рассматривать, как их подвижное равновесие, и всякое подвижное равновесие, как практически-относительное равенство двух процессов, ассимиляции — дезассимиляции.

3. Прогрессивный подбор.

Итак, точного сохранения не существует, а сохранение приблизительное означает лишь практически-малые изменения, в сторону ли перевеса ассимиляции над дезассимиляцией, или наоборот. Уже это делает схему консервативного подбора научно-недостаточной. Но не одно это. В нее трудно вообще уложить те случаи, когда форма изменяется, прогрессивно развиваясь: назвать это просто „сохранением“ неточно, а разрушением, конечно, нельзя. И, между тем, можно доказать, что действительное сохранение форм в природе возможно только путем прогрессивного их развития; а без него „сохранение“ неминуемо сводится к разрушению, хотя бы и незаметному по своей медленности для обычных способов восприятия и исследования. И большинство „сохраняющихся“ комплексов нашей среды находится именно в таком положении: они медленно, неуловимо для нас разрушаются.

В одной восточной сказке понятие о вечности дается таким сравнением. На краю света есть алмазная гора, час пути в длину, в ширину и в высоту.

Раз в сто лет там пролетает маленькая птичка, которая на минуту останавливается на ней и чистит об нее свой клюв. Когда повторением этой операции будет стерта до основания вся гора, тогда минет первая секунда вечности. Вечности этот образ, разумеется, не поясняет: она понятие отрицательное. Но очевидно, что если алмазная гора не испытывает иных изменений, кроме тех, о которых здесь говорится, то хотя с практической точки зрения она сохранится весьма долго, но в точной теоретической формулировке ее надо признать комплексом разрушающимся. Очень вероятно, что атомы некоторых химических элементов разрушаются с еще с меньшей скоростью, чем эта алмазная гора; но для современной теории строения вещества имеется только количественная разница между распадом таких элементов, и какой-нибудь эманации со средним периодом жизни атома в малую долю секунды — есть указание на эманацию с периодом около одной триллионной доли секунды. Разрушение быстрое и медленное имеют на практике весьма различное значение для нас; но в научном анализе это — различие только одного коэффициента.

Предположим, удалось бы констатировать, что комплекс *A* совсем не разрушается, но и не испытывает изменений в другую сторону, в смысле перевеса ассимиляции над дезассимиляцией, т.е., увеличения суммы активностей. В таком случае мы имели бы перед собой чистую, идеальную статистику; но легко убедиться, что она не могла бы удержаться, а неминуемо свелась бы к упадку. Комплекс *A* находится в данной, определенной среде, в полном подвижном равновесии с нею; и только пока эта среда остается *той же самой*, оно гарантировано для него. Но среда отнюдь не может быть столь же безусловно устойчивою: она связана с мировым потоком событий, и при строгом анализе она, в конечном счете, и разворачивается на всю вселенную; она, следовательно, *необходимо* изменяется. Очевидно, что тогда изменяются и отношения комплекса *A* к его среде. Могут ли эти изменения быть благоприятными для него? Да, но только случайным образом и, значит, только временно. Вообще же изменения среды, идущие независимо от него, неизмеримо чаще *неблагоприятны* для него; ибо число возможностей неблагоприятных, как свидетельствует весь опыт человечества, несравненно больше, чем благоприятных; это можно пояснить вероятностью того, что корабль, оставшийся без руля и парусов, принесет бурями и течениями туда, куда ему надо. Следовательно, в изменяющейся среде статическое положение комплекса *A* неизбежно превращается в неблагоприятное: перевес потерь над усвоением, последовательный упадок.

Таким образом для сохранения в изменяющейся, т.е., в конечном счете, во всякой среде недостаточно простого обменного равновесия. Единственное, что может давать относительную гарантию сохранения, это возрастание суммы активностей, перевес ассимиляции: тогда новые неблагоприятные воздействия встречают не прежнее, а увеличенное сопротивление. Именно этим путем идет природа в деле сохранения жизненных форм, и человек в своем коллективном самосохранении: путем роста комплексов, накопления запаса активностей. Каждый шаг в эту сторону увеличивает возможность поддержания жизни при изменяющихся условиях. Иными словами, *динамическим элементом сохранения* комплекса является возрастание его активностей за счет среды.

Точно так же, динамический элемент разрушения надо представлять в виде уменьшения активностей комплекса, их отнятия окружающей средою. Факт разрушения комплекса, его исчезновения, есть результат процесса, иногда весьма сложного, но с количественной стороны выступающего именно как уменьшение суммы активностей-сопротивлений. Разрушение может восприниматься, как „мгновенное“, напр., раздробление глыбы ударом парового молота, или прекращение жизни организма разрядом молнии; но это зависит только от несовершенства наших способов восприятия. Теоретически, т.е. научно, каждое такое событие разлагается в непрерывный ряд изменений, последовательно уменьшающих сумму элементов комплекса. Разрывы связей.

образующие содержание процесса, возникают, как мы знаем, из дезингрессий, парализующих сопротивление комплекса противоположными им активностями, разрушительными для него, тектологически „внешними“¹⁾. Каждая такая дезингрессия развивается путем последовательного вторжения этих внешних активностей, быстрого или медленного — для обобщающей схемы безразлично, вторжения, парализующего, т.е. практически отнимающего, дезассимилирующего собственные элементы-активности комплекса.

Мы приходим к новому пониманию подбора, основанному на идее подвижного равновесия и отклонений от него. Эта схема шире и глубже; она охватывает и прогрессивное развитие комплексов, и их относительный упадок; она разлагает процессы сохранения и разрушения на их элементы. Ее всего целесообразнее выразить термином „прогрессивный подбор“: *положительный* при возрастании суммы активностей комплекса, т.е. при перевесе ассимиляции над дезассимиляцией; *отрицательный* — при уменьшении суммы активностей, т.е. преобладании дезассимиляции²⁾.

Вот один из простейших примеров такого подбора.

„Во впадине листа лежит капля росы. С ее поверхности непрерывно удаляются в воздух, „испаряясь“, водяные молекулы (дезассимиляция), и в то же время другие молекулы осаждаются на нее из атмосферы (ассимиляция). В насыщенно-влажной атмосфере оба процесса равны, и налицо имеется подвижное равновесие. Когда воздух пересыхается влагою, напр., вследствие понижения температуры, то получает перевес осаждение паров: капля увеличивается; это прогрессивный подбор в положительной форме. Когда насыщение атмосферы парами становится неполным, то преобладает испарение; оно стремится уничтожить каплю; это — отрицательная форма прогрессивного подбора“³⁾.

Другие примеры: рост клетки в благоприятной среде, дающей для нее перевес питания над расходом вещества и энергии; постепенное уменьшение состава клетки, ее „исхудание“ в среде, бедной пищею. Рост общества, как организации человеческих сил, когда производство больше потребления; уменьшение суммы социальных активностей в обратном случае. Повышение количества теплоты в физическом теле, когда оно поглощает ее больше, чем отдает среде; понижение — когда преобладают потери. Усиление тона, издаваемого резонатором, пока до него доходит большее количество энергии в виде волн, соответствующих его периоду и, следовательно, ассимилируемых им, чем количество, которое он отдает в виде волн, исходящих от него; ослабление тона при противоположных условиях, и т. д.

Результаты прогрессивного подбора выражаются, в первую очередь, конечно, *увеличением или уменьшением числа элементов комплекса*; увеличение или уменьшение самих элементов сводится к тому же, если эти элементы в достаточной мере анализировать дальше, разлагая на все меньшие и простейшие. Напр., положительный подбор для взрослого организма может не сопровождаться увеличением числа его клеток, а сводиться к росту этих

¹⁾ В тектологии слово „внешний“ имеет не пространственное значение. Бактерии в организме, яды, попавшие в его кровь, представляют комплексы в организационном смысле не „внутренние“, а внешние для него, потому что не принадлежат к системе его организационных связей. И те части системы, которые выходят из ее организационных связей, хотя бы пространство находились внутри ее, также должны рассматриваться, как ставшие тектологически-внешними. Напр., раковые клетки, ткань, развивающаяся в противоречии с жизненными связями организма; преступник, с которым общество и борется, как с внешней силой, и т. под. Но, и в этом случае, и во всех других, именно „постольку — поскольку“: организационная связь относительна; преступник, напр. вне этой связи лишь в той мере, в какой он ее нарушает; в остальной своей деятельности он может попрежнему принадлежать к ней.

²⁾ Слово „подбор“ здесь, очевидно, уклоняется от первоначального значения; но оно всего больше соответствует внутреннему смыслу выражаемых соотношений и их связи с предыдущей схемой. „Прогрессивный“ же тут взято не от слова „прогресс“, а от „прогрессия“, т.е., непрерывный ряд событий, идущий в ту или другую сторону.

³⁾ „Тектология“, ч. I, стр. 63.

клеток; но последнее означает увеличение суммы химических и физических активностей, входящих в состав клеток, а, следовательно, в состав организма, как целого. — Но эти количественные результаты подбора далеко не исчерпывают дела.

Капля росы имеет форму слегка сплюсненного эллипсоида, близкого к шару. Форма эта зависит от ее общей структуры, в частности от соотношения между тяжестью частиц и их сцеплением; поверхностный слой, благодаря сцеплению, представляет своего рода натянутую пленку, которая и поддерживает форму капли. В пересыщенном влажном воздухе объем капли возрастает; но при достаточно точном наблюдении легко заметить, что изменяется и форма: она становится все более сплюсненной. Это, очевидно, означает, что изменяется самое *строение* капли. Если положительный подбор продолжается, то к сплюсшиванию эллипсоида присоединяется его постепенное вытягивание по одной оси; и наконец, капля разрывается. Накопляющиеся перемены во внутреннем строении привели к кризису.

Подбор отрицательный — в нашем примере, постепенное испарение капли — тоже изменяет ее форму, что свидетельствует об изменяющихся внутренних соотношениях. Форма капли становится все более правильной, все более близкой к точному шару; и наконец, прогрессивное уменьшение капли приводит к тому, что она исчезает: другой кризис.

То же относится и ко всякому иному случаю прогрессивного подбора: с прибавлением новых или убыванием прежних элементов изменяются внутренние соотношения комплекса, его структура. В живой клетке процессы роста изменяют молекулярные связи, что выражается сначала в некоторых вариациях ее формы, а затем в ее распадении на равные клетки дочери, или в отделении от нее частей „почкованием“, и т. п.; при недостаточном приходе вещества и энергии за изменениями формы наблюдается иногда разрушение клетки, иногда образование вокруг нее защитительной оболочки с ослаблением всего жизнеобмена, иногда образование из нее спор с подобными же оболочками, и пр. Перевес усвоения тепловой энергии над потерями вызывает в физических телах также преобразование молекулярных связей, ведущее к кризисам плавления, кипения, — а иногда и преобразование атомных связей, ведущее к химическим реакциям. Всюду нарастающие изменения структуры, которые, на известном уровне, переходят в кризисы.

В самой общей форме, возможно определить и характер этих структурных изменений. При положительном подборе, как мы видели, форма капли становится менее правильной и геометрически более сложной. В то же время оказывается, что каплю все легче разделить на части, ее сопротивление разрыву относительно уменьшается; а затем, при достаточном росте, она и сама разрывается силою своей тяжести¹⁾. Все, это, очевидно, указывает на *возрастающую сложность и неоднородность внутренних отношений комплекса*. Это справедливо для всех других подобных случаев, да и понятно a priori: вновь вступающие элементы, врываясь в прежние связи, конечно, усложняют их и нарушают их однородность, поскольку она имелась.

Под отрицательным подбором форма капли делается геометрически правильнее и проще, а ее сопротивление разрыву относительно возрастает. Это говорит об *упрощении внутренней структуры и увеличении ее однородности*: тенденция, противоположная предыдущей. И она столь же легко понятна: убывают, под воздействием среды, в первую очередь элементы менее прочно связанные с целым, связи которых, тем самым, уменьшали однородность этого целого, а уменьшение числа связей и увеличение однородности как раз означает упрощение структуры.

¹⁾ Причина та, что форма капли поддерживается именно поверхностным слоем молекул, его натяжением. Но эта поверхностная пленка, по законам геометрии, растет не так быстро, как объем капли, а с ним и вес. Деформирующее же каплю давление ее частиц зависит именно от их тяжести; оно, следовательно, увеличивается быстрее, чем сопротивление пленки; соотношение того и другого обуславливает меняющуюся форму капли, а затем и ее распадение — когда ее тяжесть превзойдет силу сцепления пленки.

Эти характеристики действительны в тех пределах, пока подбор не приводит к кризису; а тогда сравнение затрудняется тем, что самая форма признается уже качественно иной, чем прежде; да и направление подбора может резко меняться. Напр., промышленно-капиталистическая система производства в условиях положительного подбора — так назыв. „процветания“ — имеет одни определенные свойства; а с наступлением „промышленного кризиса“ эти свойства резко сменяются другими, — но и знак подбора делается отрицательным¹⁾.

Хотя, как мы видели, консервативная схема подбора менее совершенна, чем прогрессивная, но отсюда не следует, что всегда правильнее и целесообразнее применять вторую. Она связана, и в практике и в теории, специально с вопросами *развития данных, наличных комплексов*. Поэтому она особенно важна и полезна там, где практически от наших действий может зависеть такое развитие, или где оно теоретически подлежит исследованию. Примером первого может служить педагогика, задача которой состоит именно в том, чтобы овладеть развитием организма будущего члена общества, планомерно управлять этим процессом и направлять его. Пример второго — в психологии теория формирования индивидуальной психики, в социальных науках — теория экономического развития, теория идеологий, и т. под.²⁾.

В тех же случаях, когда наличные комплексы, по условиям практической задачи или в рамках исследования, не развиваются сколько-нибудь ощутительно в ту или другую сторону, а только служат готовым материалом для более сложных формирований, приходится применять схему консервативного подбора. Примерами являются очень многие случаи в практике, когда из наличного материала требуется выделить то, что подходит для поставленной цели — золото из россыпи или руды, работников на определенное дело из массы предлагающих свои услуги, наилучшие пути или методы из числа возможных, и т. под. Иллюстрации в области теории — очень многие статистически-массовые случаи, как распространение волн со взаимоуничтожением огромного большинства вибраций и сохранением тех, которые идут по немногим определенным линиям; влияние резких изменений среды на флору и фауну; влияние исторических катастроф на строение общества, и т. д.

Вполне очевидно, что механизм регулирующий не есть что-либо отдельное от механизма формирующего: при достаточном анализе всякий процесс положительного или отрицательного подбора разлагается на бесчисленные элементарные изменения — конъюгации с возникающими из них ингрессиями и дезингрессиями. В сущности, это — две разные точки зрения в тектологическом исследовании; они обе необходимы, и дополняют одна другую. Овладев ими в самых общих чертах, мы можем перейти к более близкому исследованию действительных организационных процессов

А. Богданов.

¹⁾ В математическом анализе есть особый символ для выражения прогрессивного подбора „величина“, т. е., намеряемых комплексов; это *производная*. Когда она имеет знак плюс, то означает положительный подбор; знак минус — отрицательный. Когда она обращается в нуль или в бесконечность или прерывается или меняет свой знак — это соответствует кризисам величин. Простейший пример: при движении тела производная расстояния по времени есть скорость. Когда она больше нуля, расстояние возрастает; когда меньше нуля — оно уменьшается; когда равна нулю — это *кризис остановки* движения, и т. д.

²⁾ По отношению к теории психического развития и, отчасти, к педагогике мне уже удалось показать, как много важных выводов получается от систематического применения схем прогрессивного подбора (см. „Тектология“, ч. I, глава о гедоническом подборе, стр. 75—89, и „Эмпирионизм“, книга II, вся статья „Психический подбор“, где вопрос рассматривается подробнее, но тектологические приемы еще недостаточно выработаны). Этому будет посвящен один из ближайших „Очерков организац. науки“.

Пролетаризация науки.

Мы стоим перед совершившимся фактом: в России провозглашена диктатура пролетариата и именем класса пролетариев ведется колоссальная по своим заданиям работа преобразования всей хозяйственной и культурной жизни страны. И как бы ни были трудны первые шаги этой работы, как бы низок ни оказывался иногда коэффициент исполнимости многих наших начинаний, какие бы неожиданные социальные трансформации не претерпевали те или иные из них, факт остается фактом: вся эта колоссальная по своим заданиям работа ведется именем пролетариата.

И однако при более тщательном анализе социальных группировок и новообразований картина получается несколько иная.

Работа, которая ведется именем пролетариата, в значительной, в наибольшей своей доле выполняется не руками его и не мозгом его. Ибо до тех пор, пока образование станет всеобщим и исчезнет „дипломная квалификация“ трудящихся, большую часть организаторской работы приходится волей неволей вести руками буржуазных наемников, либо беспочвенных интеллигентов. В этом обычно не усматривается большой беды, ибо все совершается „под контролем“ пролетариата. Такова обычная логика поверхностных наблюдателей и занятых, всегда кудато торопящихся людей, которым некогда глубоко вдумываться в суть разворачивающихся на их глазах явлений. Но социальная динамика имеет свои законы; все течет, все изменяется, и завтрашний день уже не похож на нынешний; уже переработал по своему новые факты общественного быта и влиял в социальную среду какую-то новую струю, изменяющую в том или ином отношении группировку социальных сил.

Что же несет нам этот вечно текущий и изменяющийся день в отношении пролетариата к важнейшему из организационных орудий социальной жизни—науке?

Университеты „демократизированы“. Двери их широко открыты для всех желающих, и пестрая сборная масса самых разнородных социальных элементов уже заполняет их аудитории. Основное ядро ее составляет, конечно, прежняя буржуазно-интеллигентская „академическая“ молодежь, стремящаяся получить дипломы и сделаться профессионалами и ремесленниками науки. И в этой пестрой менщанско-интеллигентской массе совершенно затираются и исчезают немногие могущие попасть туда по условиям своего труда пролетарские элементы. Да иначе и быть не может; ведь перемена произошла только в том, что открыли двери университетов для всех желающих, но от этого отнюдь еще не изменились социально-бытовые условия и социальные возможности этих желающих. В громадной массе университет попрежнему доступен лишь будущим профессионалам и ремесленникам науки. Сама по себе „свобода“ доступа туда также мало гарантирует реальную возможность попасть туда пролетариям, как „свобода“ трудиться обеспечивала им работу в капиталистическом строе. Пролетариат, как класс, не имеет доступа к высшей школе. А отдельные, зарождающиеся там и сям в провинции „пролетарские университеты“ являются в большинстве случаев лишь суррогатами таковых.

И потому, каковы бы ни были перспективы грядущих поколений, молодое поколение пролетариата в нынешний решительный день истории даже не приблизилось еще к овладению самым могущественным из всех орудий организации социальной жизни—наукой.

„Слова и иллюзии гибнут, факты остаются“. И факт сохранения науки в руках ремесленников ее—выходцев из буржуазии—является сам по себе гораздо более решающим и действительным, чем всяческие слова и иллюзии о доступности высшего образования.

Есть только один исход из этого положения—организация самостоятельных классовых центров науки, где пролетарская молодежь получала бы выс-

шее образование в качестве стипендиатов государства, и не растворялась бы при этом в пестрой массе буржуазных и беспочвенных элементов. Пролетариат должен создать себе такие организационные центры по праву класса-завоевателя и по долгу класса-организатора.

И количество энергии и действенности, которые будут вложены в работу по созданию пролетарских университетов, явятся одними из тех основных величин, которые определяют собою производную величину—быстроту нашего приближения к более высокому коэффициенту исполнимости наших преобразовательных начинаний.

Но создание самостоятельных классовых центров научной мысли есть лишь первый шаг по пути к пролетаризации науки, это лишь организационная предпосылка для действительной работы по пролетаризации науки. Допустим, что новые университеты созданы. Каким же содержанием мы их наполним? Какое новое вино, которое мы не захотели влить в „мехи старые“, будем мы лить в эти „мехи новые“?

Каждая эпоха развития науки соответствует тем социальным заданиям, которые выдвигает социальная формация самой эпохи. Задания науки определяются в конечном счете заданиями господствующих классов. Буржуазная революция предыдущей социальной эпохи дала нам на заре своих дней в эпоху энциклопедистов ряд блестящих теоретиков, стремившихся перевернуть прежде всего все мировоззрение людей в целом, все их взгляды на общественную жизнь и на природу. Энциклопедисты были энциклопедистами не только по форме, но и по существу, ибо задачей их являлось революционное преобразование *всего* научного и социального мышления людей. Это был вихрь, снесший до самого основания феодальное мировоззрение и создавший идеологию буржуазии, как революционного класса. Но по мере того, как буржуазия становилась классом господствующим, „энциклопедизм“ постепенно отмирал. На первый план выступила колоссальная работа по развитию всевозможных специальных технических дисциплин. Век пара и электричества вступил в свои права: но то, что он, в своей буржуазной фазе, привнес в первую очередь, было, вместе с трезвым практицизмом новых руководителей жизни, крайняя специализация мышлений, сужение его горизонтов.

Школа естественно-исторического материализма являлась, конечно, идейным фундаментом всей работы, ибо без такого фундамента немыслима была бы и разработка прикладных и технических проблем. Но основным заданием эпохи являлось решение громадного количества частных технических проблем. Позднее зарождение школы исторического материализма знаменовало собою уже зарождение идеологии нового, выступившего на историческую арену, класса—класса, производящего ценности, но лишенного собственности и потому являющегося носителем социалистического мировоззрения. Каковы же те задания, которые ставит или может себе поставить этот класс, когда он овладевает политической властью?

Осуществление социализма есть прежде всего планомерное объединение и приведение в одну целостную организованную систему всех отдельных элементов хозяйственной жизни. Весь опыт, накопленный в отдельных отраслях хозяйства и техники, должен быть соединен в такую стройную систему, которая учитывает сложную зависимость каждого элемента хозяйственной жизни от всех остальных и определяет, таким образом, наиболее гармонические из всех возможных сочетаний их между собою.

Работа, проделывавшаяся прежде специалистами по отношению к отдельным сложным машинам, отдельным техническим системам и т. д., должна быть теперь проделана в универсальном масштабе по отношению ко всем основным элементам хозяйства и техники. Если анархическое хозяйство капитализма было *хозяйством раздробленного опыта* и бессистемным соединением ряда самостоятельных систем, то социализм есть, наоборот, *хозяйство интегрального опыта* и объединение в единую систему всех отдельных систем, созданных в отдельных отраслях хозяйства и техники.

С какой же подготовкой можно и должно подходить к решению такой проблемы? Нет никакого сомнения в том, что она может быть решена только усилиями длительной—научной и практической—работы целого поколения. И все-таки вопрос об относительной скорости ее решения есть в значительной мере вопрос о воспитании нового типа мышления—мышления, имевшего очень мало шансов развиться в мире раздробленного опыта. Высшая школа капитализма, взятая в ее наиболее характерных проявлениях, была школой специального мышления и школой для подготовки специалистов. Конечно, она могла вмещать в себя и иные элементы, но они являлись уже элементами случайными и негостящими. Основным заданием университета было создание специалистов той или иной науки, или отрасли науки, специалистов, превращавшихся на практике в ремесленников. Последним словом такой фабрики специалистов являлись уже всевозможные техникумы и специальные институты—учреждения совершенно законные во всяком строе, поскольку они были бы лишь дополнением к прежде полученному широкому общему образованию, но в условиях реальной действительности совершенно отрывавшие своих питомцев от всего, что не было связано с выработкой специальных навыков и профессиональных заданий.

Мысль, воспитанная таким образом, имеет, конечно, очень мало шансов на успешное решение проблем социалистического хозяйства и социалистической культуры. „Специалисты“ не могут быть строителями социализма и даже подготовительных к нему переходных форм жизни, ибо природа их мышления стоит в слишком вопиющем противоречии с основными заданиями социалистов. Между тем наши учреждения, регулирующие народно-хозяйственную жизнь, обслуживаются именно людьми раздробленного опыта и всякого рода более или менее узкими специалистами.

Сплошь и рядом проблемы народного хозяйства решаются не в их целостном масштабе, не в направлении отыскания связи и зависимости между отдельными сторонами хозяйственной жизни, а как проблемы ведомственные, существующие *an und für sich*, т. е. именно так, как могут их решать только люди раздробленного опыта. Обмен, цены, потребление, продовольствие, заработная плата, транспорт, промышленность—все рассматривается до сих пор как ряд отдельных независимых друг от друга проблем, и это не потому, что мы не понимаем зависимости их друг от друга, а потому что мы не умеем ее определить и высчитать. Таково наследие анархического хозяйства и его высшей школы. Народное хозяйство, в настоящий переходный период истории, является для нас лишь механической суммой ряда отдельных величин, а отнюдь не сложной организованной суммой их, учитывающей функциональную зависимость каждой отдельной величины от всех остальных.

Мы не только не дошли еще до такой высшей математики хозяйствования, мы даже не умеем поставить вопроса о ней. И в этом виновато прежде всего наше мышление, привыкшее лишь к ориентации в области узко-специальных, строго-отгороженных от всего остального мира, вопросов.

Новые университеты должны стремиться прежде всего к созданию мышления совсем иного типа, мышления людей, которым придется охватывать своею мыслью и решать комплексные, а не частичные проблемы. Деятели капиталистического мира не было никакого дела до того результата, который получится в конечном итоге и в обще-социальном масштабе от всех их отдельных действий и начинаний. У социалистов задача предвидеть такие итоги должна быть, наоборот, на первом плане.

В развитом социалистическом строе степень сложности и целостности человеческого мышления будет, вероятно, такова, что даже очень разносторонне образованные люди нашего строя явятся по сравнению с этими людьми будущего настоящими дикарями.

И через какую бы детализацию не предстояло еще пройти технике производства и обмена, умение суммировать эти итоги и постоянно воспринимать

их не an und fur sich, а как часть могучего целого, явится отличительной чертой этих будущих людей.

А раз такая задача поставлена, раз мы пытаемся идти к организованному хозяйству, мы должны прежде всего изменить соответственно и весь тон высшей пролетарской школы. Она должна воспитывать и готовить людей интегрального опыта, и достигается это прежде всего программной целостностью воспитания. Первый год работы не может делиться на отдельные факультеты, а должен ввести студентов в царство науки, в область познания мира в его целом. Он не может быть поэтому ограничен той или иной отдельной областью познания, а должен включать все важнейшие области его: элементы наук естественных, общественных и математических должны тут идти рука об руку, как взаимно дополняющие друг друга части одного и того же величественного здания. Второй год, являясь в программном отношении продолжением первого, вносит новый элемент: первый год является для учащегося годом введенный, второй—годом приобщения к научной методологии. Не выводы и результаты научной работы сообщаются учащемуся, а самые методы их получения. Во всех областях научного мышления ему дается в руки ключ к самостоятельным изысканиям—методология научной работы. Мысль, воспитанная на таком познавательном материале, будет чрезвычайно далека от раздробленности и ограниченности. На третьем году, правда, предполагается уже сконцентрирование мысли учащегося на более специальных научных циклах, а в дальнейшем возможен, конечно, и переход к области тех или иных специальных дисциплин; но постепенный переход к специальным отраслям науки не может уже убить в учащемся сложившихся навыков целостного мышления. В какой бы специальной области ему ни пришлось работать, мысль его будет стремиться не только к овладению *данной* областью, но и к определению ее роли в общей экономике народной жизни: в системе техники, экономики и культуры. А для „строителя социализма“ такое умение должно быть на первом плане. Классовые университеты пролетариата создадут, таким образом, не только новую аудиторию, но и новую программу работ.

Новая аудитория—это аудитория, составленная из людей производительного труда, из *творцов* ценностей, а не *потребителей* их, из которых до сих пор в огромном большинстве случаев состояла аудитория буржуазных университетов. Для них наука явится не способом получения диплома и звания ремесленника умственного труда, а чем-то иным—способом организации общественного труда и выработки новой идеологии класса-строителя.

Новая программа—это программа воспитания целостного мышления, являющегося необходимым элементом создания аппарата организованного хозяйства будущего. Умение охватить зараз отдельные отрасли человеческого опыта, уловить их связь, и зависимость между собой, привести их в единую стройную и целостную систему—такова важнейшая задача воспитания, которую преследует программа высшей школы пролетариата.

Но, скажут нам, область познания почти безгранична; дать студентам—даже выходцам из класса производительного труда—возможность познакомиться с совокупностью научного опыта в пределах обычного университетского курса совершенно невозможно: для этого не хватит целой человеческой жизни. Это—одно из тех обще-принятых мнений, которые всеми принимаются на веру, и которые оказываются далеко не всегда верны при более внимательном к ним отношении. Если речь идет о фактах и выводах во всей их полноте, со всеми их частностями, то целой человеческой жизни не хватит не только для ознакомления с многими научными дисциплинами, но даже, пожалуй, и с какой-нибудь одной из них. Но речь идет именно не о фактах, не о частных выводах или результатах, а о методах изысканий и методах обобщений в пределах ряда отдельных наук. И поскольку методы научной работы проверяются на отдельных областях научного познания, постольку единство их и является обобщающим и связывающим моментом, не только облегчающим работу, но и придающим ей стройность и целостность.

Таким образом, отбросив всяческую схоластику, все условные и нереальные элементы науки, которые до сих пор играют в некоторых областях ее столь видное место, пролетарский университет ставит себе задачей *передать методы научной работы классу производительного труда*. Пролетариат получает в свои руки это драгоценнейшее наследие прошлого, которое в его руках становится орудием осуществления новых заданий—заданий, каких не ставил себе еще до сих пор ни один общественный класс. Но раз будут созданы пролетарско-классовые центры науки с такой программой и с такими заданиями, то существование их в течение некоторого времени приведет, вероятно, и к новым группировкам научных сил и к новым научным течениям. В чем же будут состоять эти последние?

Здесь мы подходим уже вплотную к вопросу о так называемой „пролетарской науке“. Термин этот вызывает не мало насмешек и недоуменно-презрительных пожатий плечами. Какая такая особая пролетарская наука? Неужели может существовать особая пролетарская геометрия или пролетарская химия? Вопросы эти являются, конечно, плодом либо простого нежелания вдуматься в существо дела, либо желания подсунуть противнику аргументы, которых нет в его арсенале.

Пусть же успокоятся защитники геометрии, химии и т. д. Ни один защитник пролетарских университетов и тех новых научных течений, которые явятся результатом их существования не собирается покушаться на действительные приобретения этих почтенных наук. Кислород с водородом, соединенные в надлежащей пропорции дадут и в пролетарском университете воду, а не уголекислоту, а уравнение второй степени надлежащего вида с двумя переменными даст и там параболу, а не прямую линию.

Вопрос о преобразовании таких наук ставится совсем не в той плоскости. Значительное число теорем элементарной геометрии было известно еще со времен Евклида, но роль, которую они играли в прикладной науке, верней, степень их использования в научной технике была чрезвычайно различна в различные исторические эпохи, в зависимости от общего развития техники в ту или иную эпоху; и не менее того различно их место, их роль в общем миропонимании людей.

И поэтому если уж употреблять термин „пролетарская геометрия“—а он употреблялся до сих пор только противниками пролетарского университета в виде насмешки—то понимать его можно в двух направлениях: 1) сознательное максимальное использование геометрических истин во всех отраслях научной техники, поскольку последняя ставит себе задание решить проблему социалистического хозяйства и 2) сознательное максимальное использование геометрического анализа в целях развития целостного гармонического мышления, при чем, конечно, и само геометрическое мышление, освободившись от своей прежней изолированности, может только многое приобрести в смысле глубины и ясности.

Следовательно, дело не в перекраивании старых истин на новый лад, а в *новом задании*. Даже геометрия должна перестать существовать *an und für sich*, даже эта конкретная и специальная дисциплина должна стать частью огромного и стройного целого—науки социализма. И стоит только подойти даже к геометрии с таким заданием, чтобы встать на совершенно иные рельсы: придется выбросить из этой почтенной науки много словесной схоластики, которой все еще обучают детей в школах, и подчеркнуть и выявить в ней самую сущность ее методов и приемов.

Первая наука, которая пошла через горнило „пролетаризации“ была экономика. И работа эта была совершена руками Маркса и его учеников. Разницы между экономикой схоластической и экономикой пролетарской не может, конечно, игнорировать ни один из учеников Маркса. Новые задания, новые методы, новая постановка вопроса. Они были выдвинуты идеологом пролетариата в эпоху первых его классовых объединений и явились как бы провозвестниками пересмотра научных заданий и научных методов вообще.

Буржуазия и ее идеологи вполне уверены, однако, в том, что наука со всеми ее завоеваниями и методами работы — составляет собственность ее класса и является орудием ее господства. Внеклассовые ученые академического типа любят говорить о „вечных ценностях“ внеклассовой науки. Но на самом деле вся опромная работа по добыванию этих „вечных ценностей“, если она и производилась руками бескорыстных искателей и исследователей, то совершалась тем не менее в определенной социально-исторической обстановке, и потому, волюн или неволю, но служила тому общественному классу, который являлся классом, организующим всю общественную жизнь. И конечно в рядах ученых на ряду с немногими бескорытными искателями было всегда достаточное количество апологетов, защитников и исполнителей воли правящего класса. Анархическому хозяйству не могла не соответствовать раздробленность научной мысли, ибо у буржуазии как класса-организатора не было и не могло быть, задания создать планомерное хозяйство и целостное научное мировоззрение.

Трудно сказать с точностью, насколько мы близки в данный момент к осуществлению социалистического хозяйства, но факт тот, что мы поставили себе эту проблему или, вернее, вынуждены были ее поставить. „Дезорганизационный процесс, идущий теперь в мировом масштабе, говорит в своих „Вопросах Социализма“ А. Богданов¹⁾, несомненно и очевидно ставит перед человечеством организационную задачу в мировом масштабе“. Как же может быть решена эта „организационная задача в мировом масштабе?“ Осуществлением в первую голову двух необходимых предпосылок ее решения: 1) мощной классовой организации пролетариата и 2) все-научной разработки вопроса об осуществлении социализма.

„Огромное большинство наук, говорит А. Богданов в тех же „Вопросах Социализма“²⁾, развивалось до сих пор без малейшей связи с вопросом о мировом хозяйственном плане; только две-три из числа социальных наук вообще ставили этот вопрос, и из них только экономическая занималась им серьезно хотя и далеко несистематично. Положение вполне понятное, если принять в расчет, чьими руками ведась разработка наук и каким потребностям она удовлетворяла...

И обслуживала наука потребности организаций двух основных типов: частного хозяйства и государства. Первое построено на индивидуализме, второе, главным образом, на авторитарной связи; оба типа, следовательно, противоположны и враждебны товарищескому коллективу“.

И так перед наукой грядущего дня стоит вопрос о сознательном обслуживании ею общества, являющегося „товарищеским коллективом“, а перед наукой нынешнего дня — постановка себе нового задания: решения, все-научного решения — проблемы социализма.

И пусть остаются неизблемыми все теоремы Эвклида и все законы физики и химии, но физика, химия и математика должны быть привлечены к использованию всех этих теорем и законов для интегрального решения этой проблемы. В этом-то и состоит „пролетаризация“ науки. Конечно, постановка новых заданий влечет за собою и пересмотр всех методов работы.

Таково насущное задание нынешнего дня для социалистической мысли.

Ясно, что это работа не отдельной группы людей, а целого поколения. Но чем скорее вопрос будет поставлен и осознан, тем скорее начнется и эта работа грядущего поколения. *Поставлен* он может быть, конечно, и отдельными людьми, и группой их, но в общественном масштабе он может быть поставлен и осознан лишь постольку, поскольку создаются организационные предпосылки для решения его. И этими организационными предпосылками могут явиться только пролетарские университеты, ибо наши старые храмы наук вряд ли окажутся способными поставить себе эти проблемы, осознать

¹⁾ Вопросы Социализма. Стр. 49.

²⁾ Стр. 26, 27.

их и приняться за их решение. Мы говорим вряд ли, хотя на основании всех имеющихся налицо данных о решении этого вопроса мы должны были сразу сказать утвердительно: они не смогут поставить этого вопроса. Следует, правда, оставить немного места для каких-то непредвиденных возможностей. Но по теории вероятностей шансы на эти непредвиденные возможности бесконечно малы. И потому при всяческом стремлении к точности и к учету даже бесконечно малых величин нужно все-таки начинать с строительства пролетарских университетов. Другого пути нет.

Правда, путь к этому строительству приходится прокладывать сквозь толщу недоверия и непонимания, или, что еще хуже, легкомысленного понимания и случайного доверия. Но такова ведь история всех действительно новых начинаний, новых по духу и по замыслу, а не только по форме.

Неудачи первых начинаний и насмешки, которыми осыпают новаторов имеют в общественном смысле и свою полезную сторону: они отделяют всех серьезных и убежденных сторонников новой идеи от случайных Mitläufer'ов и всякого рода карьеристов и дельцов, неизбежно примазывающихся к идее пролетарской культуры, как вообще ко всем новым начинаниям. Таким образом ряды сторонников нового начинания редуют, но зато крепнут качественно. Создается сплоченная группа людей, способная противостоять волне недоверия, непонимания и насмешек и продолжать подготовительную работу к осуществлению идеи в более благоприятные времена.

Когда же эти благоприятные времена настанут, то все бывшие противники станут сторонниками и заявят: „мы всегда это говорили“.

Так было, так будет.

Так будет и с идеей пролетарских университетов, как организационных центров для осуществления необходимой предпосылки социализма—пролетаризации науки.

М. Смит.

О методах работы в пролеткультах.

Нашим читателям известно, что пролеткульти в отличие от других культурно-просветительных организаций, сосредотачивают свое внимание на творческой стороне культурной работы и кладут в основу строго классовое пролетарское содержание. Они создают условия для проявления творческих возможностей пролетариата, в результате чего и создаются определенные ценности пролетарской культуры. Работа ставится лабораторным, студийным способом, т. е. наиболее организованно, а следовательно и наиболее сознательно, — методически, неуклонно производится исследование и обучение, как и должно вести работу пролетариату, сознающему свое классовое положение. Подводя итоги двухлетней работы пролеткульти, мы должны признать, что результаты ее значительно меньше тех, которые мы ожидали. Работа велась больше шири и меньше вглубь. На это, конечно, есть причины, которые кроются в общих условиях переживаемого момента. И все-таки, несмотря на все извиняющие обстоятельства, мы должны отметить, что при весьма редких исключениях, пролеткульти вели свою работу ощутно. Сознательными пролетариями так работа вестись не должна. Ни одной минуты не надо забывать обязательной для социалистов истины, что каждый практический шаг нашей работы должен быть связан с нашими общими социалистическими задачами. А в большинстве наших пролеткульти, работа выливается просто в культурно-просветительную, как она велась когда-то при наших отцах и дедах. Они строят студии, обучают простой, обычной грамоте в области того или иного искусства, увлекаются формой буржуазных художников и употребляют все усилия, чтобы достигнуть именно этой формы. При этом нередко берется и материал чисто буржуазный. Другие из руководителей и инструкторов про-

леткульты увлекаются народным искусством и его хотят выдать за пролетарское. Время всему этому положить конец, засилье в пролеткультах инструкторов интеллигентов, пропитанных буржуазной культурой, служит отравой сознания пролетария, но не развитию. Если мы хотим сознательно и планомерно создавать пролетарскую культуру, мы должны и в области культурно-просветительной, как и в политической, осуществлять диктатуру пролетариата. С заразой интеллигентского ханжества перед буржуазным искусством и наукой должна вестись беспощадная борьба. Прежде всего она должна начаться в пролеткультах.

Когда буржуазный поэт Бальмонт, возражая против классового понимания искусства, говорил: поэт свободен как птица; она летит туда, куда влечет ее инстинкт, так и поэт, для него нет законов, он поет, когда и что хочет. Буржуазная интеллигенция восторженно приветствовала и хлопала প্রশিষ্টенной утонченными наслаждениями лжи поэта. Мы думаем, что сладкие песни поэта не усыпят волю рабочих мускульного труда, пропитанных мятежным духом классового положения и проникнутых непримиримой ненавистью к захватчикам частной собственности, которую они сделали орудием жестокого угнетения. Красивость птичьей поэзии Бальмонта не прельстит рабочих. Рабочие хорошо знают, что они сознательные существа и обладают волей. Мы идем не туда, куда влечет нас инстинкт, а куда нужно идти, куда указывает дорогу сознание классового положения, а обладание волей дает нам возможность преодолевать препятствия на пути, как бы не были они трудны. Поэтому наше искусство, наша поэзия должна быть сознательным целесообразным выражением. Если Бальмонт, которого природа наделила редкой способностью легко выражать в красивой форме все изгибы и шорохи своей души, если он при этих способностях поставил себе идеалом подражать свободе бессознательных птиц,—с нашей точки зрения он преступно промотал свой талант на красивые побрекушки, содержание которых не переступило сознание птиц. Для рабочих буржуазные поэты не могут служить образцом, они заражены бледной немощью своего класса, который в искусстве и идеологии вообще отразил всю опустошенность своей души, потому что у буржуазной идеологии нет перспектив, кроме перспектив туманного мистицизма и всего таинственного. Техника и способ производства давно уже переросли идол их жизни—частную собственность, которая с каждым днем развития техники становится к ней во все более непримиримое противоречие. Поэтому буржуазные идеологи всех мастей и боятся сознания, которое, отражая логику развития производства и техники, открывает перспективу гибели их частной собственности.

Совершенно обратное отношение у пролетариата к сознанию,—для него сознание—инструмент, при помощи которого он понимает свое классовое положение и делает выводы, куда ему идти и как идти. Борющийся класс не может и не должен создавать иного искусства, как только такое, которое служит организацией его борьбы и организацией образов его идеала, к которому он стремится. Выражение всего этого в искусстве может быть бесконечно разнообразно: в нем отражается и классовая борьба, и душевное состояние, и красота внешней природы, и все это разнообразие у социалиста художника может быть связано с его идеалом.

Всеми силами нашей души мы должны освободиться от разлагающего и тлетворного влияния буржуазного искусства. Человек инертен, с трудом освобождается от традиций и привычек, ему редко удастся освободиться от соблазна пути наименьшего сопротивления, в особенности когда изощренные представители буржуазного искусства обволакивают этот путь приятным туманом грез и красотой ложных софизмов. Наш критический нож классового чутья необходимо обострить неподкупной непримиримостью. Мы должны знать, что в самых ничтожных дозах буржуазное искусство крайне ядовито и разлагающе действует на нашу волю и чувство. Но мы должны знать также и другое, что добровольным агентом и весьма искусным проводником бур-

жуазного искусства является интеллигенция. За ней необходимо установить контроль и подчинить нашим стремлениям. И если мы проявим упорную последовательность в преследовании наших задач,—подчинить интеллигенцию нам будет легко.

Для социалистов, сторонников исторического материализма, которые не признают свободной воли и выводят всю идеологию в целом из экономических отношений, созданных на почве определенного способа производства, сознание является тем инструментом, при помощи которого они раскрывают всю сложную механику общественных отношений и всю вытекающую из них архитектуру культурных построек. Получая стимул из сложившихся материальных отношений и классовых интересов, сознание дает возможность познать намечающиеся пути складывающихся и одновременно разрушающихся общественных форм и тем самым служит возбудителем нашей активности, организуя ее на действия, для достижения классовых интересов пролетариата, осуществляемых в социализме. Этим взглядом на роль сознания в общественной борьбе мы отличаемся от всех наших классовых врагов, как чистых буржуа, так состоящей у ней на службе пособников эксплуатации интеллигенции, так и аморфного, еще не определившегося, слоя мелкой буржуазии, вечно колеблющейся и сосредотачивающей в себе все предрассудки эпохи, наиболее полно, чем определившиеся классы. Все наши враги боятся сознания, инстинктивно отворачиваются от него, смутно чувствуя, что логика сознания помогает вскрыть общественные отношения независимо от их воли и желания, приводит к складывающейся новой общественной форме социализма, которая хоронит и уничтожает источник их эксплуатации—частную собственность. Логика общественного развития открывает перед буржуазией неприятные для нее перспективы пути развития, а сознание как раз и служит ясным зеркалом, через которое так отчетливо видна их будущая судьба. Естественно, что это обстоятельство и заставляет их скрываться от сознания под крыло непонятного, таинственного и всего того, что баюкает и накладывает на него пелену дымки и тумана.

Ну а развитие буржуазией техники и естествознания, скажут наши противники, разве стоящие на службе у буржуазии ученые не способствовали шаг за шагом изгнанию из этих областей всего таинственного. Да это верно, но только это верно с другой стороны. Их желание развивать технику и естествознание вытекало не из стремлений построить лучший общественный порядок, а из бездонно тупой жажды наживы. Лишь только инженер или ученый задумывал сбиваться с пути наживы на более идеальный путь, капитал сейчас же лишил его поддержки и отбирал все средства и способы работы и тем самым обрывал его мечты об идеалах. Само собой разумеется, что при этих условиях буржуазные ученые не смели отважиться увлечься своевольными мечтами. Их роль была и есть выполнение велений капитала.

Зато в области искусства и философии буржуазные прислужники из интеллигенции могут свободно отводить себе душу, полно и вольготно фантазировать, "творить из куска жизни" причудливые "легенды", тем более, что эти легенды легко проникают в быт, могут пьянить пролетария бездной ядовитого тумана буржуазной идеологии и проникать в весьма тонких и еле уловимых формах во все поры его организма, и тем самым путать его сознание и расслаблять волю. Вот почему с такой беспощадностью, резкостью и необходимой жестокостью мы должны рассеять непримиримым светом классового сознания скопившиеся ядовитые испарения буржуазного тлетворного духа, в какие бы красивые формы и приятные звуки он не облакался.

В поисках формы искусства есть один путь—через наше классовое содержание к форме. Как бы не были привлекательны буржуазные формы, для нас они будут все равно непригодны. "Когда мысль архитектора стремится к небу, а чувство—к Богу, он построит храм, своды которого будут убегать ввышину. Если же он будет думать о лошадях—он построит прочную ко-

нюнию". Так правильно определяет наше отношение к поискам формы тов. Бессалько.

Самым элементарным и необходимым требованием к студиям должно быть в первую голову ознакомление студистов с сущностью социализма, с его научным теоретическим обоснованием. Без выполнения этого требования классовая сознательная творческая работа не представляется возможной. Каждое содержание, идея, над которой работает студист, чтобы облечь ее в соответствующую форму, должна быть не только прочувствована, но и продумана, осознана до конца. Все, что хочет студист выразить, он прежде всего при помощи своего сознания данное содержание или идею связывает с задачами своего класса и с конечной целью—социализмом. Он должен понять, в какой связи стоит то содержание, которое он хочет выразить, с задачами его класса, данным переживаемым моментом, и все это строго проанализировать и тогда уже приступить к поискам формы, наиболее сильно и красиво выражающей его идею. Можно сказать заранее, если только есть талант, способность в художественной форме выражать себя, свои заветные волнующие идеи, при таком способе работы форма будет найдена. Защитники буржуазного искусства с этим согласиться не смогут, они сейчас же поднимут вой и в сотый раз будут с пафосом кричать о свободе искусства и говорить о нелепости предписаний в области творчества и регламентаций. Ну, а как, спросит нас ядовито сторонник свободного искусства, описание утра или березки с социализмом связать можно? Можно и должно, ответим мы. Если поэт глубокий социалист, если идея социализма доходит у него не только до сознания, но и до чувства, то и описание распускающей листочки березы может быть вполне связано с социализмом. Про поэтическое описание природы Пушкина мы говорим, что оно национально, в этом описании чувствуется сложившийся дух русской культуры. То же самое вы наблюдаете в области изобразительной, например, в картинах Левитана. В музыке Чайковский выразил уже прямо классовое настроение русской интеллигенции определенной общественной полосы. Если в описании природы наши великие писатели изображали национальное лицо, то никаких нет оснований отрицать возможность отобразить и социалистическое лицо. Сама по себе природа, конечно, ни классового ни национального лица не имеет, но пропущенная сквозь призму субъективного сознания и настроения поэта, которое есть само результат объективно сложившихся условий, она принимает ту окраску, которая свойственна мировоззрению, ее отображающего.

Возражения против предписаний и регламентации в области творчества тоже не выдерживают критики. Старые приемы индивидуального творчества, которые зависели от случая и настроения, уже начинают вытесняться новыми приемами методичной, регламентированной рассчитанной работы. В области научного творчества естествознания и техники иного способа, как только что высказанного, давно уже не признается. Начало методической коллективной работы уже сделано и в сфере творчества искусства, и оно при данном состоянии науки начинает признаваться единственно целесообразным и возможным. Творчество организуется лабораторным студийным способом, из сферы случайной оно переносится в методически организованную и носит постоянный непрерывный характер. Правда, в этих студиях еще не проводится последовательно научная постановка творчества, в них, благодаря заиску интеллигенции и их индивидуалистических привычек, отживающая отрыжка дает себе сильно еще чувствовать, но процесс разложения этой отрыжки уже идет ускоренным темпом, и наша задача только помочь этим родам и придать им безболезненный и нормальный характер.

Студии заполняются только рабочими, это положено в основу нашей деятельности. Но фактическая работа в студиях не может начаться, пока не пройдена принятая Советом Пролеткульта программа общего курса по социализму. Без этой прочной базы, заложенной в сознании студистов и в душах, задача выявления пролетарского творчества выполнена быть не может,

как не может распускаться и зеленеть дерево без корней. Когда начата предварительная работа по воспитанию социализма, тогда уже можно приступить и к студийной работе развития творческих возможностей.

Работу в студии, например, в музыкальной мы представляем таким образом: первоначальное знакомство с музыкальной грамотой не должно быть муштровкой, при которой стремятся достигнуть точной передачи музыкальной задачи, а прежде всего необходимо дать раскрыть творческие возможности у каждого студийца рабочего. Нужно сначала дать ему возможность выразить свободно душу, пробудить при помощи самостоятельного подбора звуков то, что в нем еще скрыто и где-то в глубине слабо трепещет под гнетом интересов и привычек мещанской обывательщины. Когда дремлющий талант будет освобожден из-под гнета житейской обыденности, когда укоренится потребность выражать себя, тогда и можно начать знакомство с музыкальной грамотой. Лишь только будет пройдена ступень необходимого технического усвоения музыкальной грамоты, когда студиец овладеет некоторыми техническими средствами, которые позволяют выражать творческие потребности с большей свободой и легкостью, тогда должна наступить третья стадия. Эта третья стадия и есть самая щекотливая и деликатная. С одной стороны, студиец уже начинает показывать свои достижения и публично выражать себя, с другой — он еще продолжает учиться и совершенствовать себя. Здесь студийцы и больше всего их руководители, инструктора интеллигенты, имеют большой соблазн идти по старым буржуазным путям. В качестве выражения своих достижений при публичном показании они берут содержание и образцы старых классиков буржуазных мастеров. У них появляется сильный соблазн показать себя на преодолении сложных и тонких структурных построений буржуазных классиков. С точки зрения классового развития мы считаем это безусловно вредным. Должно браться только пролетарски классовое содержание и на нем показываться силы и достижения. Смущаться нечего, если содержание в художественном отношении не вполне совершенно, лишь бы оно не загораживало дорогу классовому социалистическому творчеству.

С ростом обостренного классового чутья к выбору содержания будет расти и художественное развитие. Обратное действие произведут буржуазные образцы, они усыпят классовое творчество и отравят его ядом своей идеологии, которая в них заложена, и, таким образом, будут способствовать не развитию классового творчества, а его разложению. Мы опять повторяем, для студийцев пролеткульта может быть только один путь — идти в поисках формы в искусстве через свое классовое содержание. Весь материал, который служит для упражнения, должен тщательно выбираться и по своему содержанию быть пролетарским и революционно социалистичным.

Хор пролеткульта и отдельные студийцы должны выступать с песнями пролетарских поэтов. Пусть некоторые из песен, как материал для музыкальных упражнений не совершенен, с художественной стороны слабоват, этим смущаться нечего, лишь была бы доброкачественность со стороны классового содержания, художественность созреет в процессе творческой работы. Для нас важнее всего, как можно скорее освободиться из-под власти буржуазной идеологии.

Пролетарские песни пролетарскими же музыкантами должны перелagаться на музыку. Студиец должен понять содержание песни, проанализировать ее связь с положением пролетариата и с социализмом. До тех пор, пока студиец не овладеет содержанием, не поймет его до конца и не установит связи, он не должен приступать к творческому процессу.

Все достижения должны открыто показываться массам. О критику и отношение пролетарских масс к творческому достижению студийцев, студийцы будут шлифовать и проверять результаты своей работы. В противовес презрительному отношению буржуазных художников к суду толпы пролетарские носители искусства должны как раз идти иным путем. Наша масса с ее однородными интересами не есть та толпа с разношерстными противоречивы-

ми желаниями и интересами, перед которой выступал буржуазный художник. Правда, и наши художники не каждое суждение массы должны проводить в жизнь. Но мы всегда эти суждения обязаны понять, почему масса на определенное художественное выражение воздействовала так, а не иначе. Художник может сохранить свою независимость в способе выражения, но он должен принять во внимание суждение массы и не должен отказываться понять его.

Легче всего проявить последовательное проведение поисков формы через содержание в литературных студиях. Изображаемое ставится в связь с интересами пролетарского класса и его идеала, а когда это зерно содержания понятно и осознано до конца, тогда оно доводится до чувства и облекается его соками. Только при такой работе возможно сознательное и планомерное завоевание пролетарской культуры. Мы знаем, что этот путь труден, он требует много работы и упорства, связан с методичностью и расчетом, но другого пути нет. Путь наименьшего сопротивления значительно легче, в особенности когда он проходится под звуки интеллигентских сирен из буржуазии, с их пением о свободе искусства, но этот легкий путь не может привести к желанному результату. Он может привести только к измене и предательству своего класса. Наглядным примером такого предательства служат заласканные буржуазной интеллигенцией талантливые меньшевистские рабочие Иван Кубиков и Вабик. Оба самым подлым образом предали интересы своего класса и превратились в художочных припевал буржуазной интеллигенции, не успев развить своих задатков.

Заканчивая статью, мы еще раз скажем, никаких уступок врагам своего класса и меньше всего уступок в области искусства и науки. Классовые противоречия в этой части идеологии значительно более затушены и скрыты, чем в политической борьбе. Вот поэтому в этой области наша работа и ее способы должны быть построены на строго классовом методе и с непримиримой, упорной беспощадностью вскрывать тающийся яд буржуазной идеологии. В ответ на жужжание буржуазной интеллигенции об аполитичности и свободе искусства и науки мы ответим: процесс работы и творчество никогда еще не были свободны от взглядов субъекта, выражающего это творчество, а взгляды же не могут быть свободны от того общества, в котором живут.

Федор Калинин.

Об изучении трудовых процессов¹⁾.

(Ответ А. Гастеву).

Все это не так просто, как хотелось бы думать многим специалистам по пролетарской культуре. А. Гастев. „О тенденциях пролетарской культуры.“ Пролетарская Культура № 9—10.

Русская литература о пролетарской культуре обогатилась еще одной статьей о тенденциях пролетарской культуры — мы говорим о статье А. Гастева, напечатанной в № 9—10 „Пролетарской Культуры“ и пытающейся поднять знамя восстания против „схематизма“ и „беспомощно-книжных, чуждых эксперимента“ попыток решить этот вопрос.

Вместо „грубой дедуктивности взятой на прокат из агитационных брошюр“ он предлагает подойти к вопросу с помощью тончайшего молекулярного анализа „нового производства“, дитятию которого является „современный пролетариат“.

Нельзя не приветствовать самое желание заменить „грубую дедуктивность“ „тончайшим молекулярным анализом“: это так же желательно и необходимо.

¹⁾ Статья печатается в дискуссионном порядке.

ходимо, как перейти от обоих мест и высокопарных фраз к исследовательской работе, наметив в первую голову пути и методы, объем и ближайшие шаги ее.

Но неприятно поражают сознание читателя противоречия, в которые впадает А. Гастев со своими собственными пожеланиями в дальнейшем изложении.

Начиная с вступительных строк, где говорится о „группах писателей“, трактующих вопросы пролетарской культуры, и кончая заключительной попыткой набросать „контуры пролетарской культуры“, А. Гастев трактует все вопросы, которых он касается, широкими взмахами пера, не давая себе труда заняться не только „тончайшим молекулярным“ или вообще сколько-нибудь углубленным анализом вопросов, которые он трактует, но даже и собрать и сгруппировать свой материал так, чтобы он поддавался углубленному или „тончайшему“ анализу.

Во вступительных строках одним взмахом пера А. Богданову ставится в упор „восточный“ ¹⁾ консерватизм, при чем читателю предоставляется самому догадываться о том, что такое „восточный“ консерватизм, и почему в нем повинен А. Богданов.

С теми же методами А. Гастев подходит и к трактовке материала.

Начнем с его *вылуцивания* (курсив мой М. С.) „групповых“ и „категорийных“ *определений* рабочих.

Термин „вылуцивание“, по видимому, означает примитивную работу по группировке и классификации.

Но для того, чтобы группировка материала была сколько-нибудь правильной, она должна удовлетворять двум признакам:

- 1) совокупность групп должна охватывать всю массу изучаемого материала;
- 2) несмотря на разнообразие признаков, группы должны быть подобраны так, чтобы при динамическом изучении их, их можно было бы сравнивать через какой-то общий измеритель.

Первое условие не требует комментариев. На втором позволю себе остановиться несколько подробнее.

В статистике существует термин „индексное число“ или „число-показатель“, т.-е. число дающее единое количественное выражение сложному процессу измерения отдельных составных групп измеряемого целого. „Индекс“ или „показатель“ сливает воедино движение ряда групп, принимая во внимание удельный вес каждой и являясь как бы статистической равнодействующей их. Вывод такого числа-показателя возможен, однако, лишь при условии существования для всех групп одного *общего измерителя*. В некоторых отраслях статистики найти такой измеритель чрезвычайно просто. Так английская статистика цен дает ежемесячно (и давала за долго до войны) одно только число, которое она называет „индексным числом дороговизны“ и которое представляет из себя сложную („взвешенную“) среднюю ряда групповых средних процентного изменения цен ²⁾.

Здесь общим измерителем является процент роста цен. Нельзя сравнивать и объединять рост абсолютных цен разных продуктов, но легко производить числовые манипуляции с абстрактными цифрами — процентными изменениями цен.

¹⁾ Кавычки автора.

²⁾ В каждую группу объединены предметы, имеющие равный удельный вес в народном потреблении (минеральные, текстиль, две группы пищевых продуктов и т. д.), но для получения общего индекса каждая группа берется не за единицу, а за количество единиц пропорциональное этому удельному весу. В получаемом таким образом показателе дороговизны, исчезают отдельные индивидуальные признаки изменения цен по отдельным группам. И если англичане говорили, что в январе 1917 г. показатель дороговизны равен 205% (по сравнению с январем 1914 г. принятым за 100), то это значит, что стоимость жизни в целом возрасла на 105%, как бы не изменились отдельные продукты или даже группы их. Таблицы английских индексов дороговизны приведены мною в статье „Конфликты труда и капитала в современной Англии“ в „Вестнике Народного Комисариата Труда“ № 2—3 за 1918 г..

В статистике снабжения мы имеем дело уже с несколько более сложным измерителем: снабжение страны самыми различными продуктами можно сравнивать через вычисление процента выполнения планов снабжения.

Как ни различны между собой товарные группы снабжения, % выполнения поставленного себе государством задания является для всех общим измерителем. И здесь есть возможность получить общий показатель движения снабжения по самым различным группам ¹⁾.

Еще сложнее обстоит дело в статистике производительности труда. Здесь приходится сравнивать между собой величины, изменение которых является функциями, по крайней мере, трех переменных: интенсивности человеческого труда, производительной силы машин и количества проработанного времени; при этом приходится сравнивать все эти величины по различным отраслям производства, имеющим весьма различные технические мерки интенсивности труда и выработки. Однако общим измерителем самых различных производств является всюду норма выработки в один человеко-час, будет ли этот человеко-час равен одной стотысячной части паровоза, или 2 аршинам ситца.

Процентное изменение норм выработки в один человеко-час и дает нам возможность сравнить между собою эти группы и вывести показатель производительности для страны в целом.

Однако все эти примеры из области количественного изменения. Здесь моментом обобщающим самые различные — качественно — группы является измеритель, имеющий точное количественное выражение.

Правда, здесь приходится оперировать лишь такими общими количественными понятиями как „больше“ или „меньше“, „возрастание“ или „убывание“, а не точными числами.

И все же этот общий измеритель необходимое условие для сравнения тенденций развития отдельных групп.

В „Науке об общественном сознании“, говоря о „технических основах коллективизма“, А. Богданов намечает такие общие измерители динамики техники.

Для самых различных отраслей техники им намечаются одни и те же тенденции: от разнородности к однородности рабочей силы и к развитию исполнительско-организаторской функции труда:

„В эпоху мануфактур капитализм довел специализацию до крайности. Работник превращался в машину для отдельной часто мельчайшей, трудовой операции; все содержание труда сводилось для него к нескольким определенным движениям, в каждой специальности иным, особым. Что общего в булавочной мануфактуре между действиями работника, который тянет проволоку, и действиями другого, который ее перерезывает? Здесь разнородность труда полная, не меньше или даже больше, чем между разными ремесленниками. И рядом с этим — целая пропасть между работой таких машинообразных исполнителей и руководящих ими организатором, функция которых всецело „духовная“.

Машинное производство прогрессивно ослабляет эту разнородность по обеим линиям. Специализация, собственно, остается: отрасли производства не смешиваются между собой, и в каждой имеются разные технические операции, выполняемые с помощью разных машин. Но все возрастающая доля разнородности работ переносится с людей на машины. Содержание труда работников даже при весьма несходных машинах становится сходным в главной и наибольшей своей части: функциях надзора за машиною, контроля, регулирования, соображения. А движения рук составляют все менее важную и значительную сторону этой работы, хотя она и называется попрежнему „физической“. Такая тенденция к однородности рабочей силы уже теперь сильна, особенно в передовых отраслях производства.

¹⁾ Такие индексы снабжения читатель может найти в моих статьях „показательные числа снабжения“, печатающихся через трехмесячные промежутки в „Экономической Жизни“. В последней статье (Экон. Ж. от 7 августа) фигурирует уже термин „всеобщий измеритель“. См. также издаваемые В. С. Н. Х. сборники „Учет и Снабжение“.

Уменьшается затем, хотя и более медленно, степень другой разнородности—труда умственного и труда „простого“, т. е. научно-организаторского и исполнительского. Мы видели, что исполнительная роль при машине принимает черты организаторской; в ней выступают на первый план усилия характера „интеллектуального“ или „духовного“, и возрастающая степень технической сознательности и общей интеллигентности работника становится основным ее условием. Дальнейшие же стадии машинной техники,—стадия автоматизма и затем автоматического регулирования машин,—повышая дальше и дальше уровень „простой“ рабочей силы, ведут и, в конце концов, должны привести ее к настоящей однородности с рабочей силой научно-организаторской, „инженерской“ ¹⁾.

Таким образом „общие измерители“ на лицо. Как бы велико ни было техническое разнообразие изучаемых групп, изучение изменений каждой группы по отношению к такого рода общим измерителям могло бы нам дать представление об изменении характера трудовых процессов всего рабочего класса в целом.

Удовлетворяет ли группировка Гастева этим двум требованиям? Отнюдь нет. Прежде всего ему угодно принять за аксиому „что пролетариат металлообрабатывающей промышленности и особенно тот, который работает в механическом производстве, это—как раз тот пролетариат, который прежде других знакомится и воспринимает новый производственный строй и является наиболее передовой пролетарской группой“. Почему это аксиома, об этом автор не говорит ни слова, но „аксиома“ эта находится увы в противоречии с техникой современного производства с одной стороны, и с историей рабочего движения—с другой. В современном производстве, как уже указал А. Богданов в своем ответе Гастеву, такие отрасли индустрии, как химическая или электротехническая, имеют тоже весьма высокий удельный вес.

Количественно же, чтобы говорить о тенденциях пролетарской культуры в целом ²⁾ никоим образом нельзя игнорировать и таких огромных групп рабочего класса, как горнорабочие, текстильщики, рабочие транспорта и т. д. Если они дают иные „тарифные типы“ и иные „психотехнические“ признаки, то при определении *общих* тенденций культуры рабочего класса мы не имеем возможности их игнорировать. Мы можем только, *если это необходимо*, придать им меньший статистический „вес“, при определении общей равнодействующей. Да кстати сказать, иные виды работы по металлу стоят, пожалуй, ближе к работе текстильщика, чем к некоторым отраслям работы по металлу же. Рабочий, стоящий у машины-автомата, выбрасывающей в единицу времени определенное количество гвоздей или пружин и следящий только за тем, чтобы не произошло затора и чтобы „выбрасыванье“ шло равномерно, гораздо ближе подходит по типу работы к той работнице, которая расправляет на ситце-набивной фабрике длинные полосы ткани, тянущиеся от вала к валу, чем к лекальщику или инструментальщику. При более внимательном изучении трудовых процессов разных отраслей индустрии придется, вероятно, установить совсем иную классификацию. Это не так просто, как кажется.

Но нельзя игнорировать и роли, которую играли рабочие той или иной отрасли индустрии в рабочем движении Европы, в борьбе за рабочее законодательство и в общей политической борьбе пролетариата.

Взять хотя бы углекопов. Они играли и продолжают играть до сих пор не малую роль в политическом и социальном движении России, Бельгии, Германии и Англии. В Бельгии они неоднократно являлись застрельщиками политических выступлений рабочей партии, в Англии они играли огромную роль в борьбе за билль о минимуме заработной платы за 2 года до войны, а во время войны их же требование „восстановить довоенное отношение между той частью

¹⁾ „Наука об общественном сознании“ стр. 201, 202.

²⁾ Выражаясь статистически получать ее общий индекс или общий показатель.

валового дохода, которая идет на заработную плату и той которая идет на прибыль" и их угроза всеобщей забастовкой вырвала у правительства Асквита (накануне его падения) первый акт о регулировании хозяйственной жизни страны, непосредственным результатом которого было взятие под государственный контроль угольных копей страны. В данный момент они борются за полную национализацию копей.

В свое время не малую роль сыграли в рабочем движении Европы и текстильные рабочие Фландрии и Саксонии. И еще в самый первый период германского рабочего движения роль их была весьма значительна, оставшись навсегда опознанными в стихотворении Гейне.

Мы старой Германии савап соткем,
В него мы тройное проклятие вплетем,
Мы ткем, неустанно мы ткем.

В России знаменитая забастовка петербургских ткачей и прядильщиков конца прошлого века вырвала у правительства первый закон о нормировке рабочего дня.

Но к чему множить примеры. История рабочего движения написана. Последние этапы ее на памяти у многих из нас. Углекопы пробовали взрывать своим динамитом некоторые устои старого мира, ткачи ткали ему савап и даже булочки, создав в Брюсселе Дом Народа—кооператив рабочей партии—рассылали из него забастовщикам хлеб и социалистические брошюры.

Из всех этих отдельных этапов борьбы выросло единое рабочее движение Европы. Всеобщим измерителем всех форм профессиональной борьбы являлась степень профессиональной замкнутости или, наоборот, восхождения к обще-классовым задачам пролетариата. *Выработка этого обще-классового сознания в процессе социальной борьбы труда против капитала играет такую же роль для создания пролетарской психологии, как и технические условия работы.* Без нее никакая группировка по чисто техническим признакам не будет полной.

Может быть, она достаточна для определения некоторых черт психики металлистов, но отнюдь не рабочего класса в целом. А психотехника металлистов и тенденции пролетарской культуры это отнюдь не одно и то же.

И так по первому признаку группировка А. Гастева весьма неудовлетворительна:

- 1) потому что она не схватывает всего рабочего класса в целом.
- 2) потому что она базируется только на технике труда, игнорируя социальную борьбу его.

Перейдем теперь ко второму признаку. Общим измерителем, который объединяет группы, установленные Гастевым, является степень квалифицированности рабочих. Если изучать психотехнические группы металлистов статически для специальных надобностей тарифной работы сегодняшнего дня, то этот критерий группировки Гастева окажется, вероятно, вполне удовлетворительным. Но одно дело тарификация, а другое пролетарская культура. Чтобы уловить тенденции пролетарской культуры, нужны совсем иные группы и иной критерий группировки. Здесь нужно искать действительных тенденций в развитии трудовых процессов, а не тех, которые намечаются с точки зрения тарификации данного момента.

Отношения человека к машине, принимая во внимание динамику и тенденции техники ее, вот что было бы важно установить во всех группах, но повторяю, самый принцип классификации должен быть результатом огромной работы по изучению трудовых процессов. И нужно надеяться, что эта работа будет выполнена в семинариях будущих пролетарских университетов, и что в выполнении ее примут участие техники, статистики и физиологи. И тогда нам действительно удастся уйти „куда-то вдалеку, куда-то ввысь“ от тарификации металлистов.

Итак, классификацию А. Гастева нельзя признать удовлетворительной и по второму признаку. Ошибочность его методов сказывается особенно ярко

на отдельных иллюстративных примерах, приводимых им. Так одной из „гигантских лабораторий“, где „создается психология, где фабрикуется культура пролетариата“, он считает „военную промышленность всего земного шара“. Попытаемся присмотреться поближе к этому заявлению. Только не будем держаться „грубой дедуктивности“, постараемся лучше дать А. Гастеву кой-какой материал для его „тончайшего молекулярного анализа“.

Великолепный материал о положении оружейного пролетариата во время войны дает, например, страна высоко-развитой техники—Англия.

Оружейное производство Англии было взято с самого начала войны под государственный контроль. При этом между государством и владельцами „контролируемых фирм“ был заключен следующий договор: контролируемые фирмы платят государству военный налог и получают „при помощи правительства“ неограниченное число рабочих рук и освобождаются при этом от исполнения всех правил трэд-юньонов по нормализации выработки, что дает им, как наивно заявлял в палате общин либеральный депутат Симон „полную возможность реализовать гораздо большие барыши, чем при соблюдении правил трэд-юньонов, ибо при несоблюдении их достигается значительно большая интенсивность труда“.

Тот же самый „закон о защите королевства“, который фактически отменял в Англии целый ряд конституционных гарантий, давал правительству право отменить так-называемые „привилегии трэд-юньонов“. В то же время труд взрослых мужчин был, по образному выражению рабочих, „разжижен“ трудом детей и женщин, получавших жалкую заработную плату, неорганизованных и неумевших развить почти никакой силы сопротивления. Выработка возросла, а буржуазная пресса захлебывалась от восторга: „Мы видим теперь, — пишет журнал „Economist“, — как женщины, работающие на станках, повысили выработку на 200% по сравнению с довоенным уровнем ее, когда у работы находились только квалифицированные работники — мужчины. Но это не потому, что женщины работают лучше, — конечно, они работают хуже, — а просто напроsto потому, что они свободны пускать машины максимальным темпом“. Результат этой свободы сказался довольно быстро. Уже в 1917 году отчеты фабричных врачей стали рисовать ужасную картину повального массового физического и нервного истощения трудящихся. Одновременно был отменен воскресный и вечерний отдых и все правовые преграды по ограничению женского и детского труда. По данным „комитета о здравии оружейных рабочих“ (Health of munition workers comverce) рабочий день женщин длился на оружейных заводах зачастую от 6 ч. утра до 8 ч. вечера. В английских газетах запестрели lamentации всяческих филантропов о детях, засыпающих в омнибусах и трамваях после 16-часового рабочего дня, проведенного за выработкой снарядов. И достаточно часто попадались также отчеты о судебных тяжбах из-за количества вырабатываемых в единицу времени патронных гильз или снарядных трубок. В то же время заработная плата на контролируемых фирмах строго регламентируется специальными „комитетами“ и промысловыми судами и в течение 2 лет, например, женщины работницы тщетно борются с Ллойд-Джорджем за исполнение его же собственного обещания дать им „справедливое вознаграждение“ за „пускание машин во всю“ при полной отмене нормализации выработки. В то же время правительство пытается прикрепить оружейных рабочих к месту их производства и не допускать их свободного передвижения по стране. Протестующих отправляют на фронт, а забастовки подавляются вооруженной силой и угрозами осуждения вождей их на каторжные работы¹⁾.

Таковы социально-бытовые условия жизни в одной из „гигантских лабораторий“ где создается психология и фабрикуется культура пролетариата“.

¹⁾ Здесь не место, конечно, давать скольконибудь подробную картину положения английского оружейного пролетариата во время войны. Я отмечу лишь несколько ярких штрихов этой картины. В свое время мне приходится писать довольно часто об этом вопросе на страницах „Летописи“, „Новой Жизни“ и „Народного Хозяйства“.

Если здесь и создаются или могут создаваться некоторые черты психологии, то это отнюдь не те черты, которые пытается вывести А. Гастев из технических условий военной индустрии. Социальные условия ее могут, конечно, развить на ряду с массовым нервным истощением взрослых и остановкой развития детей, о которых говорят отчеты фабричных врачей, и психологию коллективного противодействия давлению, могут способствовать также и развитию боевой сплоченности, и новых социально-психологических черт. Но, как бы то ни было, все это уже влияние не техники, а экономического быта. И, наконец, мы не имеем права игнорировать еще одного условия работы в „гигантской лаборатории“ орудийного производства. Постоянная работа по созданию орудий разрушения и убийства должна ведь тоже отражаться на психике трудящегося, производящего эти отрицательные ценности. Быть привлекаемым к суду из-за недостаточного количества выработанных за день патронных гильз и сознавать в то же время, что все это адское потовыжимание—все это разрушение человеческих организмов, все это избивание младенцев и все эти 200—процентные дивиденды владельцев контролируемых фирм совершаются за славу убийства и разрушения!

Для психотехники не может быть безразличным и самый объект техники, вид творчества, в котором участвует трудящийся. Создание смертоносных орудий, аэропланов или их сельско-хозяйственных машин должно весьма различно отразиться на психике рабочих, участвующих в создании их. И с этой точки зрения „гигантские лаборатории“ орудийного производства вряд ли способствуют созданию психики и культуры пролетариата будущего. Творцы орудий разрушения и убийства не могут явиться передовым отрядом по созданию пролетарской культуры, несмотря на высокое совершенство техники их машин. Здесь на первом месте должны стоять творцы в подлинном смысле этого слова, создатели действительных ценностей материальной культуры человечества.

И конечно, рабочий, участвующий в создании микроскопа, аэроплана, жатвенной машины или ткацкого станка, стоит бесконечно ближе к созданию культуры пролетариата, чем работник, выковывающий части для двенадцатидюймового орудия или работающий на фабрике удушливых газов. Ибо работа первого делает его участником в организации общественного труда, а работа второго делает его прикосновенным к убийству жизни и разрушению ценностей.

Анализ, хотя бы и не „тончайший молекулярный“, но сколько нибудь правильный, не может игнорировать всех этих моментов психотехники и социопсихологии. И во всяком случае тот, кто игнорирует эти моменты, рискует впасть в тяжкий грех „грубых дедукций“.

Но пойдем дальше.

А. Гастев производит в своем понимании пролетарской культуры не малую роль „рабоче-производственным нормам“.

Говорит он о них отрывисто, на-скоро, но тем не менее умудряется вы-вывести из них „социально-нормировочные тенденции“, которые внедряются в „боевые формы рабочего движения“, в его „социальное творчество, питание, квартиры и, наконец, даже в интимную жизнь пролетариата“.

Врагу „грубых дедукций“, конечно, лучше бы этого не писать, но дело не в том. Дело в социально-историческом происхождении и „нормировки выработки“. А. Богданов в своем ответе А. Гастеву отмечает, что происхождение нормировочных тенденций кроется еще в ремесленно-цеховой регламентации. Это, конечно, так, но в последнюю эпоху капиталистического производства старое течение получило новую окраску, соответствующую гигантскому росту интенсивности человеческого труда в связи с развитием техники. На точном экономическом языке следует сказать, что борьба за рабоче-производственные нормы была борьбой против роста нормы эксплуатации, шедшего параллельно развитию техники, иначе говоря борьбой против постоянного отставания роста ценности рабочей силы от роста прибавочной ценности.

Последнее может явиться как результатом увеличения интенсивности труда, так и возрастанием его производительности.

В главе об „изменении в величине цены рабочей силы и прибавочной ценности“, в разделе: „рабочий день и производительность труда постоянны, переменной является интенсивность труда“, Маркс дает следующую общую формулировку этой динамики отношений между интенсивностью труда и заработной платой: „повышение цены рабочей силы не заключает в себе необходимо повышения ее цены выше ее ценности. Оно может наоборот, сопровождаться падением ее ценности. Это случается всегда, когда повышение цены рабочей силы не вознаграждает ее ускоренной траты или изнашивания“¹⁾.

В той же главе в разделе: „величина рабочего дня и интенсивность труда постоянны, переменной является производительная сила труда“ Маркс формулирует соотношение между движением производительности труда и заработной платой: „изменение производительной силы труда, ее увеличение или уменьшение, действует в обратном направлении на ценность рабочей силы и в прямом—на прибавочную ценность“²⁾. Положения эти нетрудно иллюстрировать хотя бы следующими примерами недавней русской действительности.

В конце прошлого столетия при переходе петроградских ткачей с работы на одном станке к работе на 2, заработная плата их была повышена с 15—18 р. в месяц до 16—19 р. при почти удвоенной выработке и удвоенной затрате внимания, удвоенном напряжении зрения и т. д.

То же явление наблюдается обычно при введении машин, большей производительности, введении новых систем труда и всякого рода примитивных систем заработной платы.

Последние определенно вводились, как ставка на повышение интенсивности труда и нормы эксплуатации во всех тех областях производства, где интенсивность человеческого труда не предопределяется производительностью машин³⁾. Такого рода тейлоризм существовал задолго до Тейлора. Первичной формой его является сдельная плата, более развитой премиальная. Как любопытный образец такого взвешивания прибавочной стоимости приведу хотя бы следующую выдержку из имеющейся у меня небольшой монографии о положении труда на таганрогских металлургических заводах, относящейся к 1907 г.

„В листопрокатном отделении обрезают 400 листов за промажуток времени, в какой прежде обрезали 200. Пока интенсивность труда была слабая, преобладала аккордная форма заработной платы. Выдаваемая премия служила толчком к повышению интенсивности труда, но стала почти превышать поденный заработок по мере роста последней, когда же она возросла чуть не вдвое,—как это имело место в листопрокатном отделении,—аккордную плату отменили почти всюду, повысив поденную на 20—30%. Это значительно сокращало, конечно, общую сумму заработка, т. к. премия составляла 50—100% поденной платы. Небольшая часть рабочих была в каждой мастерской оставлена на сдельной плате с таким расчетом, чтобы поденщикам приходилось поспевать за поштучными. И опять-таки расценка последних понизилась параллельно повышению интенсивности труда“⁴⁾.

1) Капитал том I, стр. 369.

2) Капитал том I, стр. 366.

3) Технически-реакционный капитализм отсталых стран создает иногда такие экономические парадоксы; рабочий не может поднять заработной платы, а капиталист нормы эксплуатации благодаря невозможности поднять норму выработки на старых машинах. Так англичане очень часто сбывали в Россию свои старые приливные станки, благодаря чему в Петрограде в начале нынешнего столетия встречались станки на 1.200 перетей и до 2.200. Введение усовершенствованных станков требовало ломки старых фабричных зданий, недостаточно широких для новых станков, а это было не под силу русским предпринимателям.

4) См. Статистика труда „№ 2—3, статья М. Смит—„Некоторые проблемы статистики заработной платы“.

И здесь опять-таки мы имеем дело с выраженным случаем роста нормы эксплуатации.

Но еще резче выступает тот же процесс при сравнении производительности труда и заработной платы в разных странах, т.-е. в разных условиях развития техники. Если допустить, например, что подмосковный ткач работает¹⁾ на одном станке, петербургский на двух, лавкаширский на 4—8, а американский на 8—20, то заработная плата ткачей четырех стран возрастает совсем не в такой пропорции, как выработка, т.-е. отнюдь не в отношении 1:2:4—8:8—20. В главе о „национальных различиях заработной платы“ Маркс, упоминая пример англичан строивших железную дорогу в Азии, говорит: „Они были вынуждены считаться с национальными различиями интенсивности труда, но это не принесло им никакого убытка. Опыт их показывает, что, если даже высота заработной платы более или менее соответствует средней интенсивности труда, то относительная ценность труда (по отношению к продукту) в общем движется в противоположном направлении“²⁾. В этой же главе Маркс приводит мнение члена английской фабричной комиссии о том, что „в Англии плата по существу ниже для фабриканта, чем на континенте хотя для рабочего она может быть и выше“³⁾.

В этой динамике заработной платы и лежит происхождение рабоче-производительных норм. Оно было попыткой рабочих ввести в свой договор с капиталом некоторый предел росту нормы эксплуатации. В довоенных коллективных договорах трэд-юньонов обычно определялась та конкретная затрата физической энергии, которую английский рабочий давал своему предпринимателю; при забастовках же пускались нередко в ход угрозы уменьшить интенсивность труда, если не будет повышена заработная плата. Совершенно понятно, что в таких странах, как Англия и Америка, где смена машин происходит довольно быстро, в погоне за возрастанием производительности труда рабочие организации вырабатывают в порядке самозащиты правила, требующие, чтобы повышение заработной платы не отставало от повышения выработки.

Таково происхождение вопроса о нормализации выработки. Поскольку он ставится в той или иной стране, он ставился, конечно, конкретно в связи с условиями техники данной страны. На международных съездах профессиональных союзов может быть и могли вырабатываться нормы выработки, единообразные для ряда стран, но это далеко не во всех отраслях производства и далеко не для всех стран.

Движение в целом ведется в порядке социальной самозащиты, а не в порядке международной нормализации труда общественно-организационного характера.

Но как отнестись к вопросу с точки зрения тенденций пролетарской культуры?

Может ли орудие самозащиты в классовой борьбе стать орудием организующего характера, орудием выработки новой психики и новой культуры?

В будущем обществе о нормализации выработки придется говорить 1) с точки зрения потребностей человеческого коллектива и 2) с точки зрения физиологической нормы выносливости человека. Да и сама эта норма выносливости уйдет, вероятно, далеко за пределы нашей при иных условиях жизни. „Культура внимания“, о которой говорит А. Богданов в „Красной Звезде“ сделает свое дело.

Теперь Тейлор предлагает рабочим повысить норму выносливости вопреки всякой физиологии⁴⁾, хотя и именует свои опыты „научной организацией труда“ и хотя даже А. Гастев ставит почему-то Тейлора рядом с Гильердингом. — Это, вероятно, тоже итог „тончайшего молекулярного анализа“

¹⁾ Или работал совсем недавно еще.

²⁾ Капитал том I, стр. 399.

³⁾ Капитал том I стр. 398.

⁴⁾ См. книгу А. Ерманского „Система Тейлора“. Глава 7. См. также брошюру А. Богданова „Между человеком и машиной“.

—Но в сущности Тейлор доводит только до ее предельного выражения обычную тенденцию капитализма—хищнически использовать рабочую силу не в интересах общества, как целого, а в интересах *данного* капиталистического предприятия.

И только с точки зрения пролетариата как класса организатора можно будет трактовать вопрос о нормализации выработки в интересах правильной научной организации труда, а не ради самозащиты трудящихся. Классовая самозащита является, конечно, организационным орудием огромной важности для развития солидарности пролетариата и его боевой сплоченности. Но та или иная цель отдельных актов борьбы воспринимается каждый раз с точки зрения положения вещей в сегодняшний день капиталистического строя и потому далеко не всегда может служить организующим моментом пролетарской идеологии. Ибо его идеология есть прежде всего идеология класса—организатора. И его отношение к нормализации выработки требует огромной исследовательской работы в области организации труда и организации производства.

В выработке пролетарской культуры должно быть отведено достаточное место научной работе. Литературные и театральные студии пока что развиваются гораздо быстрее научных лабораторий. Но пора организовать и эти лаборатории. Ибо в них должен быть решен ряд технических и экономических проблем будущего, и в них должны вырабатываться некоторые из важнейших тенденций культуры пролетариата: сознательное отношение к процессам труда, умение подходить к ним с точки зрения всеорганизационной, а не своего цеха только.

Но расходясь с А. Гастевым в ряде его уж очень быстро, наглаза изготовленных дедукций и не соглашаясь с его приемами анализа, я все же приветствую появление его статьи на страницах „Пролетарской Культуры“. Вопрос действительно назрел и требует к себе самого внимательного отношения. В выявлении „контуров пролетарской культуры“ должно сыграть свою роль изучение трудовых процессов 1) с точки зрения общих тенденций их развития и 2) с точки зрения организации труда и производства. Вырабатывая свою идеологию, пролетариат создаст новые песни и гимны, новые образы в живописи и литературе, новые задания и методы в науке но также—и это, может быть, самое важное—новое сознательное отношение к процессам труда. Весь гигантский технический аппарат мирового производства должен быть ясен рабочему, а не тот только станок, к которому он прикован в капитализме. Почти все те, кто писал о коллективизме, отмечали, что в будущем переход от одного вида труда к другому будет гораздо распространеннее, легче и проще, чем в капитализме. В нашу эпоху переходных форм хозяйствования и всеобщего оскудения выдвигается как раз обратное требование—требование прикрепления работников к их работе. Но это явление временное. Профессиональные навыки той или иной группы трудящихся нельзя считать тенденцией пролетарской культуры уже хотя бы потому, что будущее раздвинет рамки применения сил человека и освободит его от ига профессионализма. Но для укрепления этой тенденции трудящийся должен уметь широко охватить мир труда, его орудия, приемы и системы.

Производственно-трудовые процессы должны стать ему понятны в целом, а не только по отдельным узким частям.

Здесь пред нами непочатый край работы. Она огромна, но она является одной из необходимых предпосылок развития социалистической идеологии.

М. Смит.

Кладбище паровозов.

Зарос к вам путь железный травами,
Стоите, мертвые, в пыли.

Глядите вдаль очами ржавыми,
Вы, что в борьбе изнемогли,

Чтоб город наш одеть убранными
И дать нам хлеб, тепло и свет,
Вы бились яростно с пространствами
И шли к победам от побед.

Чтоб мы среди громад томительных
Творить и ликовать могли,
Вы ночь терзали ревом длительным
И бороздили грудь земли.

Прикинув к рельсам телом крижистым,
Бросая искры в тишь небес,
Каких лишь не влекли вы тяжестей
И не дарили нам чудес!

Окончен путь ваш. Нам—сокровенно,
Вам—тлене ржавое в пыли...
Покойтесь, милые чудовища,
Вы, что в борьбе изнемогли!

Х. Н.

82 показания.

(Анкета среди студентов Московского пролетарского университета).

Пролетарский университет временно закрыт. Когда революции придется вести борьбу не на жизнь, а на смерть с контр революцией, когда революционный центр окружен тесным кольцом российских Вандей, то неизбежно науку начинают считать делом второстепенным по сравнению с боевыми задачами дня.

Интересы тыла ступшевыаются, интересы фронта выдвигаются на первый план, и от культурной и творческой работы отрываются все новые и новые кадры работников. Так были оторваны от своего пролетарского университета и 400 первых его студентов, успевших проучиться там всего 6 недель.

Только 6 недель. Срок столь непродолжительный, а особенно для новичков научной работы, что казалось бы у них не должно было остаться никаких связанных впечатлений от этого первого опыта приобщения к научной мысли.

Бывают инструкторские курсы, которые по замыслу своему длятся не более 6 недель, но тогда и самая программа их приспособлена к этому сроку. Круг проходимых предметов не велик, сведения из них даются лишь наиболее практические, непосредственно применимые на деле. Методы получения их игнорируются. Короче говоря шести недель бывает иногда достаточно, чтобы „натаскать“ курсантов для проведения той или иной практической компании.

Не то в пролетарском университете. Эти 6 недель были началом 3х-годового курса работы по очень широкой программе, обнимавшей все важ-

нейшие отрасли человеческого знания. И эта программная целостность проводилась в жизнь не постепенно, а сразу. 1-й год был годом введения в ряд важнейших научных областей: математики, биологии, физики, физиологии, истории, экономики и т. д. Одновременно преподавались методы устного и письменного изложения, иностранные языки и даже стенография. Казалось бы что такое большое число новых и разнородных впечатлений, сразу нахлынувших на новичков науки, должно было ошеломить их и подавить и лишь постепенно с течением времени должны бы они были свыкнуться с этой новой умственной жизнью, освоиться с ней, как в целом, так и в отдельных частях. Казалось бы, что первые шесть недель могли оставить лишь впечатление хаоса, притупление восприятия, невозможность построить нечто стройное и целое из массы отдельных впечатлений.

И однако это не так.

Небольшая и проведенная на спех анкета среди находившихся в тот момент в Москве 82 студентов бывшего пролетарского университета доказывает, что это совершенно не так: огромное большинство ответов рисует такую отчетливую и яркую картину вполне сознательного отношения к предметам проходившимся за эти 6 недель, к общим задачам пролетарского университета и к роли его в строительстве советской России, что только диву даешься. Видно, что люди набрасывались на знание не только с жадностью, но и с определенным волевым усилием овладеть этим драгоценным для них оружием, видно, что работа восприятия и усвоения получаемых знаний являлась чрезвычайно интенсивным и углубленным процессом их мысли.

За такое короткое время нельзя было получать никаких законченных знаний, об этом пишут многие и тут же все, как один человек, прибавляют, что университет дал им тем не менее очень многое.

И дальше идет либо перечисление отдельных наук, остановивших на себе внимание студента, либо характеристика того умственного толчка, который он получил в течение этих 6 недель.

В анкетном листке всего 4 вопроса:

- 1) фамилия, имя и отчество,
- 2) сколько времени вы занимались в пролетарском университете,
- 3) что дал вам пролетарский университет
 - а) в смысле общего развития,
 - б) в смысле ознакомления с отдельными предметами и какими именно.
- 4) Ваше отношение к пролетарскому университету:
 - а) желательно ли его открытие в будущем
 - б) и почему.

Перед заполнением анкет не происходило никакого предварительного инструктирования. Большинство их было заполнено на спех, почти что на ходу. Вся работа была проведена в два дня, два рабочих дня, ибо студенты пролетарского университета работают в настоящее время либо в Центральной школе партийной и советской работы, либо в партийных организациях, и рабочий день их обычно весьма длинен.

Все это не помешало ни ясности и отчетливости ответов с одной стороны, ни горячности и энтузиазму с другой.

По первому вопросу „что дал Вам пролетарский университет“ следует считать лишь 69 ответов, ибо остальные 13 ответчиков приехали во время пасхальных каникул и заниматься еще не начали. И тем не менее на второй вопрос „ваше отношение к пролетарскому университету, желательно или его открытие в будущем и почему,“ получено 81 не только утвердительных, но и почти восторженных ответов. И лишь один из отвечавших воздержался от ответа на этот вопрос.

Остановимся сначала на первом вопросе.

Из 69 полученных ответов 36 говорят преимущественно о тех или иных предметах, которые они усвоили, а 33 дают сверх того еще и общую характеристику своих интеллектуальных переживаний и приобретений за эти 6

недель. Из числа же этих 33 приходится выделить особую группу в 8 ответов, формулирующих свои впечатления с более высокой степенью точности и сознательности.

Эти последние ответы говорят не только о расширении кругозора, о толчке к дальнейшей самостоятельной работе и т. п., но определенно отмечают, что университет дал им возможность овладеть *методом* научной работы и даже выявить цели ее.

Таким образом, если разбить эти 69 ответов на 3 группы по признаку умения отвечающих восходить от частного к общему, то нам придется зарегистрировать 36 ответов или 52% общего числа их в группе не проявившей такого умения, 25 ответов или 36% общего количества в группе проявившей такое умение в достаточной мере, и, наконец, 8 ответов или 12% в группе проявившей это умение в очень высокой степени.

Для психологической статистики 48% ответов, удовлетворяющих признаку умения восходить от частного к общему, это, конечно, очень большой процент, а 12% ответов удовлетворяющих этому признаку в особо высокой степени это процент еще того больший.

Любая группа людей численностью ли в несколько десятков, несколько сотен или несколько тысяч, даст значительно более низкие проценты обобщающего мышления, если просить ее передать свои наблюдения о явлении такой же сложности, каким были для студентов эти 6 недель университетского обучения.

Но, конечно, в данном случае этот высокий процент обобщающего мышления является не только характеристикой студенческой группы, но и показателем внимательного и проникновенного отношения их к научной работе, проделанной ими в течение этих 6 недель.

Приведем здесь ряд характерных ответов обеих групп сумевших обобщить свои наблюдения.

Вопрос: что дал вам пролетарский университет.

Ответы обобщающего характера.

Группа I.

1. Дал понять, что нужно читать и как нужно понимать прочитанное.
2. а) Пролетарский университет помог мне проводить грань между буржуазной и пролетарской наукой и ознакомил с той и другой, в) заинтересовал наукой и дал общее понятие о политической экономии и истории с точки зрения пролетариата.
3. Интерес к науке был пробужден громадный.
4. Заинтересовал и сделал возможным дальнейшее развитие моих знаний.
5. Начал знакомить с научными знаниями, которыми я был заинтересован для дальнейшего развития.
6. Я воспринял общие черты преподаваемых знаний и в сравнении с буржуазной наукой начинаю разбираться в социальном духе мышления.
7. Дал мне путь к дальнейшему развитию, а именно *разграничил* науки, о чем я не имела понятие.
8. Дал много понятий о пролетарской науке и понятие о всей науке, как необходимой для человека в его политической и экономической борьбе и борьбе с природой... Я хотя занимался *короткое* время, но понял, что только наука может облегчить человеческую жизнь.
9. Получил общее направление, путь, план и узнал, что представляет из себя наука.
10. Некоторые новые предметы, о существовании которых я знал только по наслышке открыли предо мною новый мир Только в университете я перестал бояться математики, которой раньше терпеть не мог.
11. Познакомил с некоторыми научными знаниями, дал возможность к дальнейшему самообразованию.

12. Несмотря на кратковременное существование университета и мою малую подготовленность, я свидетельствую, что пролетарский у-т заложил во мне веки для подхода ко всем наукам.

13. Расширил кругозор, несмотря на краткое пребывание.

14. До поступления в университет, книг я читала не много, и понимание у меня было узкое и примитивное. После же, хотя и краткого пребывания в университете кругозор мой значительно расширился, я как бы вошла отчасти в курс общественного движения и получила возможность изучать общественные науки путем самообразования.

15. Хотя и за короткое время, но университет расширил мой кругозор и мое общее понимание науки и набросал пути к решению разных вопросов.

16. До поступления в университет читать литературу и разбираться в ней не мог за время пребывания в у-те ознакомился с подбором литературы и стал читать и связывать концы с концами.

17. Максимум того, что можно было дать в столь краткий период времени.

18. Расширил кругозор.

19. Расширил мой кругозор, пробудил интерес к науке.

20. Поставил веки для пути далее и дал очень многое для ознакомления с наукой. Я, как крестьянин, даже не знал границ между существующими науками, что для меня теперь очень ясно.

21. За 1½ месяца обучения в пролетарском у-те получил определенное направление в смысле политического развития своих мыслей с марксистской точки зрения. Систематизировал свои небольшие познания прикладных наук и много приобрел новых познаний.

22. Пролетарский университет в короткое время открыл мне широкое мировоззрение по наукам (следует перечисление).

23. Разжег жажду знания и надежду на удовлетворение ее, а после закрытия сожаление, грусть и разочарование в светлой надежде, которая была совершенно разбита.

Группа II.

1. Самое главное, дал методы изучения и подхода к истории с точки зрения марксизма, двинул вперед самосознание и заинтересовал отдельными предметами, заставлял самому более основательно и более подробно знакомиться с науками, даже не дожидаясь дальнейших лекций.

2. Дал метод использования науки.

3. Дал общий метод пользования наукой и как ей пользоваться в дальнейшем.

4. Дал общий метод пользования наукой, заставил глубже задумываться при разборе фактов, встречаемых в жизни.

5. Помог овладеть методом дальнейшего изучения.

6. Вполне убедилась в необходимости выработать новую научную методологию, при помощи которой единственно возможно будет извлечь все ценное и необходимое из буржуазной культуры в целях создания и укрепления настоящей пролетарской культуры и идеологии.

7. В такой короткий период занятий у-т дал очень много, у меня сложилось более правильное представление о цели науки и применении ее к жизни.

8. Прежде всего научил меня различать буржуазную науку и пролетарскую и систематизировать те знания, какие у меня были.

Итак, в первой группе выявляется весьма определенно, что именно ценят бывшие студенты пролетарского университета из того нового, чем они овладели за первые шесть недель работы: раскрытие новых, до того неведомых горизонтов научной мысли, путь к дальнейшей работе, расширение кругозора, ознакомление с „социальным духом мышления“, „подход ко всем наукам, умение читать и разбираться в литературе и даже „определенное направление в смысле политического развития мысли с марксистской точки зрения“. Вторая группа говорит о еще более драгоценных сокровищах мысли: „методе

использования науки" и "правильном представлении о цели науки и применении ее к жизни".

И в обеих группах встречаются указания о приобретении умения "различать буржуазную науку от пролетарской".

Таковы итоги по 2 группам обобщающих ответов. Указания же на ознакомления с отдельными предметами имеются во всех 3-х группах, и при том зачастую указания эти не ограничиваются простым перечнем предметов только, а отмечают еще почему или насколько их заинтересовал этот предмет.

Обычно отвечают так: "получил ясное представление о политической экономии", "изучил начала алгебры", "познакомился с биологией как наукой о живом мире и его развитии", получил понятие о литературе, "научился методам устного изложения" и т. п. Количество показаний о заинтересованности отдельными предметами распределяются между последними такими:

Политическая экономия	54	показания
Математика	37	показаний
Биология	36	"
История рабочего движения	16	"
Наука об общественном сознании	15	"
Методы устного изложения	15	"
Новые языки	15	"
Методы письменного изложения	13	"
Стенография	11	"
Русский язык	10	"
Социальная история Европы в 19 стол.	8	"
История революционного движения	8	"
Мироведение	6	"
Физиология	4	"
История литературы	4	"
Советская конституция	3	"

Таким образом, внимание сосредотачивалось прежде всего на политической экономии, математике и биологии. Среднее количество показаний приходится на историю рабочего движения и науку об общественном сознании, а также на ряд практических предметов, как языки и методы устного и письменного изложения. История собирает сравнительно малое количество показаний. В пояснение надо заметить, что не все студенты занимались по всем перечисленным предметам; напр., наука об общественном сознании читалась только группе более подготовленных, составившей не более четверти общего числа; мироведение — только менее подготовленным. Кроме того, лекции по советской конституции, а также по физиологии удалось только начать к концу активной жизни университета.

Перейдем теперь ко 2-му вопросу: "желательно ли открытие пролетарского университета в будущем и почему".

На первую часть этого вопроса из 82 человек 81 дало, как мы уже говорили выше, не только положительные, но и полные энтузиазма ответы. Что же касается аргументативной части вопроса, то ответы на нее разбиты на следующие группы.

- 1) Ответы, отстаивающие университет, исходя из общих соображений о важности научного образования для строительства социализма.
- 2) Ответы, отстаивающие университет, как классовый центр научной работы, при чем из последней группы выделены в особую подгруппу.
- 3) Ответы, противопоставляющие пролетарский университет государственному и центральной школе партийной и советской работы и отмечающие его самостоятельную роль.

Из 81 положительного ответа на первую группу падает 29 ответов или 36% всего числа их, на вторую же в целом, 52 ответа или 64%; третья группа, выделенная из 2-ой дает 12 ответов или 15% общего числа их.

Приводим ряд характерных ответов каждой группы.

Группа I.

1. Преждевременные похороны пролет. ун-та и его закрытие считаю по меньшей мере громадной ошибкой; не учли все—за и—против существования его в общегосударственных интересах, потому что командированные нас Губкомы и Губисполкомы желали видеть в нас помощников и сменищиков их поредевших рядов, „борцов за организацию царства трудящихся“. И они не ошиблись, ибо план и программа прол. ун-та. давала всестороннее развитие к будущей творческо-созидательной работе каждому студенту пролетарию. Окончив ун-т., каждый из нас мог бы быть действительным стойким защитником прав и интересов пролетариата;—чего от нас и требовали измученные и истерзанные т.т.—щи Губкомов и Губисполкомов.

2. Открытие пролетарского университета желательно, потому что образование по всем отраслям можно получить там в завершеном виде; закрепленность же полученных знаний можно приобрести при помощи чтения книг. университет при продолжительном курсе может выпустить человека вполне подготовленного к борьбе для завершения социальной революции.

3. Строительство жизни требует соответствующих работников во всех отраслях общества. Существуют только работники-руководители для центров. Нет связующих элементов, вследствие чего теряется масса энергии существующих работников от несогласованности в работе.

4. Почему нужно открывать вновь пролет. университет? Потому, что тяжело бороться со всеми ненормальностями, которых у Советской власти имеется много, и, не имея оружия теоретической подготовки, эти ненормальности искоренить трудно.

5. Считаю необходимым открыть университет и продолжать намеченную программу, ибо только своими знаниями и наукой мы кратчайшей дорогой придем к победе. Деревня темна, а без науки социальной с ней бороться нечем. А посему, несмотря на наше самое тяжелое время, мы должны день и ночь учиться и наукой добьемся скорейшей нашей победы. Да здравствует обновленный Московский пролетарский университет.

6. Открытие его было безусловно своевременным. Почему его закрывают? Разве у нас много работников, разве мы не оперируем на лозунгах только, разве у нас не нехватает сил?.. Разве 400 „лозунговых“ работников решают судьбу революции? Наша сила в знаниях, и мы должны их получить до периода борьбы на баррикадах. Только в этом залог нашей победы. Из опыта работы в Самаре, Туле и Москве знаю, что при „налаживании партийной и советской работы“ приходится только кроить и перекраивать.

Группа II.

1. Желательно ли его открытие в будущем и почему? Да желательно, потому что пролетарский университет это наш родной университет, который родила революция, и в нем готовились вожди пролетариата, которые в настоящее, а также и в будущем время так необходимы пролетариату, как руководящий орган в классовой борьбе.

2. Желательно ли его открытие и почему? Желательно и возможно скорее, потому что пролетариат ответственен перед лицом истории, потому что пролетариату нужно творить свою жизнь и культуру *собственными руками*, а без знаний, даже небольших, он не сумеет создать себе жизни. Пролетариату открылись широко двери знания и потому нельзя терять дорогого времени.

3. Само собою разумеется, что об его открытии мы мечтаем и находим его необходимым, потому что рабочий класс для полного торжества над буржуазией должен вырвать у нее последнее оружие—знание.

4. Я нахожу, что пролетарский университет мог дать классовое развитие, в котором так нуждается рабочий класс, и создать нашему социалистическому государству столь необходимых строителей.

5. Открытие университета не только желательно, но пролетарский университет как таковой, обязательно должен быть открыт. Пролетарский университет есть лучшее учебное заведение, отвечающее всем вопросам и требованиям пролетариата. Пролетарский университет должен подготовить тех вождей, которые заменили бы наших вождей, в настоящее время хищнически эксплуатируемых самим же пролетариатом.

6. Открытие университета необходимо для того, чтобы молодые ростки социального учения выросли, окрепли и превратились в мощные устои социализма.

7. Конечно пролетарский университет должен быть открыт в недалеком будущем. Пролетариат России завоевал политическую и экономическую власть. Но осталась еще одна область, где господствует буржуазия—это наука. Пролетариат должен вырвать и это из рук буржуазии. Наука должна служить пролетариату, а для того, чтобы завоевать науку, он должен иметь свой пролетарийский университет, где он будет выковывать—создавать свою, родную, пролетарскую науку и культуру.

8. Я даже не могу выразить мое отношение к пролетарскому университету и вполне желаю открытия его, но уже если Ц. К. не может это осуществить сейчас в виду трудного положения, то пусть будет его существование осуществлено в будущем, потому что это учебное заведение необходимо как центр науки пролетариата.

9. Пролетарский университет необходим, как высшее пролетарское учебное заведение, как лаборатория и рассадник пролетарской культуры.

10. Считаю необходимым пролетариату иметь свой классовый университет.

11. Желательно ли его открытие в будущем? Да желательно, и желаем; может не мы будем учиться в нем, но пускай другие учатся; хотя бы знать, что он существует и сохраняется. Мы будем знать, что наш класс, класс пролетариата, имеет свою лабораторию, где бы он мог получать все те знания, за которые он так долго боролся, и желательно бы иметь, в своих классовых работников и учителей.

12. То что я возлагал на пролетарский университет, думая пополнить свои познания очень многим, в чем я был твердо уверен, мне получить не пришлось в виду его кратковременного существования и откомандирования меня на политическую работу. Поэтому вот мое насущнейшее требование: с улучшением внешней и внутренней политической устойчивости пролетариата необходимо открытие пролетарского университета, в котором пролетарский класс мог бы запасть теми знаниями научно-политической подготовки, которые необходимы ему как орудие в борьбе со своими врагами; и если замрет идея пролетарского университета, то это будет великим поражением для пролетарского рабочего класса.

13. Желательно ли его открытие в будущем? Очень даже, потому что только пролетарская наука, пролетарское образование может привести социализм к осуществлению, когда все человечество будет пропитано пролетарской наукой. Почему я желаю обязательным открытие его, — потому что только наука облегчает жизнь человечества в его существовании и борьбе с природой.

14. С открытием пролетарского университета мы рабочие и крестьяне могли бы получить то, что необходимо пролетариату для его борьбы как с экономической так и с политической стороны. Пролетариат без науки не может существовать, и, несмотря на такой трудный момент существование пролетарского университета, необходимо, и очень желательно, чтобы пролетарский университет сохранился.

15. Желательно ли его открытие в будущем и почему? Желательно, потому что он есть наше учреждение, в котором создадутся свои пролетарские силы и которые ускорят подход к нашему желательному коммунистическому

обществу, ибо это ускорение не только в интересах русского пролетариата, но и международного, а посему и приветствовал бы от души вновь открытие пролетарского университета в будущем.

16. Не только желательно, но обязательно должен быть открыт пролетарский университет, как учебное заведение, отвечающее всем запросам и требованиям рабочих и крестьян.

Пролетарский университет есть самое лучшее учебное заведение, в котором можно получить вполне нужные для пролетариата знания.

17. Желательно ли его открытие в будущем? Очень желательно и в самом ближайшем будущем, если это возможно в условиях военного положения республики. Только в таких учебных заведениях, как пролетарский университет, могут рабочие и крестьяне получить необходимые познания, чтобы потом, вооружившись ими, стать умелыми работниками.

18. Желательно ли его открытие в будущем и почему? Очень желательно, потому что как необходим голодному кусок хлеба, так рабочему наука.

19. Нет слова, которое бы достаточно сильно и громко высказало всю необходимость и все значение пролетарского университета в эпоху острой классовой борьбы, в момент, когда пролетариат стоит у руля целых государств, когда пролетариат стоит перед возможностью, если не сегодня, то завтра, захватить власть в свои руки чуть не на всем земном шаре. Думая, что только политическая недалекость и неспособность оценить возможный ход развития общественных сил и их соотношения может привести к отрицанию острой необходимости пролетарского университета, как и пролетарской науки вообще.

20. Принимая во внимание что прежде учился в высших учебных заведениях только буржуазный класс, а пролетариату двери были закрыты и держали пролетариат во тьме, теперь, когда рабочий класс стал у власти, то необходимо всю науку отдать в пользу только пролетариата, т. е. наука явится большим орудием в руках рабочих и крестьян против борьбы в дальнейшем с буржуазией, ибо, как показал факт, в период нашей борьбы у нас нет работников, а буржуазия, занимая высокие посты, всюду саботажничает и нам трудно бороться.

21. На вопрос о моем отношении к пролетарскому университету, я могу громогласно воскликнуть. Да здравствует возраждение нашего великого пролетарского университета, дающего надежду получить, то к чему имеется неудержимое стремление: знание и свет дающее нам, пролетариям, для окончательной победы пролетариата над буржуазией, захватившей в свои лапы науку и в продолжении веков не дававшей нам получить то, что имела сама. Пролетарский университет с своей обширной программой может дать нашей коммунистической стране тех молодых сильных всесторонне развитых работников и даже вождей, которых ждут наши старые измученные вожди социальной революции себе на смену. Мы, новые октябрьские революционные пролетарские победы, появились закаленными в октябрьской революции, в нас много силы и энергии, дайте нам больше знания, и мы докажем всему буржуазному миру, что мы сумеем наш новый мир построить на этом фундаменте, заложенном нашими отцами—вождями коммунизма. Да воскреснет наш пролетарский университет.

Группа III.

1. Почему желательно открытие пролетарского университета?

Уже потому, что опыт краткосрочных курсов показал, как этим достигается мало для стойкой, непоколебимой защиты интересов класса пролетариата. Классовый университет должен в будущем очистить буржуазную оболочку человеческого опыта, накопленного в борьбе столетий, чтобы представить его пролетариату в чистом-основном виде. Для того, чтобы приблизить науку к пролетариату, нужно много работать, и совершить эту работу могли бы только пролетарские классовые университеты, в коих будут сосредоточены лучшие силы научного коммунизма. В центре-Москве—находятся лучшие

вожди пролетариата и только под их руководством можно было бы воспитать будущих борцов за идеи коммунизма, именно борцов, а не рядовых работников, которые придут на смену нашим, уставшим, славным вождям. Надо принять во внимание, что студенчество в пролетарском университете являлось как бы представителем всей Российской рабочей интеллигенции, и эту интеллигенцию нужно было использовать, чтобы дать ей знание в области научного социализма, чтобы она, получив его, передала их народу — тем организациям, кои их посылали.

Пока существуют классы, нужно классовое научное воспитание через университеты, как орудие борьбы пролетариата за его идеалы.

2. 1) будучи еще прошлый год в Совете, у меня после разного рода собраний явилось такое мнение, что при обсуждении вопросов таковы: иногда решались без дальновидности, а иногда и во вред революции. Я думаю, что мы все высказывавшиеся и решающие, благодаря специализации, не можем охватить предмет и связать с общим окружающим и прийти к правильному выводу. 2) Будучи 5 месяцев не регулярно в Тамбовской губ. в народном университете, я вынес в настоящее время такое впечатление, а) большая разница в преподавателях, б) большая разница в методах изучения, в) громадная разница в преподавании буржуазными преподавателями и пролетарскими, а эти все различия я чувствую, и часть уже усвоил твердо. 3) В народных и государственных университетах, благодаря неправильного „подбора“ (междоусобицы и другие элементы), не удастся достигнуть пролетарским массам, как классу производственному, того, что ему нужно.

3) Если бы Народный Комиссариат по просвещению открыл снова пролетарский университет, то его за этот шаг можно было бы только приветствовать.

В Советской России построена организация на организации; все эти организации набиты непродуцированными элементами, которые как муравьи копошатся, а толку ничего от них. И это получается не потому, что они не хотят работать, а потому что они не знают и не умеют работать. Для восстановления разрушенного хозяйства нужны организаторы, понимающие основные законы развития общественного движения. Таких организаторов может дать только пролетарский университет, а не школы в роде центральной школы партийной и советской работы, которая скоро выпустит 2-ой состав курсантов, из которых получатся не организаторы, а скороспелые блины, каких у нас и сейчас много повсюду и от которых толку мало.

4. Как до настоящего времени существовали буржуазные университеты для привилегированных сословий, откуда выходили молодые люди, чуждые рабочим и крестьянам, так и в теперешнее переходное время, на радуже государственных университетов, должны создаваться и пролетарские университеты, в которых наука должна преподаваться студентам с существенно-измененными методами, т. к. в старые университеты вливались люди с многолетней систематической подготовкой. Прежняя педагогика и методика только и имела в виду людей, живущих в нормальных условиях и имеющих много досуга. Пролетариату нужно искать новых путей для усвоения науки.

Пролетарский университет должен существовать еще для того, чтобы создать компактное ядро подлинных пролетариев и вырабатывать в них определенный свой взгляд на вещи, чего нельзя сделать в буржуазном университете, где одиночные пролетарии затеряются среди буржуазно-мещанских масс и будут подпадать, как меньшие развитые, под их влияние.

5. Желательно ли его открытие в будущем? Считаю необходимым и по возможности в непродолжительном времени. Почему? Потому что раньше мы не имели средств для получения таких знаний и воспитания, и вот теперь государственные университеты существуют будут, где разношерстная публика, а наш единственный в мире закрывается.

6. Желательно ли его открытие в будущем, и почему? Желательно, ибо нет еще такого учебного заведения, которое полностью могло бы удовлетво-

ритель запросы пролетариата, что же касается государственного университета, то он является непригодным к требованиям пролетариата, так как поступление в него предусматривается определенной подготовкой, которой пролетариат не имеет.

7) Пролетарский университет, в отличие от государственного университета, является высшим учреждением научного характера, чисто классовым, где слушатель, не растворяясь в мещанско-обывательской массе и профессуре, может быть выработан в самого наилучшего ортодоксального марксиста, способного быть коммунистическим вождем, вести за собой массы, быть хорошей помощью уставшим товарищам после ожесточенной классовой борьбы. В настоящее тяжелое время для Советской России он может служить политическим боевым органом, и Ц. К. партии в нужное время может послать слушателей в необходимое место борьбы. Вот почему желательно его открытие немедленно, сейчас же.

В группе первой встречаются горестные сетования и lamentации. „Тяжело бороться со всеми ненормальностями, которых у советской власти имеется много“. „Деревня темна, а без науки социальной с нею бороться нечем“. „Разве у нас много работников, разве мы не опираемся на лозунгах только?“. В других группах встречается довольно резкая оценка создавшейся ситуации: „Будучи еще в прошлый год в Совете, у меня после разного рода собраний явилось такое мнение, что при обсуждении вопросов таковые обсуждались без дальновидности, а иногда и во вред революции“. „Нам показал период нашей борьбы, что у нас нет работников, а буржуазия, занимая высокие посты, всюду саботажничает и нам трудно бороться“. „В Советской России построена организация на организации, все эти организации набиты непроизводящими элементами, которые, как муравьи, копошатся, а толку ничего от них“.

Исходя из этой оценки положения, рисуется та роль, которую может сыграть пролетарский университет в деле воспитания строителей социализма: „нет слова, которое бы достаточно сильно и громко высказало всю необходимость и все значение пролетарского университета в эпоху острой классовой борьбы, в момент, когда пролетариат стоит у руля целого государства“... Этот мотив повторяется в огромном большинстве показаний всех трех групп.

И не менее часто, не менее определенно, выступает в показаниях групп второй и третьей мотив о классовом значении пролетарского университета: „только пролетарская наука, пролетарское образование, может привести социализм к осуществлению“. „Пролетариат России завоевал политическую и экономическую власть, но осталась еще одна область, где господствует буржуазия—это наука. Пролетариат должен вырвать и эту область из рук буржуазии... А для того, чтобы завоевать науку, он должен иметь свой пролетарский университет“ и т. п. По той же логической линии идет и аргументация группы третьей, противопоставляющей свой университет государственному и центральной школе.

Но громче всего, сильнее всего звучали во всех показаниях пожелания о новом открытии пролетарского университета. „Считаю необходимым открыть университет и продолжать намеченную программу“. „Не только желательно, но пролетарский университет, как таковой, обязательно должен быть открыт“. „Очень желательно и в самом ближайшем будущем, если это возможно в условиях военного положения республики“. „Очень желательно, потому что, как необходим голодному кусок хлеба, так рабочему наука“. Если бы Народный Комиссариат Просвещения открыл снова пролетарский университет, то его за этот шаг можно было бы только приветствовать“.

И все эти уверенные в себе, определенные ответы покрывает громкий возглас молодого энтузиаста, заявляющего: „на вопрос о моем отношении к пролетарскому университету я могу громкогласно воскликнуть: „да здравствует возрождение нашего пролетарского университета!“.

Мы печатаем результаты этой анкеты, и это „громогласное восклицание“ не ради апологии идей пролетарского университета, или опыта его шестинедельной работы. Идея пролетарского университета ни в какой апологии не нуждается, а что касается опыта шестинедельной работы, то он был слишком краток, для того чтобы организаторы университета *захотели* строить на нем какие либо выводы. Но все ответы студентов как на первый вопрос, так и на второй, определенно выяснили один факт: быть-может, профессора университета давали им мало, но из этого малого они, студенты, старались извлекать и извлекли страшно много: — понимание огромной роли пролетарского университета в деле строительства социализма; и потому, каково бы ни было отношение к этому вопросу профессоров и организаторов университета, сомневающееся или уверенное, отрицательное или положительное, мнение студентов должно быть опубликовано независимо от всех остальных мнений. Они в этом вопросе наилучшие судьи.

М. Ф.

Хроника „Пролеткульта“.

В пролеткультах.

(По отчетам).

В настоящее время, когда пролеткультовское движение, взятое во всероссийском масштабе, имеет за собой около года напряженной работы и борьбы, можно с уверенностью сказать, что идея Пролеткульта пустила глубокие корни в рабочей среде, что основная его задача, которая сводится к выработке новых начал оригинальной пролетарской культуры, выяснилась перед рабочим классом отчетливо и определенно.

Движение, разливавшееся вначале вширь, пошло затем вглубь. Это факт. О нем говорят презжающие с мест деятели Пролеткультов, его констатируют поступающие отчеты; наконец, о том же мы читаем и в провинциальной печати.

Так, Самарский Пролеткульт видит неотложную задачу, стоящую перед рабочим классом, в том, чтоб он создавал *свою* культуру, культуру пролетарскую, пел *свои* песни, рисовал *свои* картины, творил *свою* музыку, учреждал *свои* научные и художественные школы и университеты.

Задача определенная. Цель намечена ясная, не допускающая двух толкований. Каковы же конкретные пути к ее достижению, по которым пойдут Пролеткульты?

Все сведения, поступающие с мест, говорят о том, что Пролеткульты организуют ряд студий, в которых происходит напряженная работа по созданию новых культурных ценностей. Студии построены на совершенно новых началах. Это, по определению Боровичского Пролеткульта, организация творческого сотрудничества стремящихся к знанию, организация, которая, по представлению Орловского Пролеткульта, в самой работе проводит идеи коммунизма.

Огромный интерес представляют те методы студийной работы, которые создаются Пролеткультами, те поиски новых форм и путей творчества, которые характеризуют деятельность в студиях.

Шацкий Пролеткульт видит задачу *литературной студии* в том, чтобы научить сотрудников читать творчески, читать лабораторно, дабы овладеть методом письма. Сообразно с этим студия делится на два отделения — общее и специальное. В первом читаются лекции, цель которых создать атмосферу, благоприятную для пролетарского творчества. Специальное отделение стремится помочь студийцам-пролетариям найти самих себя, облегчить им также путь к овладению техникой. Здесь их знакомят с историей русского стиха, с теорией художественного слова, художественной формы и стиля.

В Смоленском Пролеткульте литературная студия разбита на три отделения: писателей и поэтов, научное и газетных работников. В первом происходит коллективная читка студийцами своих и чужих произведений. Более выдержан принцип коллективной работы в Белевском Пролеткульте (Тульской губ.). Здесь студийцы пытаются коллективным путем составить пьески, инсценировки из рабочей жизни и т. п.

Во многих Пролеткультах существуют при литературных студиях отделы журналистики, задача которых создать кадры пролетарских журналистов. Обычно такие отделы распадаются на части: редакционную, техническую, организационную; в них ведутся практические занятия по составлению статей, фельетонов и т. п.

В тесной идейной связи с литературными студиями находится деятельность *студий театральных*. Так, театральной студией Тульского Пролеткульта была поставлена инсценировка — „Начало и развитие октябрьской революции“.

Белевский Пролеткульт решил создать лучший передвижной театр для спектаклей по заводам, мастерским и школам на открытом воздухе. При постановке пьес на социальные темы велась, совместно с артистами, беседа, организовывались „суды“ над содержанием пьес и их исполнением.

Студии изобразительных искусств созданы в огромном большинстве Пролеткультов. Многие из них смотрят на себя, как на культурно-творческие производственные организации и пытаются вывить коммунистическую идею в работах студийцев, напр., изобразить идейную сущность разных Советских учреждений и отличие их от аналогичных, ранее существовавших, учреждений.

Большинство Пролеткультов берет содержанием для работ в своих студиях изобразительных искусств вопросы и явления из жизни, главным образом, пролетариата. Студии исполняют плакаты для украшения Советских учреждений, улиц и площадей к торжествам, карикатуры на врагов рабоче-крестьянской республики, декорации, знамена и т. д. Следует притом отметить, что во многих студиях эта работа производится опять-таки коллективно: предварительно студийцы обсуждают совместно идею данного плаката, картины и формы ее художественного выполнения.

Вопросы пролетарской музыки служат предметом усиленного внимания большинства Пролеткультов. В этом направлении некоторые из них развили широкую деятельность. Так, музыкальная студия Петроградского Пролеткульта имеет классы сольного и хорового пения, рояля, скрипки, виолончели, теории и сольфеджио, класс великорусских инструментов, гитары, мандолины и цимбалы.

Музыкальная студия Тульского Пролеткульта ставит своей задачей дать рабочему возможность быть музыкантом, хотя и не специалистом, дать каждому исчерпать себя в той мере, на какую он способен. При студии имеется бюро исканий — новых музыкальных мотивов. Метод работы здесь таков. Композитором прочитывается произведение пролетарского поэта, объясняется его классовые моменты и предлагается передать его содержание на музыкальный язык. Созданная музыкальная вещь критикуется коллективно. При пост новые оперных отрывков студийцы, раньше чем петь, проходят и исполняют вещи, как драму.

В некоторых студиях демонстрируются музыкальные произведения и делаются опыты элементарного анализа образов и переживаний, ими вызванных, с расчленением содержания на части. Производятся опыты самостоятельного сложения напевов, песен и мелодий.

Такова та углубленная работа, которая совершается в студиях всех Пролеткультов. В обстановке типичической борьбы за свое социальное раскрепощение, при невероятных, почти превышающих человеческие силы, трудностях, пролетариат, хотя и медленно, хотя и ощупью, но правильно идет навстречу к великой цели — выковать новый меч в героической борьбе — свою пролетарскую культуру. С. С.

Пролеткульт Красной армии.

Последние события социалистической революции вызвали необходимость временно-

го отклонения Пролеткультов от своих прямых задач, чтобы отдать свои силы на обслуживание Красной армии. Почти все активные и ответственные работники Центрального Комитета, а также Московского, Петроградского и других Пролеткультов или на фронте или непосредственно работают для фронта. Оставшиеся товарищи также напрягали свои силы, чтобы сделать в тылу все возможное для нужд армии. Президиум Центрального Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта разослал циркулярное обращение, горячо призывая пролеткульти дать максимум своих работников и студийцев для работ на Красный фронт, сократив основную свою работу до минимума.

Несмотря на то, что на местах оставалось небольшое количество работников, судя по поступающим с мест сведениям, провинция живо откликнулась на призыв центра. Так, например, Тамбовский Губернский Пролеткульт постановил все свои силы отдать работе на Красную армию, для чего было постановлено войти в контакт с агитпросветом при Губвоенкомое по вопросу об организации агитационно-полезных развлечений для красноармейцев, составить контактную комиссию из представителей Губпролеткульта, Агитпросвета, Народообраза.

Журнал Пролеткульта "Гридушая Культура" развила усиленную агитационную работу, кроме того, сотрудники журнала приняли самое активное участие в журнале Агитпросвета: "Красноармеец и Рабочий", привлекая для работы в нем не только всех своих сотрудников, но также и студийцев литературной студии. Был устроен "День Красной армии" со сбором пожертвований и литературы, проводя большую программу концертов-митингов. Хор из 27 человек и театральная труппа пролеткульта отправлены на фронт. Туда же направлены и авторы, рассказчики, певцы, музыканты, декламаторы. Были предприняты поездки для устройства концертов-митингов по губернии. О такой же дружной работе в большем или меньшем масштабе получены сведения из целого ряда городов.

Из Кирсанова пишут, что в виду пребывания войсковых частей, число которых с каждым днем увеличивается, Пролеткульт всю свою работу направил в сторону Красной армии. О постановке ряда спектаклей сообщает Ново-Галицкий Пролеткульт, Ново-Торжский, Колпинский, Саратовский, — более подробные сведения получены из Шацка, где установлена тесная организационная связь между Шацким Пролеткультом и Политпросветом в деле создания клубов; из Юрьевца сообщают о ряде лекций-спектаклей, о чтении газет красноармейцам с объяснением.

В Ливнах к работе в театрах привлечены ученики драматической студии, при чем работа ведется и среди больных товарищей в виде частых обходов лазаретов.

Привлекает к работе студийцев и Самарский Пролеткульт, готовящая их к митингам, концертам и поездкам на фронт. Широко и многосторонне развила свою работу музыкальный отдел Петроградского Пролет-

культула; с января с. г. работа его тесно связана с фронтом, а именно: труппа из 29-ти человек отправлена на Западный фронт для совместной работы с театральным отделом Пролеткульта. Вторая труппа из 45-ти человек отправлена на Северный фронт. Труппа как первая так и вторая пользуются большим успехом. Первая участвует как вспомогательная сила, во всех театральных постановках, вторая же — исключительно в концертах-митингах в городах, селах, стоянках Красной армии, а больше всего на самых позициях, где приходилось выступать в крайне боевой обстановке и даже под открытым небом при 30° мороза, чуть ли не в трех верстах от позиций. Налаживается работа в Смоленске, Ржеве и многих других местах. На призыв Центрального Комитета Пролеткульта организовали на местах сбор литературы на Красную армию; вся она отправлена на фронт. Все спектакли, концерты-митинги составлены по ярко-революционной программе и имеют громадное организационное значение, являясь ярким показателем организационного значения искусства. Там, где слова не действовали, где казалось безнадежно зелено-гвардейское настроение, там после художественного исполнения революционного репертуара, настроение резко изменялось, и наши товарищи имели возможность выступать с речами, освещающими действительное положение дел. Поездки на фронт оцениваются всеми ответственными работниками Красной армии, настаивающими на необходимости усиления их. Некоторые губвоенкомы постановили предписать Пролеткульту устраивать для артистического не менее 4-х концертов в месяц.

Вся эта работа, вызванная затруднительным положением революции, уклонила Пролеткульт от его прямых задач, но только временно и не принципиально.

Пока все для фронта, а затем, с победой революции, мы развернем свою работу строительства пролетарской культуры с еще большей энергией и энтузиазмом.

Е. О.

О работе Тамбовского Пролеткульта в Красной армии.

* Следуя основному лозунгу наших дней — все для красного фронта — Тамбовский Губернский Пролеткульт повел энергичную работу для обслуживания культурных запросов Красной армии. С этой целью Пролеткульт совместно с Политпросветом Тамбовского Губвоенкома организовал две поездки передвижной труппы в прифронтовую полосу. Обе поездки заняли около 2 месяцев. За это время передвижной труппой Тамбовского Пролеткульта было устроено более 35 концертов-митингов в городах, селах и станциях района Тамбов — Борисоглебск — Пенза.

Вот что рассказывает об этих поездках один из участников труппы: 3 теплушки и платформа служили квартирой участникам труппы, складом литературы и открытой остродой. При остановках на более крупных станциях, дабы не терять времени на оты-

скание помещения, на платформу вытаскивали пианино, имевшееся с собой, и открывали концерт-митинг. После интернационала, исполненного хором Пролеткульта, выступали ораторы — член Коммунистической партии т. Г. и пролетарский поэт — ответственный организатор поездки В. К. Программа, состоящая почти исключительно из произведений пролетарского творчества, проникнутых боевым революционным содержанием всегда восторженно принималась аудиторией из красноармейцев, рабочих и крестьян. Быстро создавалась живая, тесная связь между артистом, оратором и слушателями, и росло крепкое революционное настроение. Случалось, пойдет дождь, надо бы кончать, но толпа и не думает расходиться, приходится продолжать под дождем. Вот уже темно, хор Пролеткульта многогласно поет похоронный марш и под звуки его декламатор Пролеткульта т. С. передает речь т. Л. на смерть К. Либкнехта и Р. Люксембург. Неподвижно, зажав дыхание, с опущенными головами, на дожде стоит многочисленная толпа, жадно проглатывая каждое слово, каждый звук... Затем читаются произведения М. Горького, Гастева и Кириллова. В репертуаре хора много новинок — песен пролетарских поэтов, положенные на музыку дирижером хора, т. В. Особенной любовью аудитории пользуется автор-рассказчик А. П., оригинальные юмористические рассказы которого, высмеивающие религиозные предрассудки и косность обывательских кругов, раждают в слушателях здоровый смех и служат вместе с тем великолепным агитационным материалом. Останавливаясь на огромном воспитательном значении подобных концертов-митингов не приходится, особенно примечая во внимание чрезвычайную политическую отсталость населения Тамбовской губернии, состоящего в большинстве из зажиточного кулацкого элемента при крайне незначительном проценте организованного пролетариата. Политотделы штабов южной армии буквально не хотели отпускать передвижную труппу Пролеткульта для дальнейшего следования, стараясь возможно дольше продлить срок пребывания ее в вверенных им красноармейских частях.

Последняя поездка передвижной труппы была не совсем благополучна. Выехав из Тамбова в конце июля, труппа в числе 40 человек, из которых почти половина женщины, рассчитывала пробыть в дороге не более пятнадцати дней, но из-за Мамонтовских банд помешал труппе своевременно возвратиться в Тамбов и ей пришлось пробыть в пути около 40 дней. Люди, имевшие самое ограниченное количество летней одежды и белья, очутились в очень трудном положении; женщины наполовину оказались босыми. Шли дожди; в селах, где приходилось труппе выступать, образовалась непролазная грязь. Пришлось приобретать лапти и в таком виде труппа выступала и на сцене более крупных городов. Обывательская публика неодобрительно посматривала на пролетарских артистов, разгуливающих по городу в лаптях и ситцевых платочках.

Несмотря на это, труппа продолжала работу в Красной армии, посетив еще целый ряд городов и сел, не намеченных в первоначальном маршруте. До крайности изнуренные, имея несколько больных, простудившихся в дороге, пролеткультцы возвратились в Тамбов в начале сентября, пройдя пешком около 90 верст по тракту Моршанск—Тамбов.

В. Н.

В провинции.

(По газетам за июнь месяц).

Пролеткульты.

Тула. Пролеткультом организованы студии: музыкально-вокальная, литературная, изобразительных искусств, циркового искусства и обще-теоретический отдел, устанавливающий, поскольку работы Пролеткульты отвечают задачам строительства пролетарской культуры. Число работников Тульского Пролеткульты достигает 2500 человек. В студиях ведутся работы по постановке пьес, инсценировок, импровизации, содержащих в себе элементы пролетарской идеологии.

Жизнь местных театров направляется и контролируется Пролеткультом; город разбит на четыре театральных района, возглавляемых центральным театром Пролеткульты. Постановка спектаклей сопровождается рефератами. Четыре месяца тому назад Губпролеткультом организован детский Пролеткульт. При нем имеются театральная и литературная студии. 40 человек детей было отправлено на детский съезд партии в Богородицке. По дороге дети останавливались на станциях и устраивали концерты-митинги, которые вызвали восторг и слезы у присутствующей публики. Дети провожали местных коммунистов на фронт, были на митинге у шахтеров и везде своим появлением вызвали внимание и воодушевление. В Богородицке также организован детский Пролеткульт.

Видимо, при содействии Пролеткульты организован коммунистический союз работников пролетарской культуры. Цели его — «сбросить с искусства грязный налет буржуазности, возродить его душу, выковать новых художников». Членами союза являются, главным образом, работники Губпролеткульты.

Готовится к печати журнал „Детский Пролеткульт“.

Орша. Пролеткультом сделана громадная работа. В стенах рабочего дома, где помещается Пролеткульт, собраны художественные ценности, открыты студии музыки, пения, драмы и др. Открыта библиотека. Распространяется изданный Пролеткультом сборник стихотворений поэтов рабочих. Концерты Пролеткульты после неудачных спектаклей и танцулек были настоящим наслаждением. Одна беда — рабочих и красноармейцев, которыми и для которых создался Пролеткульт, мало в самом Пролеткульте.

Работа в пролетарском университете переносится за стены аудитории в красноармейские части, на вокзал и другие места. Университет вызывает симпатии и надежды у

местного населения. На днях он пополнился крупной библиотекой.

Кременчуг. После очищения города от григорьевцев опять закипела энергичная работа Пролеткульты.

Кривцов (вблизи Кременчуга). Организован Пролеткульт. Резолюция, принятая на конференции, призывает помочь делу планомерной мобилизации и содействовать через культурно-просветительные организации проводить в деревне идеи советской власти.

Иваново-Вознесенский. Пролеткульт, благодаря мобилизации сотрудников, работает слабо.

То же замечается в **Кирсанове**.

Кирсаново. Рабочими организациями, Агитпросветом и Отделом Социального Обеспечения пожертвовано в фонд Пролеткульты 22.000 р.

Кашин (Тверской губ.) Местный Пролеткульт организован при Профессиональных Союзах. В настоящее время он работает по объединению всех существующих в уезде культурно-просветительных организаций.

Царицын. Налаживается дружная работа Пролеткульты с Отделом Народного Образования. Инициатива и идейное руководство в работе, повидимому, принадлежит Пролеткульту.

Симбирск. Петроградским Пролеткультом были устроены 2 концерта, имевшие крупный успех.

По призыву Петроградского Пролеткульты, 200 коммунистов отправились на Восточный фронт.

Самара. Приступили к работе представители Петроградского Пролеткульты, командированные для обслуживания фронта.

Село Брасово (Орловской губ.). Пролеткульт организован в конце 1918 года, но работы настоящей нет. Неудача, повидимому, объясняется присутствием в Пролеткульте местной интеллигенции, которая требует к себе особого внимания и почета. Поднят вопрос об исключении ее из числа членов Пролеткульты.

Рабочие клубы.

Витебск. Пролетарский клуб «1 мая» обслуживает ежедневно до 2.000 человек. Главная работа — студийная. Имеются студии: драматическая в 100 человек, литературная — 320 человек и хоровая. При клубе имеются театр, кинематограф, библиотека. По субботам идет обзор текущих политических событий и осмотр студийных работ.

Открыт клуб при Пролетарском университете.

Москва. В семи клубах рабочих-подростков Сушевско-Марининского района летняя жизнь проходит оживленно. Идут огородные работы, занятия по скаутизму и естествоведению. Совершаются экскурсии в окрестности Москвы. Скоро часть рабочих-подростков отправится на отдых в летние колонии, под которые отведено несколько подмосковных имений.

При коммунистическом клубе Рогожско-Симоновского района открыта хоровая студия.

При клубе Союза Работников Народного Питания открыты драматические курсы и курсы хорового пения.

В Доме Народа имени Алексеева открыт клуб с обширной библиотекой.

На Малой Дмитровке открыт клуб Юный Химик при Профессиональном Союзе рабочих и служащих химической промышленности.

Клуб «Отдых Труда» в Васманном районе организует каждую субботу концерты-лекции.

Хамовнический район. Клубы растут в районе в огромном количестве, но в значительной мере жалкое существование. В большинстве из них не найдешь ни одного номера газеты.

В клубе железнодорожников при Брянском вокзале полнейшее запустение. Нет ни одного клочка издательной газеты. Заведует клубом толстое брюхо в форменной фуражке.

Ст. Вязьма. Открыт клуб. При клубе секции: театральная, музыкальная, художественная, хоровая и др.

Орехово-Зуево. Открыт клуб имени Либкнехта на Зуевской фабрике Зимина.

Петроград. В Союзе Деревообделочников намечено и проводится в жизнь организация клубов при предприятиях. В клубах будут устраиваться лекции, собеседования, спектакли и т. д.

Казань. Вновь начал функционировать клуб при Алафузовском заводе. В саду при клубе строится площадка для чтения лекций на открытом воздухе, а также предполагается устроить открытую эстраду—сцену для концертов и спектаклей. Работают секции: лекционная, культурно-просветительная, драматический и музыкальный кружки.

Предполагается организовать кружки шахматные и спортивные. При клубе имеются столовая, книжный магазин, библиотека и читальня, которая охотно посещается. В театре работают две группы: профессиональная и любительская.

В целом ряде рабочих клубов функционируют музыкальные школы, которые пользуются большим успехом среди подростков и взрослых рабочих. Выделяются люди с большими музыкальными способностями.

Замёрзшая, вследствие наступления Колчака, жизнь в рабочих клубах теперь вновь начинает оживать. Энергично развивается деятельность в клубе рабочих порохового завода. Помещение клуба состоит из 15-ти комнат. Имеется прекрасный лекционный зал. Библиотека при клубе насчитывает до 700 подписчиков.

В Космодемьянском уезде (Казанской губ.) имеется четыре пролетарских клуба.

Ядринск. (Казанской г.). «В пролетарском клубе стоит запыленное пианино, валяются растрепанные книжонки и больше ничего».

Липецк. Состоялось торжественное открытие пролетарского клуба при фабрике бывш. Коновалова. Помещение клуба производит приятное впечатление, вполне гармонирующее с названием пролетарского. В читальном зале много журналов и газет. Имеется граммофон и пластинки с речами вождей революции. Верхний этаж занят театром, внизу столовая, читальный зал. При клубе намечаются к открытию студии: драматическая, художественно-декоративная, музыкальная, хорового пения, спортивная и социальный наук.

Шуя. При пролетарском центральном клубе открыта библиотека-читальня и организована музыкальная секция.

Вятка. На нескольких заводах организованы школы-клубы для взрослых и подростков.

Валашов. Хорошо идет работа в студии живописи при рабочем клубе. Открывается скульптурное отделение и музей.

Премесль. В народном доме открывается образцовый рабочий клуб.

Киев. Имеется известие о датишском рабочем клубе «Лесна».

Советск. (Вятской г.). Жизнь местных рабочих клубов выражается в танцах, досужей беседе и чаепитии.

Брянск. Работа в центральном клубе идет хорошо. Был устроен вечер, посвященный пролетарскому поэту Самобытнику.

Воронеж. Рабочий клуб переименованный в ведение Уездного Совнархоза, сделался недоступным рабочим, вследствие высоких цен. Постановлено передать его в ведение рабочих.

Лиски. За последний месяц жизнь в рабочем клубе заметно окрепла. Говорили о нем, как об одном из самых захудалых; сейчас он «переполнен сверх меры». Идет оживленная и деятельная работа. Часто устраиваются лекции и концерты, которые пользуются большим успехом. При клубе открыта читальня.

Липецк. В рабочем клубе Совета Профессиональных Союзов идут танцы и ничего больше.

Порциски. Клубная секция Пролеткульта открывает центральный образцовый клуб во второй рабочей столовой.

Клуб красноармейцев слился с клубами Пролеткульта.

Тверь. В рабочих клубах жизнь течет вяло. Им грозит опасность превратиться в чайные. Местным Пролеткультом поднят вопрос об их реорганизации. Состоится открытие клуба «Юный Пролетарий».

Курск. Предполагается открыть рабочий клуб.

Самара. Открыт клуб Печатников имени Горького.

Съезды и конференции.

Алексеевка, Воронежской г. Первого июля состоялась Городская Конференция Пролеткульта.

С. Двинск. Резолюция на съезде Профессиональных Союзов признает необходимым создать Пролеткульт, объединяющий культурно-просветительную деятельность всех Профессиональных Союзов.

Киев. 29-го июня состоялась Общегородская Рабочая Конференция по вопросам культурно-просветительной деятельности среди рабочих.

Состоялись Губернские Съезды Союзов Молодежи в Туле, Воронеже, Иваново-Вознесенске, Гомеле и Смоленске.

Тула. На съезде Коммунистической Молодежи выяснилось, что работа на местах идет плохо, мало активных работников, нет централизованности, нет средств.

Иваново-Вознесенск. На Съезде Молодежи доклад с мест говорит об отсутствии актив-

ных работников, средств, помещений, литературы.

Театры пролетарские и народные.

Карсанов. Согласно постановлению объединенного заседания культурно-просветительных организаций театр „Карл Маркс“ перешел в ведение Пролеткульта. Пролеткульт, работая совместно с Агитпросветом и Отделом Наробраз, будет бесплатно ставить спектакли для красноармейцев не менее двух раз в неделю. Независимо от этого Пролеткульт откроет студии драматическую, музыкальную и другие, в которых будут обучаться красноармейцы.

Тула. Постановка спектаклей и игр в летних театрах Пролеткульта оставляет хорошее впечатление.

Село Старые Лески (Тульской г.). Была поставлена драма „Безработные“, соединенная с небольшой лекцией. Театр был переполнен. Зрители были очень огорчены, узнав, что кружок не имеет ни пьес, ни грима, ни декораций, почему затрудняется повторить спектакль. Желательно было бы скорее создать организацию снабжения, хотя бы через Пролеткульт, так как такие кружки являются проводниками света в темные уголки русской деревни.

Шя. Артистам Рабочего Клуба „Пролетарий“ была поставлена пьеса „Касатка“ А. Толстого. Играли удивительно художественно.

Приступлено к организации труппы любителей драматического искусства из пролетариата.

Балашиха. Хорошо и бодро идет жизнь в Рабочем Парке. Видно много любви и забот посвящено ему со стороны рабочих. Среди масс, он пользуется большим успехом.

Воронеж. Открылся сад со сценой „Рабочий Химик“. Союз рабочих Химической Промышленности затратил почти все свои средства, чтоб привести сад в порядок, устроить хорошую сцену; словом, поставить дело так, чтобы рабочие могли в своем саду отдохнуть и поучиться.

Казань. Рабочие Государственного Старино-мыловаренного завода № 1 пишут артистам Водного Транспорта: „Вы своей прочувствованной игрой и удачной постановкой пьесы в сценическом и нравственно-воспитательном значении не только доставили нам эстетическое наслаждение, но и зажегли во многих искреннее желание также безвозмездно послужить как сценическому, так и всякому другому пролетарскому искусству. Вы показали результат, как трудящиеся могут использовать свой короткий ежедневный отдых на служение искусству и обществу“.

В театре после спектакля была поставлена живая картина: „Пролетарии всех стран, соединитесь“. Она вызвала бурные овации и революционный подъем у зрителей. Многие обнажили головы.

Киев. Отдел Сценического Образования разработал проект передвижных рабочих и детских театров.

Харьков. Начались бесплатные симфонические концерты для рабочих и красноармейцев 1 Советского оркестра на Украине.

Самара. В клубе военнопленных была поставлена трагедия Поливанова „Пролетарий“. Рабочим артистам роли героев пролетарского мира были как раз по плечу. Исполнение пьесы было блестяще. Приходится только поздравить успехов и дальнейшего процветания Рабочему Театру и Рабочему Искусству.

Орша. „После длинного периода танцулек и породил на искусство и талантливой постановке пьесы „Превосходный тесть“ были ясно уловимы ростки истинного искусства. Была соблюдена известная стилистость, чувствовалась проникновенность артистов и самая активная связь между исполнителями и зрителями“.

Весьегонск. (Тверской г.). „В Доме Народа железнодорожными рабочими была поставлена пьеса „Великий Вечер“. Исполнение артистов безукоризненно. Они постарались и провели пьесу с душой. Убранство и порядок образцовый как всегда, ставят спектакль рабочие“.

„В деревне Верхнее несколько человек молодежи без предварительной подготовки устроили из половиков в сарае декорацию и сыграли комедию, сами составив ее из виденных когда-то и где-то в городе. Озаглавили ее „Федя Бедный“. Эффект был полный. На второй спектакль собрались уже из нескольких деревень“.

Село Поречье. (Ростовского уезда). Группа крестьянских детишек от 9-ти до 12-ти лет заявила о своем желании сыграть пьеску. Ныне происходит репетиции.

Боровичи. Спектакль, сыгранный группой актеров Пролеткульта, прошел хорошо.

Пролетарские студии.

Тверь. Музыкальный Отдел Пролеткульта хорошо развит свои работы. Имеются 2 хороших студии, две студии фортепианной игры, открывается студия сольного пения.

Шацк. Пролеткульт открыл студии: литературную, музыкально-хоровую с несколькими отделениями, драматическую, изобразительных искусств. Предполагается открыть хореографическую студию.

Балашиха. Работа в драматической студии при Рабочем Клубе развивается успешно. Студия изобразительных искусств на днях открывает декоративную мастерскую, имеющую целью снабжать уездные позитивские кружки декорациями. Открывается музей.

Организованная при Рабочем Клубе студия живописи работает очень успешно. Многие, желающим работать в студии приходится отказываться вследствие тесного помещения.

Москва. Рабочие хлебопекарии № 1 организовали драматический кружок, который очень хорошо работает. Спектакли проходят с успехом.

Орел. Городским Отделом Народного Образования открыты при Пролеткульте в здании Пролетарского Дворца студии: музыкальная, театральная и хоровая.

Воронеж. Правление Клуба Коммунистов открывает театр-студию. В число студийцев принимаются члены Р. К. П. и рабочие фабрик и заводов. Цель студийцев — способ-

етствовать выявлению пролетарского искусства путем создания кадра новых театральных мастеров из рабочих масс, не отрывая их от привычной работы.

Вятка. При железнодорожной станции открывается Пролетарская Музыкальная школа и курсы систематических лекций о музыке для народа.

Киев. В начале июня на окраинах города открываются рабочие студии для подготовки сцены деятелей из рабочей среды.

Рыбинск. При Клубе Пролетарского университета открывается драматическая студия.

То же при **Витебском** Пролетарском университете.

Пролетарские университеты и курсы.

Витебск. Пролетарский университет открыт 15 ноября 1918 г. в составе 2-х факультетов: физико-математического и гуманитарных наук. В виду неспособности слушателей самоопределиваться, функционировал в составе одного—общеобразовательного. Число слушателей—512, из них 194—члены профессиональных союзов (гл. об. торгово-промышлен. союз и союз служащих). За истекший учебный год больше всего лекций прочитано по истории литературы, истории социализма и рабочему вопросу, меньше по политической экономии. При университете имеется физический кабинет, химическая лаборатория и библиотека. Число слушателей к концу учебного года не только не упало, но возросло. Метод работ по семинариям дал хорошие результаты. В будущем году предполагается открыть общеобразовательное отделение и факультеты: политико-экономический, общественно-исторический, физико-математический и факультет искусств. Предполагено организовать лекции вне стен университета на фабриках и заводах, в казармах и т. д. Решено занятий в университете летом не прекращать, но вести их в иных формах: экскурсии, эпизодические лекции, курсы, концерты, студийные и семинарские работы. При университете открывается клуб.

Калуга. Пролетарский университет состоит из семи отделений: школы грамоты, обще-образовательного и 5 специальных: общественных наук, естественно-исторических, техническое отделение, отделение изобразительных искусств и драматического искусства. Состав слушателей 548 человек, преимущественно рабочие. На естественном отделении практические работы не велись за отсутствием лабораторий и соответствующих кабинетов. Занятия, посылку хватало сил, были поставлены серьезно. Недостаток лекторов особенно ощущается на 2-х последних отделениях. Недостаток средств, помещения и других обстоятельств тормозили деятельность университета. Несмотря на это, первое полугодие дало хорошие результаты. Университет вызывает живой интерес среди трудящихся. 500 человек слушателей настоятельно требуют продолжения занятий в летнем семестре.

Тавер. Агитпросветом организованы красноремейские курсы. При открытии курсов ставили себе целью создание классового

революционера-бойца. Но состав слушателей оказался выше предполагаемого в смысле политического развития и общей подготовки. Поэтому решено подготовить из них политических работников для Красной армии. Работа на курсах протекает с большим подъемом. Занятия ведутся в виде бесед-лекций. Программа и вся постановка работы стремится: 1) направить мысль учащегося по определенному руслу; 2) дать ему методы и способы к познанию явлений жизни; 3) не заваливая ворохом знаний и не навязывая их. Продолжительность курсов—месяц. От них предполагают перейти к курсам долгосрочным, из которых затем создается высшая Пролетарская школа.

Безежик. Советом был открыт Народный университет. Неподготовленность слушателей и другие причины затормозили развитие университета, и он был закрыт. Вместо него Отдел Народного Образования приступил к открытию Пролетарского университета.

Харьков. В доме пролетарской культуры открыты курсы с отделениями: естественных наук, профессионального образования, драматическая студия, музыкальная студия, класс народных инструментов. Намечены к открытию курсы государственно-юридический и литературно-исторический. Причисляются члены профессиональных союзов.

Алексеевка (Воронежской г.). При Народном университете открыта вечерняя школа для взрослых, содержится она на добровольные пожертвования профессиональных союзов. Наплыв учащихся огромный. Большинство—рабочие и советские служащие.

Щигры. (Курской г.). Недавно открытый университет представляет из себя школу повышенного типа. Преобладает главным образом пролетарская молодежь. Отмечается удачный состав лекторов.

Минск. В Народном университете около 500 слушателей; цикл лекций на еврейском языке.

Нижний-Новгород. 30 июня открывается Рабочий Политехникум. Записано 40 человек.

Самара. Поднят вопрос о Рабочем Политехникуме.

Ст. Кряж. (Самарской губ.). Состоялось торжественное открытие пролетарского университета.

Кинешма. При фабрике на Томпе организовал ряд технических популярных лекций.

Кирсанов. В Пролетарском университете слушателей числится 514. Посещаемость гораздо ниже. В настоящее время занятия прекращены.

Орша. В Пролетарском университете темы лекций за неделю: 1) Всеволод Гаршин, 2) Астрономические наблюдения, 3) Эгоизм, альтруизм и научно-психологическая теория мотивов поведения живых существ, 4) Туберкулез—народная болезнь, 5) Новое направление в истории литературы, 6) История техники, 7) Творчество Баха и 8) История земл.

Лиски. Университет открыт, но слушателей нет. Работы почти никакой не ведется.

Культурно-просветительная деятельность фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и рабочих кооперативов.

Москва. Красно-Пресненский сахарно-рафинадный завод. Работа культурно-просветительной комиссии до сих пор была плохо налажена. Рабочие проводили время праздно, в картежной игре и пьянстве. Была выдвинута новая комиссия, которая в течение весьма короткого времени открыла библиотеку и принялась за устройство концертов и спектаклей своими рабочими силами. В пользование завода передана дача Студенец, где открыта школа грамотности для взрослых. За короткий срок жизнь резко изменилась. «Неграмотные целыми потоками потекли в школу грамотности». Молодежь создает свои кружки, записывается в разные студии. Библиотека охотно посещается.

Налаживается жизнь в первой Железнодорожной Коммуне. Открыта школа грамоты, музыкальная студия, библиотека-клуб.

Фабрика Прехоровской мануфактуры. Культурно-просветительную работу на фабрике ведут: фабрично-заводский комитет, районный Совдеп, Ячейка Коммунистов. Годичная работа не дала никаких результатов. О клубе не слышно, читальни не имеется, лекций, беседований не ведется, газеты не выписываются, борьбы с безграмотностью нет, библиотека есть, но лучше было бы такую сжечь. Культурно-просветительный отдел занимается всем, чем угодно, только не тем, чем он должен заниматься.

Фабрика Знаменской мануфактуры (300 человек). Порядки на фабрике безобразны. Малограмотные массы эксплуатируются самым возмутительным образом. Школа для подростков захирела, театр пустует.

Государственный сахарный завод (1.000 рабочих). Культурно-просветительная работа почти заглохла. Имеется маленькая библиотека, но ей никто не интересуется.

Орск. На заседании Совета Профессиональных Союзов указывают на полную отрывистость работы внешкольного отдела от профессиональных союзов и пролетарских масс. Пролетарский университет и профессиональные школы созданы без малейшего участия профессиональных союзов. Работа культурно-просветительных комиссий при профессиональных союзах никаких результатов не дает. При Пролетарском университете созданы профессиональные мастерские тоже без участия профессиональных союзов. Предложено при Совете Профессиональных Союзов организовать совет по внешкольному образованию из представителей Пролетарского университета, Правления Пролеткульта, Агитпросвета, культурно-просветительных комиссий при профессиональных союзах и проч. учреждений и организаций, ведающих делом просвещения.

Гомель. На фабрике союза рабочих металлистов докладчик заявил: «Необходимо на ряду с общегосударственным образованием создавать и поддерживать уже существующие центры пролетарской культуры,

как пролеткульта и рабочие университеты, подлежащие пересмотру и палочкой с пролетарской точки зрения всю прошлую культуру, чтоб приспособить ее к классовым интересам рабочих и превратить в могучее орудие его организаций».

В культурно-просветительной работе союза шпичников царит хаос. Культурно-просветительный отдел ничем себя не проявляет.

Брянск. На заседании Совета Профессиональных Союзов выяснилось, что раздробленная культурно-просветительная работа отдельных союзов сводилась к нулю, даже в крупнейших из них, напр., у металлистов. Отдел Народного Образования также ничего не сделал, вследствие отсутствия связей с пролетарскими массами. Резолюция находит, что единственное средство для поднятия культурно-просветительной работы среди пролетариата является объединенная работа. Постановлено создать общегородскую конференцию.

В последнее время налаживается культурно-просветительная работа профессиональных союзов Риги-Орловской слободы. Поднят вопрос об объединении культурно-просветительной работы 6-ти союзов поселка.

Курск. Ведется самая живая и плодотворная работа в деле просвещения и воспитания железнодорожного пролетариата. Имеется духовой оркестр, обширная библиотека, свой театр.

Корова. (Курской г.). Сочетом Профессиональных Союзов организованы общеобразовательные вечерние курсы для рабочих, где читаются лекции по политической экономии, литературе, истории, агрономии и естествознанию.

Курск. Открыты курсы для подготовки квалифицированных рабочих при фабриках и заводах.

Культурно-просветительная работа отдела при Губпрофсовете идет слабо. Сильно влияет инертность членов отдела, которые не являлись даже на заседания.

Самара. Профессиональным союзом железнодорожников открыты театры и клубы на некоторых станциях. В музыкальной школе насчитывается 250 человек.

Сформированы оркестры: струнный, духовой и великорусский. Передвижной театр-вагон на днях отправляется по линии и на фронт. В библиотеке клуба имеется 7.000 томов книг. Открыты ремесленные железнодорожные курсы.

При союзе рабочих водного транспорта возник кружок любителей живописи и рисования.

Елец. 3-го июня состоялось открытие сада и театра профессионального союза табачников. Собралось очень много публики.

Фабрика Заувайлова. Приступлено к организации читальни, которая будет открываться на 2—3 часа во время обеденного перерыва.

Воронеж. В ведение союза печатников переходит сад при гостинице „Франция“. В саду будет функционировать клуб, дра-

матическая студия, своими силами будут устраиваться спектакли, гулянья.

Вятка. Работа культурно-просветительных комиссий при союзе водного транспорта развивается. Устраиваются лекции-концерты на берегу и пароходах.

Казань. Культурно-просветительный отдел Совета Профессиональных Союзов открыл сад "Рабочий Отдых".

Решено объединять все лекторские силы и поставить их под контроль профессиональных союзов.

Нижегород. На заседании культурно-просветительных комиссий, заводских комитетов и представителей Союзов Молодежи решено объединить культурно-просветительную работу завода Этна и Арсенал, создать общий театр, библиотеку, технические курсы, детский сад и площадку, курсы для безграмотных. Ассигновано 107.000 р.

При Совете Профессиональных Союзов открыта читальня.

Астрахань. Имеются сведения о работе учеников Художественной студии при Совете Профессиональных Союзов.

Красный Яр. (Астраханской г.). В городе имеются 10 профессиональных организаций. Ни в одной из них культурно-просветительная работа не ведется.

Иваново-Вознесенск. Фабрика Грязнова. Культурно-просветительная работа начинает налаживаться. Открыты школы. Читаются лекции, имеются секция: хоровая, драматическая и художественная.

Витебск. Работа в союзе металлистов течет вяло. Открыта читальня, курсы грамоты, но они слабо посещаются.

Тверь. Культурно-просветительная работа в Верхневолжском районе ведется весьма слабо из-за отсутствия сил и средств.

Русско-Валтийский завод (1800 рабочих). Ощущается крайняя нужда в культурно-просветительной работе среди малосознательных и темных рабочих-крестьян.

Вознесенский посад (Владимирской губ.) Фабрика Зюдина. Со стороны правления замечается гонение на Союз молодежи. Организаторы Союза уволены.

Харьков. На всех заводах никакой культурно-просветительной работы не ведется. Коммунистические ячейки выбиваются из сил в своих стремлениях добыть немного литературы.

В Профессиональном Союзе Печатики. О культурно-просветительной работе говорить не приходится. Недавно открытый клуб чахнет и хиреет.

Союз Коммунистической молодежи.

Пенза. Образована кружок молодежи "Труд". В него вошли исключительно представители рабочего класса. Молодая организация испытывает много затруднений из-за отсутствия средств и помещений, но все же она растет хотя и медленно. Недавно кружок ставил спектакли на фабрике Сергеева. "Общее впечатление превосходное. После спектакля выступал недавно организованный струнный оркестр балалаечников".

Паровик (Пензенской г.). Союз организован в апреле. Молодежь принялась энергично за работу.

Лукно (Тверской г.). Инициатором организации Союза молодежи был председатель местного пролеткульта. В начале в Союзе было только 2 человека. Благодаря их энергичной и бодрой работе число членов стало расти. Был избран комитет, сейчас там идет оживленная работа молодых членов, они встречают много препятствий. Совершенно нет денег, нет литературы, нет сил. Организация обратилась в Весегонск с просьбой прислать 2.000 р. для дальнейшей работы. Но им пришлось отказать за неимением средств.

Весегонск (Тверской г.). В жизни коммунистического Союза молодежи отмечается большое оживление. Организуются кружки: политический, литературный, естественных наук, музыкально-вокальный, газетного чтения и спорта.

Салыико (Тверской г.). Молодежь от 14 до 25 лет целиком вступила в Р. К. С. М. Заметно тяготение молодежи к серьезной самообразовательной работе и стремление поднять смысл происходящих событий и воспитать себя как борцов и творцов новой жизни. Организуются кружки: общественно-политический, естественных наук, литературный, музыкально-вокальный. Приводится в порядок богатая библиотека. Много спобуждают привлечение членов в Союз разумные развлечения: клубные игры, развлечения на открытом воздухе: футбол, рюхи, мяч, спортивная площадка.

Коммуна молодежи, организованная рабочей молодежью в Твери, начинает играть связывающую роль деревни с городом.

Логоцк (Витебской г.). В Союзе Коммунистической молодежи работа идет усиленным темпом. Успешно ведет свою работу литературно-драматический кружок, поставивший себе целью ознакомление с новейшей литературой. Устраиваются диспуты на темы о политическом моменте. Союзом ведется культурно-просветительная работа. Организация пользуется популярностью и население города и деревни относится к ней сочувственно.

Смоленск. Союз распространил свою деятельность на всю губернию. Каждый день приносят известия о новых клубах, кружках и союзах рабочей молодежи. Отмечается слабое участие женщин во всех этих организациях.

В Покровской волости население относится с огромным интересом ко всем начинаниям союза. Избы-читальни обыкновенно переполнены слушателями самых разнообразных возрастов от детей до стариков. Собрано около 6.000 рублей на устройство библиотеки.

Богучар (Воронежской г.). Союз молодежи организовался месяц назад и насчитывает до 110 членов. Он ведет энергичную культурно-просветительную работу и пользуется симпатиями широких общественных кругов. Устраиваются митинги, которые проходят с большим успехом. Драматической секцией организована для поездок группа

в деревне. При союзе имеется хор человек 50. Музыкальная секция приступила к составлению оркестра. Началась работа в секции изобразительных искусств.

Алексеевка (Воронежской г.). Организован коммунистический Союз молодежи. Воронежская губерния готовится к съезду Коммунистической молодежи. Работа в деревне мало успешна. Молодежь недоверчиво относится к Союзу.

Ровно (Виленской г.). Союз состоит главным образом из коммунистов немецкого пролетариата, носит ярко революционный характер и, несмотря на свое короткое существование, сумел хорошо поставить работу.

Серган. (Нижегородской г.). Союз организован в декабре 1918 года. Работа тормозится из-за отсутствия средств и помещения.

Состоялся Губернский Съезд Коммунистической молодежи в Нижнем Новгороде. Выяснилась слабая постановка работы на местах. Клуба нет, агитация не ведется, митинги не устраиваются.

Канаино (Нижегородской г.). Местная организация Р. К. С. М. считалась недавно сильнейшей в губернии. Сейчас в ней работа заглохла. Подрайоны ведут свою работу

беспорядочно и не согласно. В фабрично-заводских ячейках работа совсем не налажена. Объясняется это отчасти отъездом активных работников на фронт и главным образом отсутствием клуба, который бы объединил и укрепил работу Союза.

Курск. Губпросветом признано необходимым приступить к организации рабочей молодежи в Профессиональных Союзах.

Тамароска (Курской г.). Организовался кружок Коммунистической молодежи, работа его идет хорошо.

Тула. Союзом Коммунистической молодежи открыта читальня.

Состоялся Губернский Съезд Р. К. М.

Саратов. Созывается Губернский Съезд Союзов молодежи.

Киев. В июне созывается Всеукраинский Съезд Союзов молодежи.

Буй (Костромской г.). Организовался Союз Р. К. С. М.

Идет Съезд Коммунистической молодежи в Орле.

Созывается Губернский Съезд Коммунистической молодежи в Калуге.

Кремленг. В Полтавщине отмечается слабая организованность среди рабочей молодежи.

Библиография.

Самобытник. „Под Красным Знаменем“. Стихотворения. Издание Петербургское. Пролеткульт. 1919 г. 64 стр. Цема 3 р. 75 к.

Сборник стихотворений начинается признанием, что современные поэты пролетариата только еще предтечи тех пролетарских поэтов, которые сумеют сказать новое слово и стать народными вождями.

„Не говори в живом признании
Мне слага гордого „поэт“!
Мы первой радости дыханье,
Мы первой веселости расцвет,
Разрушив черные окопца,
Мы жаждем миром опьянеть.
Еще не нам, не знавшим солнца,
Вершиной гордою шуметь“.

Так пишет Самобытник.

Пусть это предтеча, пусть это „первой зелени расцвет“, но этот расцвет говорит о глубоком поэтическом даровании автора, — даровании, выделяющемся среди других своим лиризмом, задушевностью, простотой и глубокой искренностью. Автор не годится за красными, шумными словами, которые часто превращаются в пустые бессодержательные выкрики; он не выступает в исключительной роли певца или страданий рабочего класса или победоносного, торжественно-радостного шествия великой революции. Самобытник стоит перед нами со всеми своими переживаниями: радостями и горестями, сомнениями, усталостью и надеждами на будущее, со своими порывами вперед за социалистический идеал.

Стихотворения разбиты на два периода: 1910—1914 и 1914—1916 годы.

Выступая на борьбу со своим врагом, капиталом, и чувствуя еще недостаточно крепкую идейную солидарность и организационную связь пролетариата, поэт сравнивает передовые авангарды его с ручьями, но ручьями, которые смело несутся вперед.

„Нас не кормили, нас согрели
В мягкой снежной колыбели
Солнца первые лучи.
Нам нахмуренные ели
Много в детстве дум пронесли.
Мы тревожными спи ручьи“.

Самобытник чувствует свою кровную связь с революцией 1905 года, с первыми лучами солнца, с тревожными силами. И эта сила растет в его груди. Поэт отчетливо сознает, что борьба трудна и потребует много жертв. У него, быть может, не раз:

„В руках усталых дрогнули странницы
и не раз был“.

„Печальный лист слезами окрайился“, но он упорен и не сдаётся, не отступает в трудные минуты незадачи и поражения.

Революция 1905 г. не удалась.

„В первом радостном обмале
Цель казалась нам близка...
Но кругом и седом тумане
Потонули берега“.

Ужасы каторги, заключения, пытки, расстрелы, виселицы, карательные отряды, однако, не смущают юное сердце поэта. „Не страшась борьбы упорной“, он просто, без всякой напыщенности, но с сознанием ответственности заявляет:

„Мы гребцов усталых сменим,
И бесстрашно, в свой черед,
Роковые волны вспеним,
Смело двинемся вперед“.

Жизнь поэта и его класса была переломна. „Взяв от зелени пахучей“, она с какой-то злобой заперла его в душной фабрике и заковала в окопы подневольного труда. Простор полей и запах цветов сменились „алобным грохотом машин“ и „огнем дымящих горен“.

Но юноша не растерялся. Он подслушал „смущенные грозно-дышащих машин, в сводах сумрачных рожденья многогосударственных дружин“.

„Я подслушал клич призывный
Новой жизни кузнецов,
Вместо песни заунывной
Песню смелую борцов“.

рассказывает Самобытник. И в его каморке тесной

„Каждый день, по вечерам,
Расцветает мир чудесный,
Вольной жизни светлый храм“.

В своей бедной каморке поэт находит утешенье и радость в пленительных книгах. Но он читает их не для пустого времяпровождения, чтобы скуку разогнать, а чтобы постигнуть пути пролетарской борьбы и рассказать об этом на утро своим друзьям.

„И склонясь в томительной тревоге,
Полный дум и грез, он тихо ляжет“.

„Остров чудный-светлых грез“ давно уже зарипцей манит к себе поэта, и он, обращаясь к своим товарищам, полный воодушевления и порыва, зовет их „смело в путь“.

„Надоев нам берег дикий,
Берег долгих горьких дум;
Чаек жалобные крики,
Камышей печальный шум...
Смерти вечные покосы,
Жертвы моря каждый час
И гранитные утесы,
Что кольцом сдавили нас“.

А „остров чудный“ все манит и манит...

„Он стоит в лазурных водах,
В блеске солнечном всегда,
О туманах и невзгодах
Не слышал он никогда.
Вкруг него цветным покровом
Тесно дали сплелись,
По краям венком пунцовым
Розы вечные зажглись...
И под лаской солнца знойной
Там, среди зелени, цветов,
Поднялся громадой стройной
Чудный храм до облаков.
Весь сверкающий, как пней,
Светлый жизни вольный храм,
И пред ним дымитесь синий,
Заповедный фимам...
И у мраморного входа
Блещут золотом слова:
„Всем трудящимся—свобода,
Всем униженным—права“.

В борьбе за этот „чудный остров“ поэт намеряет силы „ловцов“, которым придется преодолеть много препятствий, прежде чем они достигнут заветного берега.

Полный увлечения, поэт, однако, не рисует, как это часто бывает, пролетария богатырем-гигантом, не знающим препятствий, сомнений и неудач.

„Крепкие руки, хлеб да вода,
С скарбом убогим мешок неизменный...
С пламенем в сердце могучем...
К грозным лишениям готовый всегда,
С силой в могучих руках неизменной“.

Таков будущий „гражданин всей вселенной“. Самобытника нет пафосности наделить его неземными силами, потому что он сознает, что вся суть творчества новой жизни таится в свободном труде. И если теперь, в подневольном труде, „грубый кусок некоего металла искусством венчается мощной рукой“, хотя в блеске его и

„... туманятся взоры,
И слышатся вздохи, немые укоры,
И пот раскаленным дождем упадет“ —

то в будущем, на „острове чудном“, пролетарии „дружным громом покоренных машин“ создадут нам „цветы новой жизни“ и счастье разметут „заветным зерном“.

Время „Зарниц“ с 1910 по 1914 год кануло в вечность. Поваяло „Весной“. „Весенние песни“ тревожат и волнуют грудь поэта. Попрямеему

„Кипит работа трудная,
Сгибается спина,
А в сердце песни чудная
Звучит: весна... весна...
И сталь под властью молота
На весь завод поет:
Проснись кругом, что молодо,
Весна, весна идет“.

И поэт, полный буйной весенней силы, дерзко вслух мечтает:

„Эх, сорву я ветхие затворы
И окно широко распахну!
Полюблю безбрежные просторы,
Встречу сердцем вольную весну“.

Поэт дождал не только до весны, но и до „Урожая“. Пролетариат, несмотря на все тяготы борьбы с мировой контр-революцией, собирает плоды своей мучительной борьбы. И поэт пишет:

„Пришла пора... Шумят колосы,
Сомкнулась зыбкая стена,
На скудной почве чрепородья
Взошли благие семена...
Уже давно в полях мелькают

Неутомимые жнецы
И с тайной радостью собирают
Колосея зрелые венцы“.

Среди грозных бурь Самобытник не теряет. Обращаясь к „Скептику“ — товарищу, он говорит:

„Не к лицу тебе, товарищ,
Сыпать жалкие упреки:
Мир еще в дыму пожарниц,

И не все прочтальсь сроки"...
 „Пужню даль бесстрашным взором
 Сквозь гроаные года
 И, умирая, беззаветно верить
 В бессмертие труда“...
 „Продержись еще немного:
 В грозном пламени пожара
 Гранет братская подмога
 Со всего земного шара“

В поэзии Самобытника ярко выступает глубокая любовь к природе.

Весенним утром, когда он идет на завод,

„В руке пугливо дрожит сирень.
 В липовых гроздьях пестреют глазки,
 Слетают грезы с лесных вершин“.

На заводе поэт грезит над сталком и ви-
 ду:

„Заалед брусникой склоп,
 Засверкал рудей, звеня,
 Шепчут днестя близ меня“

Иди с работы, он наблюдает, как

„На свежем песке и скамейке
 Тель бросила сетки узора;
 Дрожат золотистые змейки
 На сумрачной башне собора“

И поэту не нужно каких-либо необыкновенных грандиозных картин природы. Красоту ее он чувствует повсюду вокруг себя: „на дне чуть заметной канавки“, где „то-ропится струйки живые“, и зелени, что „как светлое море шумит над дорожками парка“, встречая на заводе новичка, он вспоминает, что тот „пришел от мирных рос светлых речек и полей“.

В природе поэт находит и образы для выражения своих трепетных мыслей. Об этом говорит даже самое разделение сборника на отделы, которые озаглавлены „Зарницы“, „Весенние песни“, „Цветы труда“, „На рассвете“, „К вечному солнцу“.

Вот умирает в далекой ссылке девушка, и поэт сравнивает ее с красным умирающим цветком.

„Вьюгой овеянный снежной,
 Север далекий жесток—
 Снегом засыпан был нежный
 Красный цветок“

Может быть, этой влюбленностью в природу объясняется и то, что в сборнике нет стихов, посвященных жестокому каменному городу.

Отразив многие стороны жизни и мысли свою индивидуальность, поэт всегда стоит на высоте коллективистического идеала. Его „я“ или сливается с „тревожных сил ручьями“, или „с шовцами“, у которых „вдохновенною отвагой груди сильные зажглись“. Или же, наконец, его „я“, как яркая точка, теряется в звездном небе.

„Мы звезды в сумраке глубоком,
 Едва мерцаем и горим,
 Но на посту своем высоко
 Мы неизменно стоим“.

Встречает поэт на заводе новичка, и в нем он видит, как глубокий коммунист, не

конкурента, а нового товарища. Он не сознатель, он еще может изменить в борьбе с капиталом, но поэт смело заявляет:

„Пусть гудит стальной хаос—
 В цепь еще звено вилелось,
 Рать сомкнулася плотней“.

Поэзия Самобытника не оригинальна, образы ее однообразны и уже использованы в прошлом, не чувствуется и особенной музыкальности, хотя поэт и умеет находить для выражения своих чувств нужные ритмы. Есть подражательность. Кто, например, не вспомнит Надсона, читая строки:

„Женщина, друг мой, со мною страдающей,
 Друг, разделяющий грезы мои,
 Только упорной борьбой побеждающей,
 Обросим мы черные цепи свои“.

Все это даст возможность критикам из другого лагеря сказать, что пролетарские поэты живут еще на счет наследства прошлого, и сами не только не создали ничего нового, но не всегда достаточно свободно владеют стихотворной формой. Им мы ответим словами самого поэта:

„И тому, кто склоняться привык
 Пред высоким созданием искусства,
 Нашей песни суровый язык
 Не постигнуть заветного чувства,
 Только тот, кто сквозь слезы и гнет
 Сохранил в своем сердце порывы,
 В наших робких напевах поймет
 И тоску, и порыв, и призывы,
 И ту силу, что гордым ручьем
 Сковы окovy в ней бешено рвется,
 И ту песню, что вольным певцом
 На заре вольной жизни споет“.

Стихи Самобытника мы горячо рекомендуем каждому рабочему. В них он найдет отклик своих мук, своих радостей, своих восторженных творческих порывов „под Красным Знаменем“ в течение десятка лет.

В сборнике имеется небольшая биография поэта и краткая характеристика его творчества, в сожалению, на этих двух страничках имеются теоретические погрешности, якобы „обязательности“ пролетарской поэзии оптимизма.

В. Полянский.

К. Лоптин. „Рассвет“. Рассказы. Издание Петроградского Пролеткульта. 1919 г. 64 стр. Цена 3 р. 75 к.

Лоптин, несомненно, имеет литературный талант. В собранных рассказах чувствуется что-то свое, особое, присущее автору и выделяющее его из среды пролетарских писателей. Рассказ Лоптина сразу отличить от других.

В своих рассказах Лоптин не старается дать интересной и увлекательной фабулы, — у него другая задача. Объединяя отдельные факты жизни, часто даже не связанные логически между собой, он создает на фоне природы свое определенное настроение. Какая-то ласкающая грусть охватывает нас. Порой прозвучит Зайцевская нота, иногда почувствуется настроение Цепского.

Любит Лоптин описывать весну и не самую раннюю, а когда уже начинают набухать почки. Все действия рассказов происходят весной. И весна эта особая, своя, Лоптинская-радостная, ласкающая и всегда немного тревожно-щемящая сердце, грустная. Прозелени, показавшиеся светлым теплым дном, покрыты порошей; солнце озолотило эту зелень, но только чуть, оно причется за слоистой белеющей пеленой; теплый весенний воздух непременно теряет свою силу под напором холодного ветра, и набухнувшие почки ждут, когда им можно будет развернуть свои нежные листочки, не боясь пострадать от холода. И всегда так, как-то наполовину.

„По лугу возле Иржанова шагает его слабо очерченная тень на прозелени, чуть золотеющей от солнца, спрятанного за слоистой белеющей пеленой, сплошь укутавшей небо. Ветерок на просторе набегает, обвеивает внешней прохладой. И всюду в дали — леса, оголенные, расцвечивающиеся серыми и бурными сетками вершин. Кроткое что-то, апрельское, скромно-блеклое смотрит от лугов, и лесов, и полей и радуется душе предчувствием скорого расцвета. Все готово — вот, вот один только теплый солнечный день, — и все тут будет другое, зацветет все, зазеленеет пышно, напоит ароматом воздух весенний. А пока в холодном воздухе тонкие запахи земли, тронутой плугом, и еще чего-то болотного“. Так описывает Лоптин весну в рассказе „В апреле“.

„И кроткое что-то, апрельское, скромно-блеклое“, что „смотрит от лугов, и лесов, и полей и радуется душе предчувствием скорого расцвета“, — все это и составляет лоптинское настроение. Автор весь во власти его. Оно везде и в описаниях природы и в разговорах действующих лиц.

Вот и река „Нерена так же все бурлит, и крутится и влажно журчит, поет свою несенную песню, и в этой песни тихое что-то, задумчивое“. „А ее играющая поверхность расцвечивается отраженными в ней жемчугами облачными, стоящими над лесом за рекой, и лазурным небом, и отраженными отвесами того берега“.

„Солнце яркое, теплое осветило все избы“, но оно „сделало еще бледнее их блеклую окраску, в тон с блеклыми тонами неба и чуть зеленеющей земли и деревьев. От деревьев на землю ложатся мраморными жилами тени“.

Краткие, задумчивые, скромно-блеклые краски с просветом солнца на первой матовой зелени давно уже овладели душой поэта. Ранний рассказ помещен 1912 г., а поздний 1918 г.; и видно, что настроение Лоптина, в первых рассказах только еще намечавшееся, теперь выросло окончательно, выкристаллизовалось.

Свое настроение автор вполне сознает. В одном из рассказов, „Рассвет“, он объясняет его так: „Этот золотистый внешний рассвет, ширь эта родного простора расшевелили в душе его веру в то, что и всю многострадальную его родину ждет скоро тоже рассвет, что засияет он победно над ней на радость и счастье для всех“.

„А на земле снежная лежала пороша, ознобля молодую нежную поросль, напоминая о суровом холоде действительности, с которым предстоит еще бороться“.

Описывает Лоптин исключительно деревню и притом деревню нового времени, в которую приезжают отдохнуть голодающие большевики — питерские рабочие. Их наблюдения, разговоры и настроения и составляют обычно содержание рассказов, но ничего, специфически пролетарского в данных переживаниях нет.

К лучшим вещам следует отнести рассказы „Рассвет“ и „У перевоза“.

В. П-ий.

Г. Е. Нечаев. „Вечерние песни“. Стихотворения. 1914 г. Москва. 152 стр. Цена 1 руб.

„Кто ищет откровений, нового слова, тому эта книга ничего не даст. Но кому отрадно быть в общении с многострадальной, чувствительной и чуткой душой к возвышенному и прекрасному, тому эти стихи простого русского рабочего доставят много светлых минут“, так пишет издатель. И это верно; но не одно это заставило нас взяться за перо с намерением написать несколько сердечных слов по поводу „Вечерних песен“ старого рабочего.

Мы живем в яркие весенние дни, когда новая жизнь раскрывается волшебною сказкою, а он родился, когда русский народ влачил еще цепи крепостного права, и начал писать, когда некоторые из современных деятелей еще и не слышали о рабочем движении.

И если мы предъявляем определенные строгие-классовые требования к современному пролетарским поэтам и писателям, то эти требования не применимы к поэту-рабочему, который начал писать в 1892 г. и которому теперь уже 60 лет.

Нечаев интересует нас, как один из первых поэтов-пролетариев. Пусть его настроение чужды нам и порой кажется чуждыми и незначительными, но перья пуха прошел наш русский пролетариат. И если он не хочет быть Игнатьем, непомнящим родства, то ему не безинтересно, чем мучались и волновались, в чем находили радость и утешение его братья в так далекие от нашего бурного времени года. Теперь так ярко светит солнце, а тогда ночь, глубокая ночь, беспросветная, окутывала суровую русскую действительность.

Нечаев родился в 1859 г. в бедной семье рабочего хустаньщика.

На десятом году, когда мальчик еще не пережил короткого счастья детства, отец отдал его в качестве „хлонца“ в „гугу“, на стекольный завод.

Что это была за жизнь, поэт изложил в своей песне:

„Под звоп железа и стекла,
Под крышей шумного завода,
Среди бездомного народа,
Моя жизнь горькая текла.“

Без алых зорь и асных дней
Поля лилейный и скорбей.

И детства многого не знал,
Не знал и юности беспечной,

И вместо радости сердечной
Недобедал, недосыпал,
Полураздетый мара зимой,
И задыхался в летний зной.

Поэт мучился, искал выхода из этой жизни-тюрьмы, жаждал знания, но получить его было неистово. Часто заходит к будущему рабочему поэту коробейник, но лучше Еруслана Лазаревича он не мог ничего предложить.

Поэт порой и жизни не рад, но бабушка утешает его. Показания на звезды, она говорит:

«Всем горемычным вечерней порой
Звездочки плывут с высоты голубой.
В блеске лучистом горячий привет,
Горю заповенье и мысли просвет,
Манят с собой в беспредельную даль,
Где не касаются сердца печаль,
Где только ангельский хор без конца
В гимнах торжественных славит
Творца.
Там только в небе, где звездочек
Милая внушка, страдающая не!»

И внушка верит, что есть небесный мир с добрым богом, но жизнь так мучительно тяжела, что из его груди порою вырываются слова протеста.

И он в образе „Язычницы“ с болью в сердце кричит:

„И верила ему от колыбели:
Он добр, он добр,—мне говорила
Мать.
Когда меня укладывала спать, колыбельно
Голодную, сжимавшуюся у постели...
Прошла ночь. Мечтам моим: бесплод-
но...
Увы!—теперь не верю, как и снам...
Я поняла: он не поможет нам,
Рабам нужды, забытым и голодным...
Довольно лгать! Я не могу сию-
временно так...
В мольбе пред тем, кто близок богачу,
А бедным чужд... Довольно! Не хочу
И не могу я более молиться!...
Он бедняку страданием грозит,
А рай земной он отдает счастливым!“

А жизнь становится все круче и круче:

„Болен—терпи, не показывая слез,
Голоден, и грусть не выдавайся,
Взлет как щенка, улыбайся, злокопни
В алойное лето и лютый мороз...
Где бы ты ни был—всегда и вездехи
Только и думай о тяжком труде!“
А между тем:
„Расширились заводы, о Яны
Фабричных труб красуются ряды...
Владельцев их устроились доходы!“

И только рабочие,
„Трудясь в поту кровавом до могилы,
Бедны как встарь и также голодны!“

И в эти годы тяжелых страданий поэту хочется крикнуть перед целым миром:

„Ведь люди мы, не звери, не скоты!“

Постепенно перед поэтом вырисовывается идеал свободы, который

„На благо общее народа
Небесной волей создан!“

Поэт молился ей. Увлекался „Атаманом Медвежья Лапа“ (книга коробейника) и стихами И. З. Сурикова, поэт хочет петь „свободную песню“, как поет соловей „пчеларе“, но в ней нет нежных звуков.

„Только стоишь да бессильная злоба
Выливается в песни моей“

Жалуетеся поэт, но все это не мешает прийти ему в рассвет, хотя и далекий:

„По чудо,—солнца ясный луч
Рассеет мглу угрюмых туч“

Поэт дожидается светлых дней. И тогда, что ему казалось сказкой динной, стало явью. В сборнике много стихотворений, посвященных деревенской природе. Оторванный от нее, как и большинство рабочих, Нечаев побит поле, бор дремучий, серебристую трещку, что, обвивая ивы, блещет среди лугов, тихий вечер, румяное утро и трепетную трель соловья. Но эти картины не бьются красками, временами слишком чувствительны. Есть недурные посвящения любимым поэтам Дрожжину, Сурикову, Кольцову, Некрасову и другим.

К более сильным вещам относятся: „Большой“, „Гусляр“, „Голое души“, „В зимнюю непогоду“ и некоторые другие. Полны трогательного лиризма „Грезы“.

Поэт жив и сейчас. Не далее как в 1914 г. он еще работал на стеклянном заводе в г. Клин, Московской губернии.

Поэзия Нечаева в прошлом, но она интересна нам, как отзыв определенной исторической полосы; она близка нам, как части наших долгих страданий.

В. Пий-
„Взмахи“.

1-й сборник Саратовского Пролеткульта 1919 г. 127 стр. Цена не обозначена.

Маленькая серенькая книжка с футуристическими кляксами на обложке; очевидно, для пояснения заголовка сборника. Как и предполагается, „реиндустриальный художник“, что не затерялась его работа, крупным шрифтом отметил: „обложка художника Валентина Юстицкого“. С рисунком обложки вполне гармонируют и все те вещи, которые составляют содержание сборника, все те бесильные „взмахи“ авторов, которые стараются выкрикнуть с пафосом мелодризм модное слово пролетарской культуры. Но это им абсолютно не удается. Нет у них ни таланта, ни даже простых способностей, а главное, нет понимания проблем пролетарской культуры. Какие-то обрывки старых мыслей в разных старых формах. Дешевый интуитизм, недостижимый успех. Интеллигентские потуги приспособления старого к новому.

И весь этот пассаж произошел не от того, что у саратовцев „не было сил“, как они гордо заявляют в обращении от Литературной студии, а потому, что силы эти недостаточно развиты; что они еще не нашли

собственного пути, и нужно добавить, не вполне продумали и прониклись тем, что об этих новых путях писалось хотя бы на страницах нашего журнала. Иначе не было бы ненужных и бесплодных попыток доказывать, полемизируя другими, что "саратовцы" все тревоги и радости трудящихся признают равноценными, а другие как будто нет, погибая в "особых, специальных, индустриальных требованиях".

Но перейдем к отдельным вещам. Их вред ли меньше, чем страниц сборника, а потому пусть не сетует на нас ни читатель, ни авторы сборника, что мы не всем уделим достоянно внимания.

Вот выступает Нина Смирнова со своими "Поэзументами сквозь дым". В тяжелом болезненном бреде она смотрит: "как русалки хвостами опрокидывают поэзументные годы. Целенают осколки влажными косами, ласкают, душат атласными руками". Странный образ! Непонятно, почему это революцию, разрушительницу культуры старых годов угнетения, нужно было представить в виде русалок, заманивающих в сети своей красотой и "неземным голосом". Революция идет с открытым челом. Противоречивый образ. Революция, как русалка, не целенает и не ласкает старых годов, чтоб задушить их. У революции нет этого коварного приема. Но забавнее всего конец. Русалки с диким хохотом бросают в пучину старые годы, но так как эти годы спелены влажными косами самих же русалок, то выходит, что русалки сами себя побросали в пучину или, по крайней мере, с осколками старых годов на шею пошли ко дну. Странная картина революции.

Еще нелепее "Зеленый зой", где все смешалось: ребенок и лесной, травянистые косы и шелковые коконы, и самому творцу этого первобытного хаоса захотелось почить от дел творения. Ему "хочется уже броситься и растянуться по всем крышам". Но хорошо, что все страшное имеет конец. Вот вам вещи Лидии Том. На шести маленьких страничках она описала нам: "Ночь и смерть", "Весеннюю ночь", "Океан", "Горы", "Полдень", "Полночь", "Горе", не забыла и "Стеклышко". Прибавьте сюда стихотворение "Веселая" и рассказ "Проповедь". Теперь читатель может судить о той силе таланта, с которой автор в четырех-пяти строчках разрабатывает ту или другую из своих многочисленных тем.

Трудно что-либо положительное сказать о вещах Тепловой и Строковой. Но им должно быть поставлено в заслугу хотя бы то, что они не кривляются, подражая своим подругам по сборнику. Но у них странные вкусы. Мы боремся за новую светлую, радостную жизнь, полную счастья, а Строкова предпочитает жизнь строгую, в терново-лавровом венце, и революция ей рисуется "постылой, пустой, сухожилой, хилой, корявой и право-живой".

"Огромное, круглое стало красно и блестяще. Где-то глухо, тяжело ворочался напившийся багрово-черной влагой, нарастающий подземный гул". Так Теплова рисует приближение революции. Комментарии к

этому, читатель, не нужны. Вы и сами прекрасно чувствуете "премесь" образа.

Не оригинальны, но вполне достойны впечатления стихи Винокурова: "Песни машин" и "Дети труда".

Рассказ В. Бликова мог быть интересен, если бы над ним поработать, а в данном виде он представляет черновой набросок.

"Андрей Черный" (Очерк) Брючкова стар по замыслу и к тому же не разработан.

Вещи К. Молодовецкого никакого отношения к пролетариату не имеют и в чисто художественном отношении не ценны.

Есть в сборнике бесцельная статья "О человеке", написанная в либеральном духе; литературная характеристика Эмили Верхарна, который под пером автора выглядит маленьким, сереньким и тусклым. Куда только девалась многокрасочность и многогранность души бельгийского поэта!

Нам хотелось бы остановиться еще кое на чем из первых саратовских "Взмахов", но мы опасаемся повергнуть читателя в грусть и уныние, или вызвать досаду и раздражение и он отложит сборник в сторону, а ведь в нем есть небольшое стихотворение в прозе А. Третьякова "Уныние", которое своей мыслью, настроением и формой выгодно выделяется среди других вещей.

А. О.

В. Попов. Рассказы. Издание Петроградского Пролеткульта. 1919 г. 32 стр. Цена 2 р. 25 к.

В этой книжке два рассказа: "Запись" и "Смерть Осонина". В том и другом рассказе описывается положение официантов.

В первом проходит перед читателем сцена записи на службу при открытии сезона. Официанты в ожидании "старшего" толкуют у ворот, обсуждают свои надежды на прием, полагаются на рекомендательные карточки от доходных посетителей, градоначальника, околоточного и родственников директора сада. Затем идет сцена приема на службу, при чем директор сада Белугин отбирает рекомендованных, послушных, утихих, расторопных и умеющих "уважить" посетителей.

Членов союза официантов ему, конечно, не нужно.

Во втором изображается самая работа в саду.

На фоне кутежей и разврата в кабинетах проходит драма Осонина. Не успев во время услужить доходному посетителю, Осонин лишается места, а когда он после долгих мучений идет извиняться перед посетителем (эти сцены каждый день происходят), тот его гонит прочь. С отчаяния измученный Осонин в кабинете посетителя столовым ножом перерезает себе горло и умирает.

"Холуйская морда наша место, где.. бросил неоконченную фразу посетитель".

"Дайте другой кабинет".

Из рассказов видно, что автор чувствует неправду жизни и стр. дает вместе со своими официантами, но у него нет ни нужных красок, ни нужной художественной силы, чтобы изобразить драму своих героев с той

яркостью, с которой написан И. Шмелевым
„Человек из ресторана“. А. О.

Н. Тихомиров. „Красный мост“. Стихи
Издание Петроградского Пролеткульта. 1919 г.
48 стр. Цена 3 р.

Тихомиров любит завод. Это про него он
пишет:

„Вот он—витязь грозный, смелый—
Разбросал косматый дым,
Огнеликий, законченный,
Свищет с рокотом глухим!“
„Вот он—могучий, грозный, пьяный..
Ярким пурпуром горит!“
„Сыплет яркие червонцы
Пекр, смеющихся грозой“.

Поэт уверяет, что „его буревые стихи
слагаются „под гуденье немолчных стан-
ков“, что его „золотые струны стонут, поют
под удары стальных молотков“.

Это не всегда так. Своими корнями чувств
поэт глубоко ушел в землю, в деревенскую
природу и ей живет.

Он уверяет нас, что завод „затмил закат
багряный“, что „перед ним бледнеет солнце“,
„что от горюх, мехов пелуучих“ он не пой-
дет „в цветную даль“, но его „Кузнец“, у
которого „пескря брызжут ярким золотом“,
мечтает:

„Вот туда б, где солнце жаркое
Льет целебные лучи,
Где бегут, переливаются
Говорящие ручьи.
Отдохнуть бы от заботушки
Посреди родных лугов
И послушать бы на зарюшке
Песни вольных соловьев“.

Да и сам поэт, возвращаясь из деревни в
„город пьяный“, с грустью замечает:

„В вичужей жизни городской
Я закружусь, по видах леса
И буду слышать в мастерской.
И аромат цветов игривых
И сохранил в душе своей,
И много дум для сердца милых
Я унесу с родных полей“.

И этот „аромат“ родных полей чув-
ствуется в маленькой книжке стихов. Опи-
сывает ли поэт весну, лето, осень, зиму, он
всегда обращается к деревне, и последняя
вдохновляет его на прекрасные строки.
Например:

„В заренном просторе нежные
Колокольчики звенят,
Что за гости к нам аэзные
С юга теплого летят.
Льются, падают пугливые
Звуки страстные и мрут,
Журавли кричат сонливые,
А лягушки будят пруд“.

Изли:

„Загудела седовласая пурга,
В дымке ночи зазеленел жемчуга,
Под окошком злая ведьма голосит
И воротами со злобой скрипит;
Оборвала ставню с петель, хохоча,
Машет ладью серебристою с плеча,

Забегает за овини и поет,
Что метлою путь дороженьку метет,
И бросается волтицею в окно,
Тянет тонкое львиное волокно“.

Деревенскими настроенными подны и
прекрасные „Сорочины“, и бедурная вещь
„Забубенная головунья“, и некоторые дру-
гие.

Эти настроения отвлекают поэта от чисто
классовых, пролетарских мотивов и устраи-
вают его внимание на „Русь“, на „Воль-
ницу“..

Но это Русь новая:

„Посмотри на поля неоглядные;
Колосится кормилица-рожь;
И луга и поляны—парадные,
Русь свободная пышно цветет“.

У пахара „дудри смолевые“, и „думы
огненные“ мечутся в душе,
А там у раба, где

„Васильки цедуются украдкой,
С васильками нежными грустя“.

под серном, трепетно дрожа, ложится рожь,
„Без разгибу живет крестьянка молодая“, но
это не некрасовская замученная женщина,
наоборот, она сильна:

„Грудь высокая колыхнется волной
Под рубашкой белой, что снег“.

А вот и „Вольница“:

„На Руси свободной, красной
Буйно вольница живет!“

Разгулялась Русь-бунтарка:

„В городах и селах бури,
Вскочилихулась Русь до дна,
Рвется птицею и лазурь,
Волей юною подна“.

Но это не просто революционно-демокра-
тические мотивы. С мыслью у станка и с
сердцем в деревне поэт прокладывает „Бра-
ту-пахарю“ „красный мост“.

Недаром сборник начинается стихотво-
рением „Братия“.

„Мы с тобой родные братья:
Я—рабочий, ты—мушкет,
Наши крепкие объятья—
Смерть и гибель для владык.
Я кую, ты пахнешь поле,
Оба мы трудом живем,
Оба вместе в светлой воле,
С бою каждый шаг берем“.

Есть в сборнике стихи, посвященные шее,
тканице, работнице кулаку и некоторые
другие, но они ничем не выделяются. Впро-
чем, стихотворение „Деревенский кулак“
написано в грубых, вульгарных тонах и рас-
считано на низкий вкус.

Стихом Тихомиров владеет, хотя глаголь-
ная рифма и часто портит его стихи:

„Солдатские головы, веришь,
Все стрижены ежиком, знаешь,
Погост-то большой, не измеришь..
Все слезы, казись, вытираешь“.

Это уже становится скучно и утомительно

Если б из сборника выкинуть несколько стиховорений, он выиграл бы и с идейной стороны и со стороны художественной.

Но тут вина падает не на автора, а скорее на редакцию. А. О.

Генрих Кунов. „Возникновение религии и веры в бога“. Перевод и предисловие Н. Степанова. Книгоиздательство „Коммунист“. 1919 г. 162 стр. Цена 13 руб.

Мы с большим интересом и вниманием приступили к чтению работы Г. Кунова. Вопросам религии марксизм уделял меньше внимания, чем следовало бы. Поэтому всякая работа по этому вопросу, даже независимо от своей научной ценности, находит своего читателя. Работа же Г. Кунова имеет, несомненно, научное значение и дает богатый исторический материал, иллюстрирующий положение автора.

Кунов в своей работе вносит поправку ко взгляду Энгельса на религию, „по истолкованию которого на первых ступенях истории комплексы религиозных представлений определялись силами природы и только много позже в качестве формирующих сил наряду с силами природы выступили и общественные силы (т. е. социальные факторы), определяемые строем хозяйства“.

Отмечая сильное влияние на К. Маркса и Ф. Энгельса, Макса Мюллера, который являлся главным представителем учения о первоначальности культа природы, Г. Кунов на протяжении всей своей работы доказывает читателю путем анализа развития религиозных представлений у дикарей, „что вера в духов возникает у дикаря не из страха перед силами природы, а из страха перед загадкой собственной внутренней жизни. Характер же дифференциации первоначального мира духов, совершающейся с прогрессом культуры, зависит вовсе не от воздействия сил природы; напротив, он определяется развитием расчленения социальнородовой организации: возникновением тотемистических групп, семейных поселков, домовых общин, племен и т. д. — следовательно, способом организации совместной жизни, который в свою очередь определяется особым характером добывания средств существования“.

Несмотря на обилие ссылок на различные исследования религий у первобытных народов, на обилие, местами совершенно ненужное, утомляющее, скучно-однообразное и отодвигающее назад основную идею, автор не всегда убедителен. Стремясь объяснить все характером добывания средств существования, Г. Кунов опускает из виду те производственные отношения, в которые становились члены племени, общины или поселка. Оставив в стороне анализ разделения труда у первобытных народов и разделение членов первобытной общины на руководителей и исполнителей, автор не смог с надлежащей ясностью и убедительной обоснованностью выяснить вопрос о происхождении тотемов и бога.

Вопрос о почитании предков и происхождении бога отчетливо выяснен А. Богдановым

в тех его работах, в которых он касается развития мысли у первобытного человека.

Чтобы рассеять то недоумение, которое в данном случае может оставить книга Г. Кунова, рекомендуем прочесть соответствующие главы из „Науки об общественном сознании“ А. Богданова и из „Курса Политической Экономики“ А. Богданова и И. Степанова. Том I.

Несмотря на указанный недостаток, работа с достаточной убедительностью доказывает, что в деле развития религиозных представлений у диких народов „величайшее значение имеет, занимается ли известный народ преимущественно охотой, рыбной ловлей, скотоводством или возделыванием земли, и каково для каждого отдельного случая сочетание этих форм хозяйства“.

Путем сопоставления отдельных мест из пятикнижия Моисеева и сравнения их с научными исследованиями этнологов и санскритологов, автор испровергает противоречия христианского учения о творении мира в семь дней и указывает, какие элементы этого учения отсюда и как были привнесены в нашу Библию.

Обстоятельно выяснены вопросы, как душа в представлении первобытных людей из существа, имеющего форму человека, превратилась в тонкую воздушную субстанцию; как с экономической дифференциацией разделение функций в обществе наступает в известном смысле разделение функций и между богами.

Поучительно, особенно для широких народных масс, те, к сожалению, немногочисленные места работы, в которых автор выясняет, как близко стоят к языческому представлению дикарей отдельные пункты нашего религиозного мирозерцания. В вопросе о воздаянии, например, подчеркивается, что „устанавливаемый опытом факт, что здесь, в земной жизни, почти все можно купить: положение, почести, силу, любовь и т. д. самым наивным образом переносится на ту жизнь“. „Как много таких благочестивых и „образованных“ христиан, которые верят, что платой за панхимиды или пожертвованиями в церкви и монастыри они могут улучшить участь свою или своих близких в угрожающей той жизни“.

Какова же разница в религиозных взглядах дикаря и современного христианина? Никакой. Как дикарь, так и современный христианин подкупает бога жертвами; и чем больше он хочет получить от бога благ, тем большее делает ему приношение. Оформивший выгодную сделку, конечно, отблагодарит бога не свечкой в пять копеек, а хорошей иконой, новым колоколом, притвором или каким-либо благотворительным учреждением.

В данный исторический момент, когда идет борьба трудовых масс не только за политическую власть, но и за социалистическое мировоззрение, которое в корне отрицает всякую религию, мы настоятельно рекомендуем работу Г. Кунова, особенно для партийных лекторов и агитаторов.

Пав. Лебедев.

Герман Гортер. *Исторический материализм. Перевод и предисловие Н. Степанова. Книгоиздательство „Коммунист“. 1919 г. 140 стр. Цена 12 руб.*

„Исторический материализм сам по себе еще не мирозерцание; это путь, средство, одно из многих средств, ведущих к новому мирозерцанию: как дарвинизм, как все естествознание, как учение Маркса о капитале и учение Дидгена о духе или познания тоже являются такими средствами“.

„Исторический материализм есть теория, которая объясняет, что дух определяется общественным бытием, что общественное бытие заставляет мышление идти по определенным путям и оказывает решающее влияние на желания и действия индивидуумов и классов“.

Так формулировал автор свою исходную точку, приступая к работе об историческом материализме.

Свою задачу, за исключением отдельных мест, автор разрешил вполне правильно на ряде современных близких и понятных пролетариату примеров из его общественной борьбы, и притом популярным языком. Все это заставляет рекомендовать книгу Г. Гортера самым широким кругам пролетариата.

„В целях социалдемократии, как пишет Г. Гортер, а мы скажем коммунизма, входит не только превращение частной собственности на средства производства, т. е. на силы природы, орудия и землю, в общую собственность, при чем это превращение осуществляется посредством политической борьбы, завоевания государственной власти: социалдемократия охватывает не только политическую экономическую борьбу, — нет, она представляет нечто большее, она охватывает также и идейную борьбу против общественных классов, борьбу за мирозерцание“.

Данная работа и дает возможность уяснить русскому рабочему сущность исторического материализма, как одного из средств в борьбе за свое пролетарское мирозерцание.

Автор разбирает все важнейшие вопросы: науку, знание, право, политику, правду, религию, философию и искусство; все эти проблемы встают перед читателем в ярком освещении исторического материализма.

Правда, в вопросе о религии Гортер расходится с Куновым, что отмечает в предисловии и тов. Степанов, но в данном случае это несколько не ослабляет рассуждений Гортера. Кунов полагает, что сначала был культ предков, а затем культ природы; Гортер держится противоположного мнения. Но ни тот ни другой взгляд не помещал авторам с очевидной наглядностью для всякого доказать, что религия — продукт общественных, производственных отношений; а это самое важное.

Понутно нам хотелось бы отметить случайно брошенные, как бы подсознательные, замечания автора, которые остались неразрешенными в работе, но которые приобрели активность и которым мы уделяем много внимания на страницах наших изданий.

Понимая социализм не только, как политическую борьбу, но как широкое культур-

ное движение, Гортер, быть-может, не давая вполне ясного отчета в важности своих слов, говорит о новой форме пролетарского движения, когда предлагает рабочему, чтобы он по вечерам „отправлялся в собрание своего профессионального союза, своей партии, или пролетарского культурно-просветительного общества“. Он сознает, что „новое знание необходимо для пролетарской борьбы так же, как профессиональная организация и политическая борьба“.

Буржуазия в силу своего общественного положения вынуждена прибегать к лжи, и „это относится не только к повседневной борьбе, но прежде всего и к научной истине относительно самого общества“ и всех остальных доктрин.

В другом месте автор затрагивает вопрос и о самых способах мышления, указывая, что „сидефический способ мышления“ профессоров юридических наук и политической экономии, судей, нотариусов и т. д. определяется производственными отношениями.

Указанные проблемы остались у Гортера неразработанными, но важно то, что действительность пролетарской борьбы выдвигает их на сцену, как неизбежное, инстинктивное стремление пролетариата.

Книга Г. Гортера выгодно выделяется среди популярной литературы об историческом материализме и своим содержанием и своим изложением, а потому мы еще раз настоятельно рекомендуем ее вниманию пролетариата. **П. Л.**

А. Богданов и И. Степанов. *Курс политической экономии. Том 2-й. Выпуск 4-й. Общая теория капитализма. Коллективистический строй. Государственное Издательство. Москва. 1919 г. 205 стр. Цена 25 руб.*

Данный выпуск является последним выпуском замечательной коллективной работы по политической экономии, которая долгие годы будет настольной книгой каждого интересующегося экономическими вопросами.

Когда появился первый том, — это было в 1910 году, кто-то из буржуазных рецензентов, кажется в Русской Мысли, писал, что в сущности перед нами лежит не курс политической экономии, а курс истории культуры. Наивный рецензент с высоты своей буржуазной научности не мог понять и усвоить плана и метода данного труда. Как и все буржуазные экономисты он полагал, что курс должен был быть разбитым на отдельные главы о производстве, обмене, распределении и потреблении в их теоритической абстракции, а не в исторической последовательности и связи, каковой метод применили и не могли не применить авторы марксисты. И этот метод дал блестящие результаты, развертывая перед читателями яркие стройные картины экономической жизни различных эпох, начиная с первобытной коммуны и кончая капитализмом и даже коллективистическим обществом, поскольку о нем можно судить по имеющимся налицо данным. В курсе читатели найдут весьма поучительные страницы и о том, как развитие производительных сил отражалось на организации экономических отношений

различных элементов общества и на их идеологии, на их методах мышления.

Совершенно оставляя в стороне блестящие страницы, посвященные общей теории капитализма, мы, работая над разработкой вопросов пролетарской культуры, хотели бы обратить, сугубое внимание читателей на те главы, в которых выясняется „место и значение теории трудовой стоимости и науки“, „идеологическое развитие в эпоху пролетарского капитализма“ и „идеология в эпоху коллективизма“.

Картины того, как промышленный капитализм, „доведя индивидуалистическое и товарно-фетишистическое мышление до полного развития, начинает разлагать и разрушать его, подготовляя окончательную его замену новым, высшим типом“; — как „мнимая самостоятельность индивидуальной мысли, растущая вместе с раздроблением общества и усложнением его опыта, прикрывает, как бы маскирует, мировоззренческие и групповые“; — картины идеологической борьбы в эпоху промышленного капитализма со времен реформации до российской революции 1905 годов, — все это вскрышает противоречивую сущность буржуазной идеологии и роль буржуазной интеллигенции, которая, являясь выразительницей классовых интересов и задач буржуазии, стремится удерживать за собой культурно-руководящую функцию.

В главе „Коллективистический строй“ автор останавливается на технике нового общества; подчеркивая, „что техническую основу коллективизма составляет использование неограниченно широких по сравнению с доступными теперь человечеству

запасов энергии, приводимых к максимуму в гибких формах“, он указывает, что „автоматически-регулируемые механизмы приобретут значение основного типа техники“, а это в свою очередь приведет к тому, что как было и на заре жизни человечества, всякий труд станет принципиально однородным, простым. Высшая культура труд простой и квалифицированный станет единой.

Изменится и форма сотрудничества; она будет представлять научно-организованную систему товарищеских связей, централистический коллектив, основанный на подлинной подлинности его элементов и их группировок, при высокой психической однородности трудящихся, как всеобщие развитых работников“.

В связи с новой экономической жизнью и новыми экономическими отношениями, которые развернутся с исторической неизбежностью в мировом масштабе, пойдет быстро и легко лингвистическое объединение человечества, которое выработает единый язык общечеловеческой культуры; разовьется новая, особая наука о методах организации, и в конечном результате выработается новое мировоззрение, „активное, социальное, научно-материалистическое“, которое выдвинет все старые нормы общественных отношений, дающие для всех нормы общих интересов“.

Этим по везло кратким перечислением интересующих нас мыслей столь богатой по содержанию книги мы заканчиваем свою рецензию; настоятельно рекомендуем прочесть книгу всякому участнику великого коммунистического переворота.

П. Л.

Редакция журнала просит присылать ей для отзыва рабочие журналы и сборники пролетарских писателей и поэтов.

Ваше письмо получено. Мы постараемся ответить на него как можно скорее. В настоящее время мы работаем над тем, чтобы выпустить в свет новый номер журнала. Мы надеемся, что он будет интересным и полезным для вас. Мы также надеемся, что вы сможете прислать нам свои работы. Мы будем рады их рассмотреть.

С уважением,
Редакция

М VII - 25554
Государственная
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
в Ленинграде

Издатель — Государственное издательство. Редактор — Редакционная Коллегия.

Государственная типография (бывш. Т-ва Н. Д. Ситникова-Пятишников, 71).

„Пролетарская Культура“.

№ 1. 1918 г. Июль. От редакции. — Под знамя „Пролеткульта“. В. Полянский. — „Пролеткульт“ — орган пролет. самостоятельности. В. Керженцев. — Пролетариат и творчество. Ф. Калинин. — Что такое пролетарская поэзия? А. Богданов. — О репертуаре рабочего театра. В. Богдановский. — К созову Всеросс. конф. к-пр. раб. орг. Орган. Бюро. — Хроника „Пролеткульта“. Ст. Кривоцов. — Библиография: „Красный огонек“. Е. Х. — „Пламя“. „Творчество“. А. О. — „Грядущее“. П. Л.

№ 2. Июль. Национализм и социализм. В. Полянский. — Наша критика. Ст. 1-ая. А. Богданов. — Рабочий клуб. Ф. Калинин. — Идеал воспитания. А. Богданов. — К созову Всеросс. конф. прол. к-пр. организаций. Тезисы докладов: Революция и культурные задачи пролетариата. В. Полянский. — Наука и рабочий класс. А. Богданов. — Пролетариат и искусство. А. Луначарский. — Идеалы социалистического воспитания. Н. Ульянова (Н. Кружская). — Железный мессия. В. Кириллов. — Похороны. А. Поморский. — Чужда работы. А. Гастев. — Хроника „Пролеткульта“. Втор. конф. Петрогр. „Пролеткульта“. П. Л. — В провинции. Ст. Кривоцов. — Библиография: Литерат. Альманах. В. П. — И. Тимирязев. Красное Знамя. А. О. — Известия Москов. Пролет. Ун-та. С. Д.

№ 3. Август. Мотивы рабочей поэзии. В. Полянский. — Наша критика. Ст. 2-ая. А. Богданов. — Рабочая работа. Ст. Кривоцов. — Классовый театр. И. Малинин. — К созову Всеросс. конф. прол. к-пр. организаций. Тезисы докладов: Пролетарский клуб. Ст. Кривоцов. — Норма представительства и план работ конференции. Орган. Бюро. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. Ст. Кривоцов. — Библиография: А. Богданов. „Красная Звезда“. И. Инженер Эллин. С. Д. — И. Тьерсо. Праздники и песни французской революции. Т. Р. — Две рецензии. А. О. — От редакции.

№ 4. Сентябрь. Тов. Н. Ленин. В. Полянский. — Методы труда и методы познания. А. Богданов. — Путь пролетарской критики и поэзия. А. Гастев. Ф. Калинин. — Труд воспитательный и труд производительный в новой школе. В. Полянский. — Чем должен быть рабочий клуб. Н. Кружская. — Всероссийский Союз рабочих писателей. В. Игнатов. — К созову Всеросс. конф. прол. к-пр. организаций. Тезисы докладов: Рабочая кооперация и пролетарское культурное строительство. Н. Васильевский. — Завод весенний. Песня о железе. Стихи. М. Герасимов. — Хроника „Пролеткульта“. Московский „Пролеткульт“. Отчет. В провинции. Ст. Кривоцов. — Библиография: „Грядущее“. П. Л. — „Пламя“. А. О. — „Литерат. Прилож.“. № 1. В. Г. — „Творчество“. А. О. — В. Кириллов. Стихотворения. П. Л. — В. Фриче. Пролетарская поэзия. В. Г.

№ 5. Ноябрь. Год пролетарской диктатуры. В. Полянский. — Идеология производства. Ф. Калинин. — Пролетарский университет. А. Богданов. — Организация литературного творчества. В. Керженцев. — Первая Всероссийская конф. пролет. культ.-просвет. организаций. В. Луначарский. — Резолюции конференции. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. Ст. Кривоцов. — Библиография: „Горь“. В. Полянский. — „В буре и пламени“. В. И-ий. — „Вечные розы“. А. О. — „Из дневника детского сада“. Е. Херсонская. — „Горнило“. В. Г. — „Грядущая культура“. П. Л.

№ 6. 1919 г. Февраль. Международная революция и пролетарская культура. В. Керженцев. — Об идеологии. Ф. Калинин. — Очередные вопросы. В. Полянский. — Методы работы „Пролеткульта“. В. Керженцев. — Теория и практика. Т. Седелников. — План организации „Пролеткульта“. — Предместия. Стих. М. Рудинштейн. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. Ст. Кривоцов. — Пролетарские культ.-просв. организации. — Библиография: „Пролетарский сборник“. В. Полянский. — „Вестник жизни“. В. Луначарский. — „Грядущая культура“. П. Л. — „Завол огнескрытый“. А. О. — С. Малашкин. „Мыскуль“. А. О. — С. Есенин. Преображение. В. Г. — П. Орешин. „Красная Русь“. В. Г. — С. Срединский. „Основы газетного дела“. М. М. — „Зарево Завозов“. В. Полянский. — „Мир и человек“. П. Л.

№ 7-8. Апрель-май. Пролеткульт и советская культурная работа. А. Луначарский. — Наши задачи и пути. В. Полянский. — Очерки организационной науки. А. Богданов. — О профессионализме рабочих в искусстве. Ф. Калинин. — О профессионализме. В. Петисев. — Коллективное творчество в театре. В. Керженцев. — О футуризме. Ф. Калинин. — Поэзия советской провинции. В. Полянский. — „Жрецам искусства“. Стих. В. Кириллов. — Авиаторы. Расск. А. Шляпников. — Примерный устав клуба „Пролеткульта“. Всеросс. Сов. Пролеткульта. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. — Инструкторские курсы. Ст. Кривоцов. — Конференции. — Отчеты. — Библиография: А. Сидоров. „Революция и искусство“. С. Д. Б. — Залевский. — „Искусство и пролетариат“. Ст. Кривоцов. — Грошник. Рассказы. П. Рудокон. — В. Игнатов. „Свадебная вечеринка“. П. Рудокон. — „Гудки“. В. Г. — „Наш горь“. В. И-ий. — „Красное утро“. А. О.

№ 9-10. Июнь-июль. Пролетарская культура и ее критика. Ф. Калинин. — Очерки организационной науки. Ст. 2-я. А. Богданов. — Ч. Дарвин и К. Маркс. К. Тимирязев. — Познание в свете истории. В. Полянский. — Рост Пролеткульта. О. Райзин. — О тенденциях пролетарской культуры. А. Гастев. — О тенденциях пролетарской культуры (ответ Гастеву). А. Богданов. — О провинциальных пролетарских университетах. А. Богданов. — К закрытию пролетарского университета. — Хроника „Пролеткульта“. В провинции. О. Райзин. — Отчеты. — Библиография: М. Герасимов. „Завод весенний“. и „Цветы под огнем“. П. Л. — В. Александровский. „Рабочий поселок“ и „Север“. В. И-ий. — А. Поморский. „Цветы восстания“. В. И-ий. — „Пролеткульт“. А. О. — „Пролеткульт“. П. Рудокон. — Труд и Творчество“. П. Рудокон.

Адрес Ц. Н. В. С. Пролеткульта и журнала „ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА“.

Москва, Волхонка, 18. Телефон 26-30.

Цена 12 рублей.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена.

Государственное Издательство.

